

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

АЛЕКСАНДР

БУШКОВ

ЧУДОВИЩА В ЯНТАРЕ 2
УЛИЦА МОЯ ТЕСНА

В занимательности Александру Бушкову не откажешь.
Книжное обозрение

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе
Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.
Радио «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда
не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает
провинциальной самоуверенностью, здравомыслием
и крепкой психикой советского офицера.
Сварог тут не исключение.
Книжная витрина

«Сварог» вывел Александра Бушкова
в число фантастов первой лиги.
FANтастика

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной
классикой в то время, когда понятия
«русское фэнтези» еще и не существовало.
Мир фантастики

СВАРОГ – фантастический боевик

Рыцарь из ниоткуда
Летающие острова
Нечаянный король
Железные паруса
По ту сторону льда
Чертова мельница
Слепые солдаты
Из ниоткуда в никуда
Король и его королева
Вертикальная вода
Алый, как снег
Над самой клеткой льва
Радиянт
Чудовища в янтаре

Чужие берега
Чужие паруса
Чужие зеркала

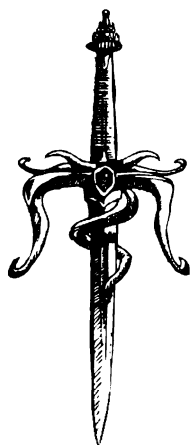
Пленник Короны
Враг Короны
Спаситель Короны

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

Чудовища в янтаре-2

Улица моя тесна

Роман

МОСКВА

ТОРГОВЫЙ ДОМ «АБРИС»

2019

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б90

Серия «Сварог — фантастический боевик» основана в 2010 году.

Исключительное право публикации книги
принадлежит ООО «Торговый дом «Абрис».
Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону.

Печатается с сохранением особенностей авторского стиля,
орфографии и пунктуации.

Главный художник *Т. В. Евсеева*

Бушков А. А.
Б90 Чудовища в янтаре-2. Улица моя тесна. Роман / Алек-
сандр Бушков. — М.: Абрис, 2019. — 336 с. — (Сварог —
фантастический боевик). — ISBN 978-5-00111-516-8

Со звоном один за другим летят царские венцы с головы Короля
Королей — Сварога. В миг гаснет жизнь волшебника, словно задутая
свеча.

На полях брани началась великая косьба. Сверкает кровавым бле-
ском рубин в рукояти меча — с клинком старинной работы.

УДК 821
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00111-516-8

© Бушков А. А., текст, 2019
© Торговый дом «Абрис», 2019
© Художественное оформление.
Торговый дом «Абрис», 2019
Все права защищены

*Я еще раз вытолкал смерть.
Но она придет снова.
Как голодная девка пристает...
Григорий Распутин
(после очередного
покушения на него)*

ДЕМОКРАТИЯ НА МАРШЕ

Канцлер был мрачен, словно дюжина купцов-банкротов сразу.

— Устраивайтесь поудобнее, лорд Сварог, — сказал он мрачно. — Разговор у нас будет долгий...

На краткое время Сварог почувствовал себя проштрафившимся учеником перед строгим учителем. Что поделать: Канцлер — это Канцлер. Однако, как он ни ломал голову, не смог вспомнить ничего из совершенного им в последнее время, способного бы вызвать неудовольствие Канцлера. Так что дело было не в его персоне. С другой стороны, в последнее время в окружающем мире не случилось ничего такого, что могло бы привести Канцлера в неприкрытую мрачность. Даже наоборот — обнаружение и взятие под полный контроль Крепости Королей безусловно стоит отнести к нешуточным достижениям — Диамер Сонирил, как не раз до того, вновь ходит гоголем, ненавязчиво напоминая, что это — вновь заслуга его Канцелярии, поскольку лорд Сварог в ходе операции пребывал в качестве... Ну, понятно.

Правда, внезапно дал о себе знать Гремилкар. Но и из-за этого Канцлер не был бы так угрюм. Во-первых,

все источники, пусть немногочисленные, в один голос утверждают, что Гремилькар — персональная головная боль Серого Рыцаря, не представляющая никакой угрозы для Империи. Во-вторых, нет точной уверенности, что это именно Гремилькар. Нельзя исключать, что Сварогу просто-напросто решили потрепать нервы его враги, коих хватает и на земле, и за облаками. В конце концов, Знак Гремилькара можно, порывшись пару часов в земных библиотеках, отыскать в книгах, казенно выражаясь, открытого доступа. И недобитая «Черная Благодать», и недобитая «Черная Радуга», и недоброжелатели Сварога в Магистериуме располагают кое-какими, скажем так, не вполне обычными способностями...

И наконец, возникни на горизонте какая-то серьезная беда вроде Радианта или заговора Брашери, Сварог вряд ли узнал бы об этом позже Канцлера... или не следует быть столь самоуверенным?

— В первую очередь разговор у нас пойдет об императрице, — сказал наконец Канцлер. — Точнее, о ее пристрастии к долгому пребыванию на земле. У меня тут лежит сводка. За последний год она из трехсот шестидесяти восьми дней провела в Келл Инире всего восемьдесят два. Все остальное время она буквально пропадает на земле, иногда в Хельстаде и Каталауне, либо несколько дней где-нибудь с вами путешествует. Но главным образом живет у вас в Латеране. Случай беспрецедентный за всю историю Империи. Превеликое множество раз лары и лариссы развлекались на земле, порой задерживаясь там на пару-тройку недель, — даже императрица Агнеш до замужества. Это все были недолгие развлечения. А Яна на земле форменным образом ж и в е т. Что давно уже вызывает в обществе ропот, порой неприкрытый. Вы об этом не можете не знать из сводок восьмого департамента...

— Знаю, — сказал Сварог. — Фыркают по углам, втихомолку осуждают за чаркой — конечно, держась в рамках законов... В конце концов, это совершенно неопасно — болтовня по углам. Ни разу не было и намека, что дело пойдет дальше болтовни.

— А как быть, если эта болтовня приобрела чересчур уж большой размах? — прищурился Канцлер. — Все пересуды, и до того отнюдь не единичные, прямо-таки разгорелись лесным пожаром, захватывая все новых участников после недавнего празднования Нового Года. Впервые — понимаете, впервые! — в истории Империи императрица провела Календы Северуса на земле — да и императоров таких не было.

Сварог постарался сохранить дипломатически-непроницаемое выражение лица, но в душе мечтательно улыбался. Действительно, все так и обстояло. Сначала Ассамблея Боярышника в полном составе пировала в «Медвежьей Берлоге», а за пару часов до наступления Нового Года отправилась на одну из латеранских площадей — как там принято, в масках и вывороченной наизнанку верхней одежде, а то и маскарадных костюмах. Латерана празднует Новый Год незатейливо, но весело: взявшись за руки и образовав круг, горожане под свист дудок и стук бубнов пляшут нехитрый танец, двигаясь, как говаривали в старину на Руси, посолонь. Никаких сословных различий не существует — благородный герцог может плясать, держа за руки белошвейку и золотаря, — все в масках, которые нельзя снимать, иначе не будет в Новом Году ни денег, ни счастья, ни везения. Дворянские перстни и все оружие оставлены дома. Никаких дуэлей и просто драк в эту ночь — а вот мимолетные амурные поединки, наоборот, входят в традицию (от чего, коли уж все лица скрыты под масками, порой случаются довольно юмористические коллизии). Кругов этих на площадях и улицах превеликое множество — все

совершеннолетние жители Латераны, которым есть на кого оставить детей. Повсюду стоят оплаченные городской казной бочки с вином, откуда бесплатно наливают всем желающим — не самые изысканные вина, конечно, но и никак не пиркет. Когда гроыхнет Толстяк Буч, главный городской колокол на Круглой башне, возвестив о приходе Нового Года, повсюду вспыхивают шутихи, фейерверки, «огненные колеса» и «огненные картины». (Труднее всего приходится вынужденным бдеть всю ночь пожарным — правда, дежурство несут по жребию.) Конечно, имперский праздник с его роскошнейшими фейерверками, прекрасно видимыми с земли, в тысячу раз превосходит земные торжества — но никто на земле об этом как-то не сожалеет, всем и так весело.

Канцлер ледяным тоном продолжал:

— Конечно, она оставила вместо себя великолепного «двойника», не только видимого, но и осязаемого — но это обнаружили слишком многие... Кто-то обиделся, а кто-то и рассердился всерьез на то, что императрица пренебрегла благородным обществом ларов. Это кульминация, а пересудов, как я уже говорил, и до того хватало с лихвой...

Сварог усмехнулся:

— Там, откуда я пришел, есть поговорка — на обиженных воду возят.

— Я вас прошу, держитесь как можно более серьезно, — сказал Канцлер с неприкрытой резкостью. — Дело очень уж серьезное. Ключевое слово — Т р а д и ц и и. С большой буквы. Вам, как земному королю, должно быть прекрасно известно, сколь могучую силу являют собой тысячелетние традиции.

— Известно, — сказал Сварог. — Правда, несколько я уже сломал через колено. И знаете, еще не было случая, чтобы не ломались с приятным хрустом...

— И речь наверняка шла о каких-то третьестепенных, вовсе уж архаичных, — уверенно сказал Канцлер. Помолчал, задумчиво хмурясь. — А можете ли вы, скажем... в один миг сделать всех крепостных фригольдерами? Запретить дворянам появляться на улице с покрытой головой? Или хотя бы уравниать в правах Гильдии?

Гвардию с «безымянными полками»?

— Нет, — не особенно и задумываясь, ответил Сварог. — Свергнуть не свергнут, убить не убьют — хотя могут попытаться — но я заполучу прямо-таки всеобщую неприязнь...

— Вот то-то и оно, — сказал Канцлер. — Есть традиции, которые принято считать незыблемыми. Именно их Яна и нарушает со всем усердием, что не прибавляет ей любви и уважения подданных, наоборот. Т а к не должны себя вести не то что императрица, но любой лар или ларисса. Категорически не принято ж и т ь на земле так долго. Можно, конечно, вспомнить принца Элвара и герцога Орка, которые в Империи порой не появляются долгими месяцами. Но это исключения, лишь подтверждающие правило. У принца давняя репутация забавного чудака, у Орка — беззастенчивого авантюриста. А вот когда так ведет себя императрица — совсем другое дело...

— Канцлер, пожалуйста, не думайте, что я ничего не понимаю или веду себя слишком беззаботно, а то и вызывающе, — сказал Сварог. — Все я понимаю, нет здесь ни беззаботности, ни вызова. Просто... Ну скажите на милость, что я могу с ней поделать, если она хочет жить именно так? Вы ее знаете гораздо дольше моего. Можно ее отговорить? Я никогда не говорил с ней на эту тему, но уже не сомневаюсь, что она попросту терпеть не может Келл Инир. Он для нее в первую очередь — символ сиротского детства. Не зря она долго до моего появления буквально пропадала в Ка-

талауне с принцем Элваром. Правда, там все знали, кто она такая. Теперь все еще сложнее. Многие из ее нынешних латеранских добрых знакомых представления не имеют, что это Императрица Четырех Миров. Они дружат и относятся с искренней симпатией к провинциальной дворяночке Аленте Вольмер. Что ее только радует.

— Да все я понимаю, — досадливо морщась, сказал Канцлер. — И очень многие понимают, в том числе самые верные, самые преданные... но и среди них немало тех, для кого на первом месте стоят Традиции. Что касается и вас. Я не говорю о врагах и недоброжелателях, коих у вас хватает. Но и многие из тех, кто вам искренне симпатизирует, начинают испытывать к вам неприязнь именно из-за того, что вы давно и регулярно нарушаете Традиции. Я не говорю, что вам с ней следует немедленно отказаться от нынешнего образа жизни. Но нужно как-то поумерить его, что ли, снизить размах... черт, слов не подберешь! В общем, в общем, поумерить. В ближайшее же время нужно сесть в узком кругу — вы, я, еще пара-тройка человек — и продумать, как все же уговорить ее вести себя умереннее.

Сварог криво улыбнулся:

— Вы уверены, что мы поставим перед собой реальную задачу?

— Мы обязаны сделать это реальностью, — отрезал Канцлер почти грубо. — Потому что проблема гораздо шире, глубже, серьезнее, чем вам сейчас кажется. Я ведь сказал, что разговор у нас будет долгий. Я только начал. Если бы все дело было только в Яне... Если бы... Все сложнее и серьезнее. Потому что у Яны давно появились не столь уж малочисленные последователи. И в прежние времена бывали люди обоего пола, постоянно жившие на земле. Да, именно что постепенно, иные долгими годами не появлялись в Империи — ну, разве что в случае вовсе уж крайней необ-

ходимости — скажем, коронация, похороны монарха или своих близких родственников. С этим как-то мирились — потому что таких «изгоев» было примерно несколько человек на столетие — два-три, пять-шесть, максимум — десяток. А теперь набирает обороты тот самый размах. Вы — и как директор десятого стола, и как начальник восьмого департамента — должны в числе прочих получать и ежегодные сводки о количестве ларов, постоянно живущих на земле.

— Получаю, да, — сказал Сварог.

— И как вы к ним относитесь?

— Честно говоря, никак, — признался Сварог. — Вы не хуже меня знаете, что изрядная часть сводок, докладных и прочих подобных бумаг — по сути, бюрократический мусор, который следует проглядеть одним глазком, отправить в архив и забыть.

— Не спорю, хватает таких бумаг. Но эти сводки к ним, безусловно, не относятся. Возможно, вас не следует судить слишком строго за равнодушие к ним — вы, скорее всего, попросту не знали, как обстояло в прежние времена, никогда этим не интересовались.

— Каюсь, — сказал Сварог. — Не интересовался. Хватало дел посерьезнее...

— Возможно, тут есть и моя доля вины, — сказал Канцлер. — Я как-то не подумал, что вы в силу вашего... происхождения на многое смотрите иначе. Так вот, если мы возьмем сводки за последние три года, когда число «переселенцев» стало расти по возрастающей... Позапрошлый год — шестьдесят четыре человека. Позапрошлый — девяностое шесть, прошлый — сто сорок. Марлок говорит, что в математике это называется «рост по экспоненте» — как будто от того, что есть ученый термин, становится легче... Причем! — Он поднял указательный палец. — Процентом девяносто — это молодые семьи с маленькими детьми. Они выправляют дворянские грамоты,

часто и титулы, приобретают имения, особняки, некоторые предпочитают жить близ столицы, вообще больших городов, некоторые, наоборот, обосновываются где-нибудь в провинции и даже заводят хозяйство, предварительно постаравшись, чтобы им достались земли с деревнями или «дворянскими промыслами».

— Я знаю, — сказал Сварог. — Ведь это я им дворянские грамоты и бумаги на титулы подписываю, всякий раз, как остановится известно, что это лары. Очень малая часть оседает в Лоране и Шагане, в основном селятся на моих землях, даже в Трех Королевствах. Я посещал парочку из них любопытства ради. Особенно д е т я м на земле страшно нравится. Один карапуз так мне и сказал: это просто здорово, идешь-идешь, а земля все не кончается. Есть один молодой граф, он получил изрядный кусок земли в Демуре — в Трех Королевствах земли я не продаю, попросту раздаю тем, кто может что-то на них построить. На его землях — три заброшенных города, десятка два заброшенных деревень, рудники. Он все это восстанавливает с превеликой энергией, к нему идут крестьяне, горожане, рудознатцы. И он считает, что обрел наконец смысл жизни. Людей т я н е т назад на землю, я уже не раз убеждался...

— Охотно верю, — проворчал Канцлер. — Читал что-то подобное в иных отчетах... Беда только в том, что все это не просто считают вопиющим нарушением тысячелетних традиций, а другие откровенно боятся — если переселение примет достаточно массовый характер, кончится второй Вьюгой...

— Вот, кстати, — сказал Сварог. — За все эти годы я как-то и не стремился узнать, что такое была эта Вьюга. Просто-напросто необходимости такой не было — у меня на первом месте дела насущные. Глянул в одну из энциклопедий, прочитал: да, был в старый времена

такой катаклизм, неизмеримо уступивший по разрушению и жертвам Шторму, причем, цитирую: «повторение в нынешних условиях абсолютно исключено». И я понял: мне это не нужно.

Канцлер невесело усмехнулся:

— И этот человек возглавляет девятый стол и восьмой департамент...

Между тем ваш доступ давно уже позволяет ознакомиться со всеми абсолютно материалами по Вьюге. Вот именно: в н ы н е ш н и х условиях. Писано это в очень давние времена, когда и вас здесь не было, и меня на свете не было. Многие из тех, что обеспокоены не столько нарушением традиции, сколько возможностью второй Вьюги — или чего-то подобного, — считают, что времена пришли д р у г и е. И я вынужден признать за ними некоторую правоту...

— А можно изложить все в пару минут?

— Можно, — все так же досадливо морщась, сказал Канцлер. — Когда после Шторма прошло тысячи полторы лет, жизнь наладилась, от разрушений не осталось и следа, было решено в е р н у т ь с я на землю. С полного одобрения тогдашнего императора — как впоследствии оказалось, он был большим идеалистом, что для венценосцев просто недопустимо. Вернулись примерно процентов восемьдесят, остальные, особо упертые консерваторы, остались в летающих манорах. Немаловажная деталь: вернувшиеся не собирались как-то о б о с о б и т ь с я. Попытались создать некий симбиоз, единую цивилизацию. Делились своими знаниями, достижениями науки и техники... Ну, не абсолютно всеми, конечно. Лет двести все шло вроде бы прекрасно. А потом среди тогдашних королей нашлось сразу два энергичных, умных и абсолютно неразборчивых в средствах субъекта. Они вознамерились получить в с е — и долголетие ларов, и многое другое... Практически все. И начали... действовать. У ларов

были свои проблемы, трения и сложности — еще и из-за того, что новый император, сын того, что провозгласил Великое Возвращение, как это быстро называли придворные льстецы... В общем, он как две капли воды был похож на вашего... предшественника на снольдерском троне. Полнейшая неспособность управлять хоть как-то — и, что печальнее, полнейшая неспособность отыскать для ключевых постов умных и толковых людей. Вот и началось. Лары разделились на несколько партий, небольшая часть даже примкнула к тем двум королям. Короче говоря, началась война — ну, не всех против всех, однако лагерей было несколько. В неразберихе разбомбили крупный научный центр — нечто вроде Крепости Королей, разве что предназначенный для других целей. Грянула Вьюга — катаклизм в масштабах всей планеты. Правда, как писалось в той энциклопедии, в которую вы соизволили заглянуть, неизмеримо уступавший Шторму по масштабам разрушений и количеству жертв. Но все равно, приятного было мало, потом посмотрите подробные материалы... Императора убили еще до Вьюги. Регентом при малолетнем наследнике стал один из принцев крови — человек умный и деятельный. Сумел примирить ларов, войну продолжать не стал, велел всем возвращаться за облака, предварительно уничтожив все научно-технические достижения, переданные жителям земли. Что и произошло — опять-таки не без крови и разрушений. Законы серьезно перекроили, чтобы з а м о р о з и т ь на земле прогресс насколько возможно. Кстати, силванские лары возвращаться на землю не стали — здесь и лежат корни некоторого отчуждения, до сих пор сохранившегося меж ларами двух планет. Вот и все, если вкратце. И т е п е р ь некоторые боятся, что в будущем при неконтролируемом развитии событий возможно повторение Вьюги... или чего-то другого, но опять-таки общепланетного

масштаба. Как вы теперь считаете, есть у них кое-какие основания? Дело уже не в консерватизме и тупом следовании традициям...

— Пожалуй, есть, — не глядя на собеседника, мрачно сказал Сварог.

— Если бы все дело было только в консерватизме, было бы гораздо проще и легче с этим справиться. Знаете, в чем главный парадокс? К лагерю «боязливых» примкнули и многие в Магистериуме, до того много лет втихомолку толковавшие меж собой и схожими по взглядам людьми, что прогресс на земле не стоит держать в железной узде... Они там просчитали на своих суперкомпьютерах возможные варианты будущего, если число «возвращенцев» и далее будет расти по экспоненте — и некоторые из вариантов ничего хорошего не обещают. Даже у Марлока в Технионе есть «боязливые»... Теперь видите, что все сложнее, чем вам явно казалось сначала?

— Вижу, — столь же угрюмо сказал Сварог.

— Так вот, все еще сложнее. Есть три главных мишени для критики: императрица, вы и я. Императрица — за тот образ жизни, который она ведет, вы — как лицо, безусловно, на нее влияющее, причем, по убеждению оппозиции, в худшую сторону, ну, а я — за то, что чересчур вам потакаю и не намерен ничего прекращать. Сформировались три лагеря. Один — чистой воды консерваторы, которых заботит только одно: скрупулезное соблюдение Традиций. Другой — те, кто всерьез опасаются повторения Вьюги. Третий — ваши персональные враги и недоброжелатели, причем к ним примыкает изрядное число персонажей из первых двух лагерей. Я уверен: у вас было бы гораздо меньше противников, живи вы опять-таки в рамках Традиций. В конце концов, фаворит у императрицы — порой и при наличии мужа — это тоже старинная традиция. Пожалуй, консерваторы благодушно отнеслись бы

и к вашему браку с Яной здесь. Трижды случалось и такое, так что это тоже традиция. Зависти, конечно, хватало бы, но одной ею все бы и кончилось, не суйся вы на землю, оставайся вы з д е с ь... Понимаете? Все, что вы делаете на земле, многих прямо-таки бесит — по самым разным причинам. Вы нарушаете традиции, вы можете стать виновником новой Вьюги, вы... Да там столько всего намешано... Неужели вы сами всего не поняли из сводок восьмого департамента? Донесений вашего второго управления?

Второе управление восьмого департамента как раз и было чем-то вроде тайной полиции, с м о т р е в ш е й исключительно за ларами, начиная с принцев крови, — можно сказать, с интагаровским размахом, даже почище, потому что у Интагара не было тех технических средств, коими в изобилии располагало второе управление. Агентуры, правда, было меньше, чем у Интагара внизу.

Сварог ответил самую чуточку смущенно:

— Сводки и донесения ко мне поступают регулярно, конечно... но, признаюсь, я на них не обращаю особого внимания. Так, бегло проглядываю — главным образом, чтобы узнать, кто именно ко мне недоброжелательно настроен. Ничего серьезного — болтовня на трезвую и пьяную голову. Уныло ноют, какая я скотина, узурпатор, наглец, нарушитель традиций и так далее. Никогда эта трепология не выливалась в нечто конкретное...

Он осекся. Канцлер смотрел на него широко раскрытыми глазами, словно на некое чудо морское. В его взгляде многое смешалось: и несказанное удивление, и злость, и даже страх (каковой впервые на памяти Сварога Канцлер выказал). Холодок прошел по спине от т а к о г о взгляда. Что-то здесь было не так, определенно не так...

Потом Канцлер сказал странным голосом (как никогда прежде не говорил) — так, словно выговаривал каждую букву отдельно:

— То есть как? А материалы по Агоре на вас не произвели никакого впечатления? Этого просто не может быть...

— А что такое Агора? Полное впечатление, что это слово пишется с большой буквы, но что оно означает, я представления не имею.

— Не шутите так, лорд Сварог, — тихо сказал Канцлер. — Самое неподходящее время для шуток.

Впервые в жизни его лицо п у г а л о Сварога.

— Честное слово, Канцлер, я и не думал шутить, — сказал Сварог, охваченный смутным предчувствием чего-то крайне нехорошего. — Я и в самом деле представления не имею, что такое Агора. Признаться, за все эти годы я не вникал во многие обычаи и уклады Империи — те, что были неактуальны, никакой пользы мне не приносили... Об Агоре я слышу впервые в жизни.

Канцлер раздумывал буквально несколько секунд. Потом включил один из своих компьютеров и распорядился сухим приказным тоном:

— Операцию «Метеор» немедленно в действие. По полной программе.

И выключил компьютер, глядя на Сварога все так же странно. Сварог прекрасно знал, что Канцлер способен порой моментально принимать серьезные решения — и, между прочим, всегда полезные и верные. Еще и потому он столько лет остается Канцлером. Вот и сейчас явно было принято некое решение — но в чем оно заключалось?

— Может быть, вы не знаете, что такое Золотые Сотни?

Ну, уж это-то Сварог знал — поскольку речь шла об актуальной, действующей структуре, к которой и он принадлежал...

Везде, и на земле, и в Империи (и на Земле в разные времена) кроме официальных, прописанных в законах структур действовали еще и, так сказать, не-

официальные, неформальные. Так обстояло и на Таларе. Крестьяне и члены Гильдий делились на «сотни», причем они далеко не всегда состояли именно из ста человек — иногда больше и иногда меньше — а количество их зависело от размеров деревни или города, где-то сотен имелась пара десятков, где-то деревушка или городок составляли одну-единственную сотню. Занимались они всевозможной мелочевой, тем, что не было смысла выносить на рассмотрение официальных инстанций, решали разные бытовые вопросы, наказывали за мелкие прегрешения, которые опять-таки не заслуживали обращения в суд или Совет Гильдии. Нечто вроде профсоюза, одним словом. У Сословий были свои сотни, а у дворян свои — примерно с теми же функциями, конечно, с поправкой на общественное положение.

Точно так же и лары — что таларские, что сильванские — с незапамятных времен делились на Золотые Сотни. В принципы, по которым они были созданы, Сварог не стал вникать — потому что это относилось к тем самым ненужным ему в работе и в жизни третьестепенным мелочам. В свое время он просто-напросто принял к сведению, что приписан к такой-то Золотой Сотне, на том и успокоился. Дело в том, что, в отличие от земных аналогов, всегда работавших очень активно, Золотые Сотни, как Сварог быстро обнаружил, были одной из архаичных традиции, вроде гвардейцев в медвежьих шапках у Букингемского дворца. За все эти годы его Золотая Сотня собиралась только дважды: один раз пышным банкетом отмечали юбилей Старосты Сотни, второй — скопом принимали в члены Сотни сразу дюжину юношей и девушек, достигших совершеннолетия, — чисто формальная процедура, обставленная крайне торжественно, но недолгая и удручающе скучная...

— Конечно, знаю, — сказал Сварог. — Я же сам в одной состою. Уж такие-то вещи знать обязан, полноправный лар как-никак...

Казалось, канцлер заметно успокоился — или просто по н я л, в чем тут неизвестное Сварогу дело.

— Поскольку вы представления не имеете, что такое Агора, объяснение может быть только одно, — сказал он уже насквозь деловым тоном. — Но о нем чуть попозже... Итак, объясню подробно, это просто необходимо в сложившейся ситуации. Лорд Сварог, Агора — это, как бы поточнее выразиться, негосударственное учреждение, способное порой представлять внутреннюю угрозу — иногда даже императорам, а сейчас в первую очередь — угроза для нас с вами. Агора — это собрание. По одному представителю от каждой Золотой Сотни. Происходит в присутствии императрицы, меня, командующих армией и гвардией, представителей Магистериума и Техниона, руководителей некоторых особо важных министерств, ну и, разумеется, принцев короны и крови. Вот только все, кого я перечислил, даже принцы, права голоса лишены, его имеют только делегаты Агоры, человек — учитывая нынешнее количество Сотен — около трехсот. Вы там сможете присутствовать исключительно благодаря званию камергера двора — камергерам вменено в обязанность сопровождать императрицу и на это мероприятие. Агора — еще одна Традиция, берущая начало с незапамятных времен. Собирается она в том случае, если за это будет подано две трети голосов Сотен. В случае так называемой Угрозы Империи.

— И что они могут? — спросил Сварог. — Судя по тому, что вы рассказали, эта Агора что-то может...

— Она может о ч е н ь многое, — сказали Канцлер с непроницаемым лицом. — Не имеет права только вносить какие-либо изменения в Эдикт об император-

ской фамилии и Эдикт Вольностей. А вот все остальное она может. Вносить изменения в любые законы, отправлять в отставку любого штатского или военного руководителя, включая меня. Как видите, сила нешуточная. В свое время, тысячу с лишним лет назад, Агора фактически сместила тогдашнего императора. О нет, он остался на троне, но стал декоративной фигурой, не способной прогнать и последнего метельщика в Келл Инире. Реальная власть до совершеннолетия наследника перешла к регенту, одному из принцев крови. Такое вот милое собрание, олицетворяющее собой демократию. Она не отдает прямых приказов, но дает р е к о м е н д а ц и и — но этим рекомендациям обязан следовать монарх.

— А если он не захочет? — спросил Сварог. — Если он в должной степени сатрап? Конгер Ужасный в свое время преспокойно разогнал с помощью гвардейской кавалерии уитенагемот — на что не имел никакого права, но за него была гвардия... Яна не так уж давно преспокойно распустила Палату Пэров и Тайный Совет. Да и я, признаться, в некоторых своих королевствах разогнал кое-какие архаические сборища. Права опять-таки не имел, но у меня были ратагайская конница, гланская гвардия, вообще вся гвардия и армия, да вдобавок, скажу без ложной скромностей, самая сильная и лучшая на Таларе тайная полиция. Во всех случаях обошлось прекрасно... Или я рассуждаю как-то не так?

— Да нет, — усмехнулся Канцлер. — Рассуждаете вполне логично и, сам того не зная, опираетесь на некоторые прецеденты... Ну, начнем с того, что Палата Пэров и Тайный Совет никак не относились к Традициям. За время существования Империи подобные высшие органы менялись семь раз, под разными названиями и в разных видах. Оттого-то Яна и не встретила ни малейшего сопротивления, только ворчание

отставленных кандидатов на вакантные места, буде таковые освободятся. И вы совершенно правы насчет гвардии, армии и спецслужб. Если они преданы монарху, а монарх достаточно решителен, Агору со здоровым цинизмом можно распустить. Ей просто нечем будет защищаться. Если ее члены попытаются пустить в ход свои дружины, военные с ними разделаются легко. Мало того, это будет считаться «мятежом против короны» — с самыми печальными последствиями для мятежников. Императора, о котором я рассказывал, удалось отстранить от дел как раз исключительно благодаря тому, что против него были настроены и военные со спецслужбами. Есть обратный пример. Две с лишним тысячи лет назад император Каунтин Второй как раз пользовался полной поддержкой спецслужбистов и военных. Да и характером был крут. И со спокойной совестью разогнал Агору, а нескольких человек даже отдал под суд по обвинению в государственной измене.

— И как, осудили? — с любопытством спросил Сва-рог.

— Естественно. Попробовал бы Суд Коронной Скамьи не выполнить деликатно переданных через третьих лиц пожеланий Каунтина... Вот только примерно через полгода один маркиз заколол Каунтина кинжалом прямо на большом императорском балу... Одиночка, естественно. Подробностей и мотивов узнать не удалось: он в первый же день покончил с собой в камере, — хотя давным-давно существуют методы, позволяющие со стопроцентной гарантией предотвратить самоубийство заключенного... Вот такова история... Теоретически рассуждая, Яна в состоянии отбросить все «рекомендации» Агоры как ненужную ветошь. Мы с вами ей нужны в нынешнем нашем качестве. У меня сильны позиции в государственном аппарате, у военных, в спецслужбах. Вы крайне популярны

у военных — и за Багряную Звезду, и за Токеранг, и за Три Королевства... да и за многое другое. Так что, опять-таки теоретически, не составит ни малейшего труда окружить Келл Инир гвардейскими корветами и боевыми аппаратами той же Серебряной Бригады, ввести во дворец парочку гвардейских рот, вежливо предложить членам Агоры разлететься по манорам и более в государственные дела не вмешиваться. П о л н о с т ь ю отменить Агору нельзя — но есть юридические лазейки, позволяющие распустить данный состав или попросту не принять рекомендации к сведению. Вы сами — большой мастер использовать юридические лазейки, поэтому я воздержусь от подробностей. Но вот практически... — Он тяжело вздохнул. — Практически невозможно в этом случае предугадать последствия. Особенно если учесть, что до сих пор не найдены отравители отца Яны... и убийцы ее матери — лично я не сомневаюсь, что это было именно убийство, а не несчастный случай на охоте. До сих пор не выявлены все деятели «Черной благодати» и «Черной радуги» из числа ларов — а они, несомненно, среди членов Агоры окажутся. Словом, последствия непредсказуемы. Ожидать можно в с е г о. И не только в отношении нас с вами, но и... По присущему мне оптимизму, — он скупой, вымученно улыбнулся, — я ожидаю в с е г о. Чего угодно...

— А как вообще эти рекомендации принимаются? Большинство голосов или как-то иначе — скажем, нужно иметь две трети, три четверти? Еще как-то?

— Простым большинством голосов, — с той же улыбкой сказал Канцлер. — Пусть даже с перевесом в один-единственный голос. Демократия, понимаете ли. Некоторые гарантии от монархического произвола, самодурства и деспотии.

Сварог кратко выразил свое мнение о демократии посредством драгунских словечек.

— Согласен с вами, — кивнул Канцлер. — Вот только все эти словеса не меняют положения дел и не снимают угрозы...

— Яна знает?

— Естественно. Уж такие-то вещи ей следует докладывать в первую очередь.

— Черт побери, почему же она мне ни словечка не сказала? — сердито выдохнул Сварог. — В конце концов, я по своему положению обязан знать т а к и е вещи...

Канцлер улыбнулся — с такой вот улыбочкой он обычно преподносил Сварогу разные сюрпризы — большей частью серьезные и неприятные.

— Хороший вопрос, лорд Сварог, — сказал он. — Очень интересный вопрос. Быть может, вы не будете ждать объяснений, а сами немного напряжете служебную интуицию? Вводные таковы: собрания Сотен, на которых были выбраны делегаты, прошли десять дней назад. Делегаты избраны, Агора полностью сформирована. Уведомление об этом еще не поступило во все соответствующие инстанции, но этого и не требуется делать немедленно, на это отводится три дня. По некоторым данным, Агора намерена собраться через неделю — она имеет право сама назначать срок, лишь бы прошли сутки с момента подачи уведомления. Ну, включаете, простите за просторечие, соображаловку? Даю еще один ключик: соответствующие службы моего Кабинета и Кабинета императрицы сразу после формирования Агоры, то есть десять дней назад, представили обширные, всеобъемлющие доклады... Итак?

А что тут было долго думать! Все лежало на поверхности, нет никакой необходимости ломать голову... Сварог прямо-таки рывкнул:

— Значит, моя Сотня, эти... и эти... просто-напросто провела собрание в тайне от меня! — помолчал и добавил гораздо тише, понурившись: — Если в обоих Ка-

бинетах подготовлены доклады, а я такого не получил... Объяснение тут одно: начальник второго управления играет против меня. Он определенно с н и м и. И слишком многое от меня скрыл — не только доклад готовить не стал, но и утаил, я теперь уверен, информацию о кое-каких разговорах, уже не сводящихся к пустой болтовне и унылой бессильной ругани в мой адрес...

— Именно так и обстояло, — кивнул Канцлер. — Что подтверждается некоторыми агентурными данными. До меня в свое время дошло окольными путями, что вы в частном разговоре крайне неодобрительно отозвались о моем обыкновении з а п у с к а т ь агентов во все подряд государственные учреждения, в том числе и в восьмой департамент. О, я не в обиде, нормальные внутриведомственные трения... Я о другом. Вы и сейчас недовольны тем, что мои люди работали и в восьмом департаменте как таковом, и в его внутренней контрразведке?

«Мне его никогда не переиграть, — подумал Сварог. — Никогда в жизни.

Да и нужно ли?»

— Нет, — сказал он, глядя в стол. — Теперь — нет... Скорее уж нужно вас поблагодарить. Эти скоты в восьмом департаменте меня провели, как мальчишку...

— Ну что вы, все обстоит не так печально, — усмехнулся Канцлер. — Так уж обстоятельства сложились. Восьмой департамент — слишком старая, весьма многочисленная и накопившая немалый опыт интриг контора, чтобы новичок вроде вас смог относительно быстро установить над ней п о л н ы й контроль. Особенно если учесть, что массу времени у вас отнимают другие дела. В общем, не стоит себя корить. Тем более что девятый стол у вас, по сути, только формируется, и этот процесс продлится еще долго. И вы попросту не успели создать отдел для присмотра за восьмым департаментом.

— Я этим собирался заняться в самую последнюю очередь, — покаянно признался Сварог. — Считал, что есть более важные дела и направления работы...

— Вполне возможно, я на вашем месте поступил бы точно так же, — сказал Канцлер. — Так что выкиньте из головы всякое самобичевание — в конце концов, не до того... У вас есть какие-то планы на ближайшее время касательно серьезных дел?

— Когда у меня не было серьезных дел... — печально усмехнулся Сварог. — Я сегодня вечером собирался отправиться на Ту Сторону. Вместе с Яной. Там мои люди раздобыли крайне любопытную информацию, и нам с Яной просто необходимо пробыть там пару дней, а то и все три... Теперь это, конечно, следует отменить?

— А зачем? — пожал плечами Канцлер. — Два, даже три дня... Что ж, это ничему не мешает. Отправляйтесь. Оба.

— Но ведь нужно же что-то делать?

— Вам ничего делать не нужно, — сказал Канцлер. — Ситуация такова, что все необходимое будет проделано и без вас. В вашем участии просто нет смысла. Как и в участии Яны. Я, если вы ничего не имеете против, — добавил он с легкой, необидной иронией, — взвалил все на себя. Это вовсе не означает, что я вам выражаю недоверие. Просто весь массив информации — у меня. И в имперских внутренних интригах я разбираюсь гораздо лучше вашего. Согласны?

— Согласен, — сказал Сварог, не чувствуя ни малейшей обиды. — Но все же мне хотелось бы с этими двумя докладами ознакомиться... или вы и это считаете нецелесообразным?

— Ну что вы, наоборот, — сказал Канцлер. — Я все подготовил. Сейчас придет человек и проводит вас в нашу гостиницу. Там, в номере, уже лежат и оба доклада, и еще кое-какие донесения и сводки. Поскольку

степень секретности — высшая, все только в бумаге. По моим прикидкам, вам понадобится несколько часов... но еще и полдень не наступил, так что на Ту Сторону вы прекрасно успеваете. Там действительно что-то крайне интересное и серьезное?

— Мои люди уверяют, что да. А они по пустякам шум не поднимают.

— Хорошо, расскажете, когда вернетесь. Я собираюсь... вернее, Яна собирается дня за три до начала Агоры организовать совещание и все окончательно обговорить, посмотреть, что мы можем сделать... если можем. Так что меня сейчас абсолютно не интересует, что там ваши люди узнали на Той Стороне. Не до того. Все силы брошены на Агору... Да, вот еще что. Даже если вы управитесь с бумагами быстрее, чем я прикидываю, все равно задержитесь у меня еще немного. В четыре пополудни прилетит Марлок, у него к вам какой-то интересный разговор. Я не стал расспрашивать — это не имеет отношения к Агоре. Раньше он не может — продолжает эксперимент и раньше половины четвертого не закончит. Подождете его?

— Конечно, — сказал Сварог. — Чем-чем ни занимается Марлок, но не пустяками. — И повторил скорее самому себе: — Почему же Яна мне ничего не сказала?

— Вы не догадались? Это же просто. Она считала, что вы, как глава восьмого департамента, и сами все знаете. Только чуть удивилась, что вы тянете со с в о и м докладом. Но решила, что вы просто не успели его закончить. Ну вот, наверное, и все...

Сварог поговорил бы с ним о Гремилкаре — но сейчас, он прекрасно понимал, не время. В конце концов, Гремилкар может и подождать. Пока что он показал лишь, что умеет царапать свой знак на стене в том зале и малевать краской на дворцовой стене — да

еще писать вполне грамотно, без ошибок. Мелковато пока что для серьезной угрозы, сдается. Подождем...

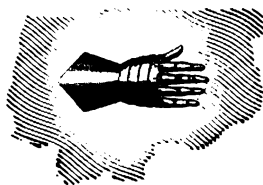
— Вызвать вам провожатого? — спросил Канцлер.

— Да, пожалуйста, — сказал Сварог.

«Поганая неожиданность», — думал он, шагая по лестницам и коридорам вслед за подтянутым молодым человеком в штатском — формы ни в одном из ведомств Кабинета Канцлера не носили. Самое грустное и тягостное в том, что она нагрязнела и з н у т р и. Он и предполагать не мог об иных потаенных страстях, как оказалось, кипевших в Империи, казавшейся благонамеренной и тихой, как дом престарелых. Ну конечно, где-то прятались по углам недовыловленные здешние ч е р н ы е, где-то преспокойно обитали убийцы родителей Яны, но вот Агора — что называется, серпом...

Как-то, ожидая маршала Гарайлу в его кабинете, он лениво перелистывал один из старых трактатов по военному делу — у Гарайлы ими были набиты небольшие книжные полки, Черный Князь был заядлым книгочеем, но ничего, кроме подобных книг, в руки не брал. Там были примечательные и умные строчки: «Самый страшный удар — с неожиданной стороны. Самая страшная угроза — о которой прежде не было ни слуху ни духу».

Вот именно, в яблочко...

Глава II

ДЕЛА НЕ ВПОЛНЕ ОБЫЧНЫЕ, НО ЖИТЕЙСКИЕ, В ОБЩЕМ

Повесив китель на вычурный золоченый крючок справа от двери, придвинув поближе пепельницу, Сварог удобно устроился в кресле и задумчиво уставился на две папки, чувствуя себя пресловутым буридановым ослом — или там был баран? Он точно не помнил. Папки были примерно одинаковой толщины, стандартного канцелярского светло-коричневого цвета, отличались только эмблемами — Кабинета Канцлера и Кабинета Императрицы.

Чуть поразмыслив, Сварог решительно придвинул к себе первую. Он вовсе не считал, будто служба Канцлера работает лучше и квалифицированнее, чем «братская» контора Яны, — просто с сотрудниками личной разведки Яны он почти и не общался, а вот с людьми Канцлера встречался гораздо чаще, а потому они показались как-то ближе, словно старые добрые знакомые.

Сверху лежало послание (точнее, судя по некоторым признакам, копия такового) силванской Агоры императрице. Агора сия была создана для обсуждения

одного-единственного вопроса: нужно ли сильванцам участвовать в таларской Агоре?

Подавляющим большинством голосов (девятьюсто с чем-то процентов) было постановлено: участвовать не нужно. Мотивы такового решения излагались длинно и цветисто, со всеми надлежащими при обращении к ее величеству оборотами. В крайне дипломатических, вежливых и запутанных оборотах, если сбросить шелуху, излагалась нехитрая истина: сильванцы, все-сторонне рассмотрев вопрос, вовсе не видят в сложившейся ситуации угрозу в с е й Империи и считают все происходящее исключительно внутренним делом таларских ларов, ни в малейшей степени не затрагивающим Сильвану.

Сварог подумал, что сильванцы, в принципе, совершенно правы. Их таларские дрязги ни в малейшей степени не затрагивали, им, называя вещи недипломатическими терминами, было совершенно наплевать на таларские дворцовые интриги. Ну что же, они всегда держались несколько особняком. К тому же столь пугавшее кое-кого на Таларе возможное повторение Вьюги для сильванцев было чем-то абстрактным, опять-таки не имевшим к ним никакого отношения. У н и х никакой Вьюги не было. В свое время, когда на Таларе началось Великое Возвращение, сильванцы к этому почину не примкнули. Остались в своих летающих манорах и дюжине городов. Правда, города эти были несколько необычными: платформы площадью в тысячи югеров, возвышавшиеся над землей на добрую лигу, на ажурных опорах из какого-то суперпрочного материала. Там располагались поместья, леса, даже небольшие горные хребты, текли реки. Сварогу пришло в голову, что в очень давние времена нашлась умная голова, отыскавшая некий компромисс — то есть удовлетворившая нужды тех, кому было неуютно в т е с н ы х, что ни говори, летающих манорах и хотелось простора.

Не случайно, он давно узнал, на Сильване на порядок ниже число тех, кто отправляется развлекаться на землю. Правда, есть парочка авантюристов вроде герцога Орка, не вылезавших с земли, — но это оттого, что человеческая природа везде одинакова...

Далее, на пяти листах — список всех участников Агоры, самым что ни на есть демократическим путем избранных делегатов. Едва взяв первый лист, Сварог подметил одну странность: большинство фамилий напечатаны, как и положено в канцелярских документах, черным — но встречаются изображенные красным и зеленым. Он заглянул на последний лист, но не обнаружил там никаких пояснений: только красный кружочек с числом двадцать восемь, зеленый — двадцать пять, черный — двести сорок семь. Члены Агоры были распределены по какой-то неведомой ему системе. Ну конечно, доклад этот готовился не для него, а для Канцлера — а Канцлер, несомненно, и так прекрасно знал, при чем тут три разных цвета.

Оставлять этот ребус неразгаданным не хотелось. Сварог обратным концом стилоса повел сверху вниз по списку — высматривая вдобавок знакомые имена среди множества совершенно ему неизвестных. И в самом низу листа отыскал-таки: леди Мерилетта, графиня Дегро. Мать Каниллы. Ее имя было напечатано з е л е н ы м. А на середине второго листа, тем же цветом — имя гвардейского полковника, отца Родрика...

Тут уж от ребуса ничего и не осталось. Не требовалось изоощрять ум, логика оказалась нехитрой. С матерью Каниллы он был хорошо знаком: она была сторонницей всех его земных предприятий и всегда вставала на его сторону, когда великосветские сплетники эти предприятия обсуждали, смаковали, сплетничали. Полковника он не знал, никогда не общались, но гвардеец прямо-таки гордился службой сына в девятом столе и ничего не имел против его частых отлучек на

землю. Так что совсем нетрудно сделать вывод: зеленым отмечены те, кто на Агоре будет защищать Сварога от любых нападок. Ну, а красным, тут и к Грельфи не ходи, отмечены Свароговы противники. Явно речь идет об а к т и в н ы х сторонниках и противниках. Остальных можно повернуть куда угодно, в зависимости от искусства ораторов. Это уже было, мой славный Арата... Тот же самый расклад, что сложился когда-то во французском Конвенте, революционном парламенте: Гора — небольшая часть активных, энергичных, точно знающих, чего они хотят, депутатов, и гораздо более многочисленное Болото — скопище бесцветных личностей без твердых политических убеждений, при надлежащей обработке примыкавшее к какой-либо из группировок. В английском парламенте примерно ту же роль играли «заднескамеечники» — безлика масса, по сигналу лидера фракции голосовавшая так, как нужно партии, одной из двух.

(Сварог не в первый раз дал себе слово — не допускать в своих королевствах никаких парламентов, а если заведется хотя бы намек на таковой, свистеть в два пальца конногвардейцам, дабы пресекли в зародыше.)

А вот дальше пошла конкретика... «Красные» представляли именно что активной, сплоченной, действующей силой. Сварог нашел среди них лишь трех знакомых, с которыми достаточно часто встречался в Келл Инире, — причем большей частью не на балах, а на всевозможных официальных мероприятиях. Об остальных узнал впервые в жизни: ну да, явно не светские хлыщи, не завсегдатаи придворных увеселений. И, скорее всего, большинство из них где-то служат, надо полагать, не рядовыми канцеляристами. Нельзя исключать, что кое-кто из них имеет отношение к спецслужбам: очень уж грамотно «активные штыки» конспирировались. Как явствовало из донесений, они никогда не обсуждали предстоящую атаку на новые порядки и Сварога

персонально у себя в манорах — либо собирались на больших охотах, где агентурное наблюдение и подслушка, в общем, не ведутся, либо летали для встреч в Магистериум. Тамошние «высоколобые» (и это Сварог давно знал) оборудовали свою научную берлогу совершеннейшей системой защиты от «подслушек» и «подглядок». Очень, очень редко с помощью суперновейших достижений Техниона удавалось все же подслушать кое-что интересное — и всякий раз «высоколобые» быстро фиксировали вторжение и в темпе разрабатывали новые меры защиты.

Хорошо еще, что существует более эффективный в данных обстоятельствах, испытанный тысячами метод: завербованные информаторы, выражаясь интеллигентно, стукачи. В силу своей малочисленности (около шестидесяти ларов и примерно столько же показавших способности к наукам антланцев) Магистериум просто физически не в состоянии был создать свою контрразведку, выявлявшую бы измену в рядах.

Стукачи, конечно, не подслушивали вульгарно у замочных скважин (каковых здесь и не было) — они при каждом удобном случае рассовывали где только удастся всевозможных «жучков», таких, что не обнаруживаются и с помощью хитрой аппаратуры Магистериума. Ну, и личными наблюдениями делились с кураторами — их ведь считали своими, почти ничего не скрывали, в разговорах не стеснялись. Благодаря трудам этих скромных, не стремившихся к известности тружеников незримого фронта и удалось собрать немало информации о планах заговорщиков, которые намеревались огласить на Агоре.

Планы, следует признать, мелочностью ни в малейшей степени не грешили. Отставка Канцлера, нескольких отнюдь не второстепенных министров, полудюжины генералов, немалого числа военных и гражданских чиновников рангом ниже. Обширные

кадровые перестановки в намеченных к разгрому, перетряске и полному взятию под контроль министерствах и ведомствах. Отставка Сварога с постов начальника восьмого департамента и директора девятого стола — с полной ликвидацией означенного стола как «совершенно ненужной конторы, дублирующей уже существующие». Добровольное отречение Сварога (и, соответственно, Яны) от хелльстадского трона. Разработка мер, позволивших бы взять под полный контроль Хелльстад. Добровольное отречение Сварога от всех его земных тронов и Главных Кресел. Внесение изменений в соответствующие законы: запрет ларам принимать земные дворянские титулы, вступать в брак на земле, неважно, с лариссами или жительницами земли, запрет жить на земле более чем три недели в году. Ужесточить «Закон о запрещенной технике». Рекомендовать его высочеству Диамер-Сонирилу распустить Сословие Огненного Колеса и соответствующие учебные заведения. В перспективе запретить к использованию на земле самолеты, пароходы, железные дороги, какие бы то ни было паровые машины, а также любые приборы и устройства, работающие на электричестве.

Другими словами, опустить Талар до уровня Нериады или Сильваны — где в земных государствах до сих пор совершенно не в ходу ни пар, ни электричество, не говоря уж об авиации. Сварог подумал холодно и отстраненно: сумеет Агора провести свой план (или большую его часть) в жизнь, его даже не обязательно убивать. Он попросту будет никому не опасен: всего-то очередной фаворит очередной императрицы, камергер двора, которых всегда было как собак нерезаных. Достаточно лишь принять надлежащие меры, чтобы ни он, ни Канцлер никогда больше не прорвались к рычагам власти, а меры таковые, верилось, эта шайка принять сумеет...

Завершающий абзац гласил: «Нет полной гарантии, что нам стали известны все планы "красных". Не исключено, были встречи и беседы, которые нашей службе не удалось зафиксировать и записать. Думаю, это следует учитывать при разработке соответствующих мер».

Сварог не мог определить, какие чувства он испытывает, решительно не мог. Безусловно, не страх. Но даже и не злость. Что-то совершенно иное, чего прежде испытывать не приходилось никогда. За все эти годы, пришло ему в голову, ничего подобного не случалось. Бывали опасности, порой смертельные, возникали разнообразные угрозы, порой способные обернуться тяжелейшими последствиями для всей планеты — чего стоили Багряная Звезда или Токереты — но сейчас он мог потерять все, чего достиг, лишиться всего, всех намеченных свершений не в результате катаклизма или вторжения опаснейшего врага, а исключительно оттого, что кучка спесивых идиотов решила повернуть вспять слишком многое. И любое оружие бесполезно, любые верные гвардейские полки. Конечно, надежнейшим убежищем оставался Хелльстад, недоступный для любых усилий Империи, но запереться там опять-таки означало потерять все и всех, и на земле, и за облаками, стать узником огромной и комфортабельной тюремной камеры и бессильно наблюдать оттуда, как рушат все, чего он с таким трудом сумел добиться, разгоняют тех, из кого удалось все-таки, скажем без ложной скромности, сделать настоящих людей...

Ну что ж, остается поступать, как обычно, — не опускать рук. Пусть пока и совершенно непонятно, к чему их, поднятые в боевой стойке, приложить...

Не сумев подавить тяжкий вздох, он взялся за третью папку, врученную ему молодым человеком у входа в комнату. Молодой человек сказал еще: «Канцлер го-

ворил, вы можете оставить ее себе. Если будете кого-то у себя с ней знакомить, выбирайте только тех, кому доверяете безоговорочно».

Стандартная обложка «канцелярского» цвета. На обложке — все штампы высшей степени секретности, какие только употребляются, и запись, выведенная каллиграфическим почерком опытного писца: «Составлено в трех экземплярах. Экземпляр номер три».

Ничего сложного: в бумаге издавна составлялись лишь самые секретные документы. Три экземпляра — конечно же, для Яны, Канцлера и Сварога. Две достаточно обширных аналитических записки, посвященных исключительно восьмому департаменту, — с копиями донесений и сводок. Судя по ним, агентура у Канцлера в восьмом департаменте была немаленькая, и многие сидели довольно высоко...

Первая записка — скрупулезное перечисление того, что от Сварога (и Элкона тоже) скрыли те, кто просто обязан был доложить об этом обоим немедленно. Сообщения о многочисленных встречах и беседах в манорах — где обсуждалось, как отстранить от власти Канцлера со Сварогом, — причем самые радикально настроенные предлагали не ограничиться отставкой, а организовать расставание обоих (и еще дюжины других сановников и военных) с нашей грешной землей (ну и, понятно, с грешными небесами тоже). Кто-то пугался столь далеко идущих планов, а кто-то относился к ним вполне спокойно. Во время одной из таких задушевных бесед у камина кто-то вполне резонно заметил: смерть Сварога (да и прочие) заставит Яну рассвирепеть не на шутку. На что последовал ответ: «При таком количестве принцев и принцесс крови эмоции императрицы не следует очень уж близко к сердцу принимать...»

Что стояло за этими словами, догадаться было трудно. Значит, были и такие, кто вполне хладнокровно рассчитывал списать со счетов и Яну (при одной

мысли о том, что с ней может что-то случиться, Сварога охватило такое бешенство, что он не сразу и смог читать дальше).

Встречи, задушевные беседы, где многое называлось своими именами, предложения от самых радикальных до умеренных, но все до единого сводившиеся к одному и тому же: всех неугодных сместить, все реформы и в Империи, и на Таларе свернуть, вернуться к «заветам предков», жить-поживать по канонам тысячелетней ценности, не будоража умы — особенно молодежи — какими бы то ни было новшествами. Нашлись горячие головы, предлагавшие ликвидировать и Магистериум с Технионом — разумеется, после того, как «наши друзья из Магистериума окажут должное содействие». Ну, картина насквозь знакомая: дорвавшиеся до власти ниспровергатели прежнего режима (как бы он не именовался в разные времена и в разных мирах) очень быстро начинают резать друг друга, и к власти обязательно выходит в конце концов кто-то безжалостный и абсолютно неразборчивый в средствах, а все остальные (те, кто уцелел) сидят по углам смиренхонько, как мыши...

После прочтения этой записки не оставалось никаких сомнений: здесь самый настоящий, можно сказать, классический заговор, в котором Агора, в большинстве своем ни о чем не ведающая, служит лишь прикрытием. Незвестный Сварогу автор записки (он не подписался) допускал, что в поле зрения попали далеко не все фигуры, кто-то (называлось несколько имен в качестве рабочей гипотезы) вел себя так, что остался незамеченным для людей Канцлера. Ничего удивительного, подумал Сварог, — до сих пор неизвестно, кто именно организовал убийства отца и матери Яны, нет даже предположений. Сварог был полностью согласен с автором записки в том, что ко всему причастны невыявленные до сих пор главари Черной Благодати — не-

которое количество их, — Сварог и сам на основе кое-какой информации пришел к тем же выводам, — так и остаются неразоблаченными.

Все, абсолютно все, о чем шла речь, начальник третьего управления просто обязан был давным-давно доложить Сварогу — но он не сообщил н и ч е г о. Как и двое его подчиненных, начальники отделов, имевшие право в экстренных случаях обращаться непосредственно к Сварогу. Ни случайностью, ни идиотским совпадением, ни разгильдяйством этого объяснить нельзя. Этому есть одно-единственное объяснение...

Сварог с нешуточным удивлением узнал, что уже полтора месяца, оказывается, один из отделов восьмого департамента проводит операцию «Пещера» — примерно две сотни орбиталов-шпионов и два отдельных центра из семи старательно обследуют все известные Картографическому департаменту пещеры, заброшенные шахты и подземелья в поисках неведомо куда подевавшихся примерно шести тысяч навьев. Об этой операции опять-таки давным-давно должны были знать Сварог с Элконом — но оба понятия не имели о столь масштабном предприятии, для которого, кстати, просто необходима была их санкция...

Это вызывало новые вопросы. Для чего им понадобились навьи? Самое подходящее объяснение — в качестве главной ударной силы. Коли так, значит, и у заговорщиков есть кто-то, умеющий с навьями управляться, — не ищут же их исключительно ради научного интереса? Вопрос номер два, еще более важный: на что они, собственно говоря, рассчитывают? Должны понимать, что не удастся держать Сварога в неведении бесконечно. Даже если учесть, что и в секторе внутренних расследований засели заговорщики. Ответ напрашивается сам собой: они рассчитывают, что во время Агоры все и решится. Первыми на трибуну наверняка будут выпихнуты ни о чем не подозревающие болва-

ны, не имеющие к заговору никакого отношения и озаченные лишь сохранением «заветов предков». А тем временем другие будут действовать...

Одни и те же люди с завидным постоянством оказываются там, где в данный момент пребывают недоброжелатели и Сварога, и Канцлера, и любых реформ — высокие чиновники и иные армейские генералы (ни одного подозрительного контакта с чинами гвардии не зафиксировано — ну, ничего удивительного, здесь, как и в иные времена и на Земле, и на Таларе испокон веков существует известный антагонизм меж армией и гвардией, сплошь и рядом со стороны армейцев продиктованный примитивной завистью. Каковая, чтобы далеко не ходить, и в самое недавнее время вспыхнула за спиной маркиза Оклера после его стремительного возвышения по служебной лестнице).

Бог ты мой, кого тут только не было! Всякой твари по паре. Например, те, кто возненавидел Сварога из-за его отношений с Яной, те, кто страстно жаждал окзаться на его месте. В том числе и тот, кто стал первым мужчиной Яны, но быстро был ею вытолкнут в бессрочную ссылку на Сильвану. Кто-то завидовал, что в девятом столе служат не их чадушки. Кто-то завидовал высшим орденам Сварога, которых сам тщетно добивался, — при этом совершенно не принимал в расчет, з а ч т о эти ордена получены. Замешался вовсе уж экзотический персонаж — академик-историк, несказанно обозлившийся на Сварога за то, что деятельность Сварога в качестве земного короля, если точнее, кое-какие предпринятые по его приказу разыскания, напрочь перечеркивали два классических труда академика по земной истории...

Сварогу пришло в голову, что он, возможно, нашел объяснение той странной неделе, когда не то что по просьбе — по прямому распоряжению Канцлера — передвигался исключительно в сопровождении груп-

пы телохранителей, остававшихся снаружи лишь у границы Хелльстада и входа в девятый стол. Даже в Ла-теране они ни на шаг от него не отставали — к некоторому раздражению Баруты и гланцев, решивших, что король им по каким-то причинам не вполне доверяет.

Нельзя исключать, что в течение этой недели его должны были вульгарно прикончить при первом удобном случае, на земле ли, за облаками ли. Судя по высказываниям иных, решительнее всего настроенных заговорщиков, можно допустить и такое. Правда, он нисколько не злился — не в первый раз его намеревались убить, дело житейское... Рассуждая с необходимым королям и главам спецслужб здоровым цинизмом, очень даже рациональный и крайне выгодный вариант. Гораздо безопаснее для дела послать пару-тройку убийц, нежели громоздить обширный заговор, при котором из-за многолюдства и немалого числа секретных совещаний всегда есть риск провалиться — что, собственно, и произошло трудами людей Канцлера (не исключено, заполучившего среди заговорщиков информаторов — в бумагах об этом не было ни слова, но Сварог хорошо знал Канцлера. Да и сам поступил бы так на его месте — узнав о заговоре, к заговорщикам всегда стараются внедрить своих людей либо заполучить информаторов, либо и то, и другое вместе, это азбука ремесла...). Ну вот, а потом планировавшееся убийство Сварога каким-то образом удалось з а г а с и т ь. В общем, нельзя исключать и такого варианта — тем более что другие соображения попросту не приходят на ум...

Вторая записка была гораздо короче, там, в сущности, просто-напросто перечислялись шестеро человек из восьмого департамента, как раз и скрывавших умышленно от Сварога и Элкона ту информацию, которую должны были доложить в первую очередь. Начальник третьего управления и пятеро начальни-

ков отделов в трех управлениях. Относительно четырех из них имелись веские основания думать, что они (включая начальника управления) связаны с заговорщиками. На остальных двух, согласно бытовавшей в свое время в некоем ведомстве формулировке, компрометирующих материалов не имелось. Правда, это могло означать и то, что они конспирировались лучше остальных, — ну нельзя же всерьез думать, будто они скрывали от Сварога важнейшие сведения исключительно из личной неприязни?

Что любопытно, нигде и ни разу не всплывало имя герцога Орка. Крайне походило на то, что в заговор его попросту не стали вовлекать. Аналитики Канцлера по этому поводу не высказывали никаких предположений и версий (по крайней мере, в ставших Сварогу известными материалах). Однако у Сварога были свои соображения. До сих пор нельзя исключать, что пропавшие неведомо куда шесть тысяч навьев принадлежат Орку (как те, что были в замке Мораг), что именно он их где-то укрыв, рассчитывая для каких-то своих целей использовать в подходящий момент. Что-что, а выжидать он умеет не хуже каталаунской рыси, способной в ожидании подходящей добычи сутками лежать неподвижно где-нибудь в кронах деревьев. Ну, а заговорщики, судя по тому, как активно они прочесывали все места, где навьи могут быть укрыты, хотели их использовать исключительно для себя, не связываясь с Орком, вряд ли согласившимся бы на подчиненную роль. В самом деле, располагая т а к и м войском, и невыгодно, и где-то даже унизительно ходить в подручных, на третьих ролях... Особенно для столь амбициозного субъекта, как Орк (пусть даже в последние годы он свои амбиции изрядно поумерил — из-за Сварога, можно уточнить не без законной гордости).

Больше в папке ничего не было. Сварог не сомневался, что Канцлер давно предпринял какие-то конкретные

меры, но не считал нужным поставить Сварога о них в известность. Быть может — до поры до времени. Вполне в стиле Канцлера — да и самого Сварога.

Закончив с бумагами, Сварог попытался разобраться в своих мыслях. Злости хватало с избытком — а вот стыда или чувства вины не было ни малейшего. В том, что у него под носом в восьмом департаменте завелся такой гадюшник, он не был, по его глубокому убеждению, виноват нисколько. Для Гаудина восьмой департамент был главным делом жизни, а для Сварога — не более чем второстепенной обузой. Кое-какую ценную информацию он оттуда получал, но ее было очень уж мало. Гораздо больше сведений о земных делах поступало от Интагара и его коллег по ремеслу. Правда, Сварог, как выяснилось, уделял слишком мало внимания интригам ларов — но сути дела это не меняло. Он физически был не в состоянии уделять восьмому департаменту много времени. Хватало гораздо более важных дел — и в Империи, и на земле. Он прекрасно знал, что никогда не сможет контролировать восьмой департамент столь же плотно, как девятый стол и свои королевства, — о чем пару раз честно предупреждал и Яну, и Канцлера. Следовало ожидать, что сильная контора наподобие восьмого департамента при отсутствии твердой руки из-под контроля в значительной степени выйдет, и кто-то начнет вести свою игру, свою политику. И Яна, и Канцлер не видели ничего страшного в сложившейся ситуации и всякий раз уверяли Сварога, что их такое положение дел полностью устраивает. Как и Сварог, они просто не допускали, что однажды возникнет заговор. Это даже хорошо, что они оставили Сварога на прежнем месте: уйди он в отставку, самой подходящей фигурой на его место, как о том впрямую говорилось, был бы как раз начальник третьего управления. Получилось бы только хуже...

Что ж, если подводить итоги... Какой-то план разгрома заговора Канцлер, несомненно, уже разработал, иначе и быть не может. Но все равно, следовало и самому на всякий случай продумать план небольшого тихого погромчика в восьмом департаменте. Сварог действовал бы отнюдь не вслепую: кое-какое представление о происходящих в департаменте процессах у него имелось. В любой конторе, будь то мощная спецслужба или совершенно мирное министерство сельского хозяйства, всегда присутствуют интриги и потаенная подковерная борьба меж многочисленными начальниками. Борьба, разумеется, не смертельная (хотя в иных случаях бывало), но продолжается неустанно и накала достигает нешуточного. Сварогу много интересного об этом рассказал Брагерт: после того, как его форменным образом выставили из департамента, обставив все в довольно унижительной форме, Брагерт, как любой на его месте, не на шутку обозлился на иных начальников и считал, что не обязан более держать язык за зубами, — сама собой улетучилась корпоративная солидарность, обычно требующая держать язык за зубами, порой даже перед собственным начальством. Да и теперь у него в департаменте остались старые добрые приятели — так что Сварог знал достаточно. К сожалению, и Брагерт с приятелями прохлопали заговор — ну что же, в конце концов, все они занимали невысокие посты, а то и были рядовыми оперативниками, так что винить их не стоит...

До прилета Марлока оставалось еще с полчаса, и Сварог, подумав, сотворил добрую чарку келимаса и ломоть вяленой кабанятины, каковые немедленно и употребил — благо никто ему этого не запрещал, он, строго говоря, всего-навсего пребывал с дружественным визитом у коллег по ремеслу, и никакая дисциплина его в данном случае не обязывала. Благо с документами он ознакомился вдумчиво.

Он как раз отправил в небытие пустую чарку (поборов соблазн заменить ее второй, полной) и дождал кабанятину, когда мелодично закурылкал один из его «портсигаров» — секретный канал, уже интересно...

С моментально возникшего экрана на него глянул старый добрый знакомый, лорд Тигернах, вот уже три года официально возглавлявший Мистериор (собственно, он и до того лет пять был неофициальным главой, поскольку глава официальный достиг возраста, когда порой вся медицина ларов не способна спасти от дряхлостей и некоторого распада личности, в просторечии — старческого маразма. Однако Мистериор был единственным имперским учреждением, где глава занимал свой пост пожизненно, наподобие императора).

На его лице не читалось ни малейшей тревоги, он выглядел совершенно спокойным — румяный, совершенно седой. Умный. (Впрочем, дураков среди магов, что на земле, что здесь, как-то не отмечено.)

— Рад вас видеть в добром здравии, лорд Сварог, — сказал он совершенно буднично. — Не найдется ли у вас минутки в ближайшее время посетить нашу скромную обитель? — и продолжал довольно напористо: — Это было бы крайне желательно, нам нужно поговорить...

Прикинув кое-что, Сварог сказал:

— Разве что часа через два... Вас устроит, мэтр?

— О, вполне. У меня будет к вам еще одна маленькая просьба. Пожалуйста, войдите в здание не через парадный вход, как обычно, а через боковую дверь. Обойдите манор справа, и вы сразу ее увидите, она там одна такая...

— Как вам будет угодно, — сказал Сварог.

Метр Тигернах смотрел лукаво, улыбался загадочно:

— Лорд Сварог, когда вы войдете, кое-что произойдет... Отнеситесь к этому спокойно. Это никоим

образом не злоумышление против вас или кого бы то ни было. Всего-навсего наглядная иллюстрация одного нехитрого философского тезиса, заведенная еще моим предшественником. Я вам сразу же все объясню...

— Хорошо, я так и сделаю, — сказал Сварог.

— Вот и прекрасно. Буду вас ждать.

И он исчез с экрана. Оставив Сварога крайне заинтригованным: что это за таинственная «наглядная иллюстрация»? И почему мэтр с ним связывался по секретному каналу, полностью защищенному от любой подслушки? Сварог бывал в Мистериоре не раз, совершенно открыто и всегда предварительно он ли с Тигернахом, Тигернах ли с ним, но оба связывались меж собой по абсолютно открытому каналу, доступному всем и каждому, включая малых детишек, если только они уже умели пользоваться связью. Впервые объявились такие вот тайны мадридского двора — да еще боковая дверь, о существовании которой он и не подозревал прежде — всегда входил с парадного, никогда не обходил здание снаружи. Положительно, речь шла не о чем-то обыденном...

Вскоре появился Марлок, с первого взгляда видно, пребывавший в прекраснейшем расположении духа, оживленный, с улыбкой во весь рот. Зорко покосился на закрытые папки, сдвинутые Сварогом на угол стола:

— Вы закончили с делами?

— Совершенно, — сказал Сварог. — Вот уже с полчаса бездельничаю, жду вас.

— В таком случае... Вы ничего не имеете против этого крохотного застолья?

— Совершенно ничего, — сказал Сварог. — С большим энтузиазмом отнесусь... если только мы не нарушим никаких здешних правил хорошего тона.

— Никаких, — заверил Марлок. — Это штатным сотрудникам сего ведомства вменена неременная трезвость на рабочем месте. А мы с вами — посторон-

ние, мало того, немаленькие начальники, да и комната эта из категории «гостевых», где людям нашего ранга, не обремененным делами, опять-таки дозволено... Знаете, я не стал, тем более ради такого случая, пускать в ход стандартную магию. К чему нам пить и есть «стандартные образцы»?

Он снял с плеча объемистую кожаную сумку на манер каталаунских охотничьих ягдташей, выставил на стол бутылку из темного стекла с нарочито скромной этикеткой, даже не этикеткой, а красно-синей полосочкой без всяких рисунков или надписей. Вид этой бутылки сразу вернул Сварогу хорошее настроение: келимас солидной выдержки происхождением с острова Ройре, не нуждавшийся в красочных этикетках и ярких надписях, если применять меры покинутой Сварогом Земли — даже поболее литрочки. Расставляя большие прозрачные коробки с разнообразными закусками, блюда и чарки, раскладывая ножи и вилки, профессор приговаривал:

— Слово чести, я вам несказанно благодарен, лорд Сварог, и за содействие в научном поиске, и за позволение осмотреть Вентордеран.

— Пустяки, — сказал Сварог. — Мне это ничего не стоило, а для науки, возможно, будет польза. У меня самого так толком и не дошли руки до Заводей. (Он чуть помрачнел, вспомнив две, до которых руки все же дошли однажды, особенно вторую, которую век бы не помнить...)

Это действительно ровным счетом ничего ему не стоило. Он просто-напросто позволил научной группе Марлока посетить одну из Заводей, числившуюся в каталоге под номером одиннадцать, предварительно обследовав ее с помощью сотни золотых Шмелей и убедившись в отсутствии опасностей как в лице каких-нибудь чудовищ, так и зловредной магии. Небольшенькая такая Заводь, размером с княжество Рут, и, в общем, довольно скучная: крохотная державочка

на уровне развития того же Рута, леса с живностью, крайне похожей на обычных оленей, белок, птиц и бурундуков (хищники, правда, имелись, но наподобие волков). Правда, в закатной части Заводи, по тамошним меркам, в жуткой глухомани, в лесу обнаружилось озеро, в коем обитали крайне интересные, ни на что знакомое не похожие создания, которые-то профессора и заинтересовали. Можно сказать, скучная провинция — даже Золотые Шмели вернулись гораздо раньше расчетного времени. Гораздо раньше.

Все было организовано отлично: у границы профессора и его людей (трех ученых и двух прихваченных на всякий случай спецназовцев девятого стола) встретил и доставил в замок Мяс, а в Заводь их отправил мэтр Лагефель, явно обрадовавшийся, что подвернулось хоть какое-то дело. Правда, Сварог не собирался доводить гостеприимство до полного абсурда: по замку гостей Мяс провел заранее продуманным маршрутом, создававшим впечатление одного-единственного глухого коридора (все выходившие в этот коридор боковые проходы были заперты силовыми полями, замаскированными под безобидные стены, gobелены и портьеры. В другом месте гости без труда раскусили бы эту хитрость, но в Хелльстаде эти их способности не действовали, как любые способности ларов, направленные в о в н е).

Марлок привычно наполнил вместительные чарки:

— Я бы предложил выпить за первый в нашей истории визит ученых в Заводь. Еще раз благодарю вас, лорд Сварог.

— Пустяки, — повторил Сварог. — И что же, есть какие-то интересные результаты? Что там с этими озерными тварюшками?

— Крайне любопытные тварюшки, крайне, — сказал Марлок. — Но дело не в них. Мы сделали гораздо более интересное и значимое открытие... из-за

которого я буду просить вас, если надо, на коленях, разрешения послать туда гораздо большую группу с аппаратурой...

Сварог энергично поднял ладонь:

— Ну что вы, право, профессор? Какие колени... Хоть половину Техниона туда отправляйте. А что за открытие?

Марлок поднял на него глаза, пылавшие жарким пламенем научного познания:

— Лорд Сварог, в этой Заводи время течет и н а ч е! В пятнадцать раз быстрее, чем во внешнем мире! Никогда прежде в нашем мире ничего подобного не наблюдалось!

— Действительно интересно, — сказал Сварог искренне.

И подумал, что в самом скором времени следует заняться Заводями всерьез. Благо от него самого не потребуется ни усилий (ну, разве что придется потратить часок), ни долгого времени. Всего-то навсего после соответствующего инструктажа запустить во все без исключения Заводи (включая и ту, где был замок Безумного Зодчего) эскадрильи Золотых Шмелей, а уж дальше они справятся сами. Поскольку, как наконец-то официально объявила Геральдическая Коллегия (без малейших к тому усилий Сварога), Заводи принадлежат юрисдикции страны, на территории которой находятся (равно как и Порталы наподобие того, из коего однажды нагрянули очаровательные пиратки царицы Грайне), следует наконец разобраться и с этим своим хозяйством, изучить его скрупулезно, как он в свое время поступил с Хелльстадом (правда, как впоследствии оказалось, при «ревизии» упустил из виду и пещеру Лотана, и обитателей Гун-Деми-Тенгри). Учитывая иные события, в каких-то из Заводей может вполне таиться если не угроза, то некая опасность для внешнего мира:

иногда несерьезная, если вспомнить девчонок Грайне, а иногда, не исключено, серьезная крайне — вспоминая Безумного Зодчего. То, что Безумный Зодчий совершенно не стремился, казенно выражаясь, к экспансии во внешний мир, дела не меняет: Зодчий все равно оставался крайне мерзким созданием, просто не имевшим права на существование...

— И как же вы это обнаружили? — с любопытством спросил он. — У вас ведь не было нужной аппаратуры, насколько я помню. Только та, что нужна была для изучения озерных тварюшек...

— А никакой аппаратуры не понадобилось, — сказал Марлок. — Все открылось крайне прозаически. Мы рассчитывали пробыть в Заводе трое суток — и ровнехонько по истечении этого срока вернулись. Ваш мэтр Лагефель был несколько встревожен и спросил, не случилось ли чего-то серьезного, коли уж мы вернулись так б ы с т р о. Я удивился до крайности: почему б ы с т р о? Мы отработали трое суток, как и было намечено. Тогда Лагефель стал клясться и божиться, что в Хелльстаде прошло всего пять часов, что мы вернулись в пятнадцать раз быстрее, чем собирались. Какое-то время у нас шла вялая перепалка — я не верил, а он клялся, что все так и обстоит. В конце концов я подумал: а какой ему толк и какая польза нас обманывать? И распорядился провести нехитрый эксперимент. Оставил с Лагефелем четырех своих людей, а сам в сопровождении одного из ученых вернулся в Заводь и провел там ровно квадранс — мы немного прошлись по лесу, чтобы не видеть Двери. И мы, и оставшиеся тщательно засекали время. По нашим часам мы пробыли там квадранс. По часам оставшихся прошла минута. В пятнадцать раз меньше. Тут уже никаких сомнений не оставалось — время там и в самом деле течет в пятнадцать раз быстрее.

— Интересно... — задумчиво повторил Сварог. — Вот только решительно не представляю, к чему это открытие применить...

— То есть как?! — форменным образом взметнулся в кресле Марлок. — Впервые в истории мы сталкиваемся с р а з н ы м течением времени в двух точках пространства. Это приведет... — Его глаза пылали своеобразным фанатизмом. — Я даже предсказать не могу, к чему это приведет, но не сомневаюсь — результаты, вполне возможно, будут прямо-таки эпохальными! Гигантский прорыв в науке! Вполне возможно, это позволит даже сдвинуть с места давным-давно упершийся в тупик проект «Алмазная стрела» — занимавшая им группа уже несколько лет как распущена, но нетрудно сослать ее вновь, а вся аппаратура хранится в лабораториях. Я туда отправлю аппаратуру, которая пригодна для данного случая... — Он чуточку помрачнел, сказал уже без прежней экспрессии: — Конечно, если вы разрешите, вы ведь полномостный хозяин не только Хелльстада, но и Заводей...

— Конечно же, разрешу, — сказал Сварог. — Грешно в таком вот случае встать на пути науки. Мне и самому чертовски интересно, что из этого получится...

Обрадованный Марлок наполнил чарки, ж а х н у л свою без тостов и чоканья и, раздумавнившись, принялся описывать Сварогу все, что намерен в ближайшее время предпринять. Сварог понимал лишь одно слово из десятков двух, но вежливости ради приотворялся, что слушает внимательно.

Однако мыслями был далеко — мысли двинулись совершенно в ином направлении. Конечно, интереснее некуда — время течет по-разному в двух точках пространства. Но сейчас гораздо больше волнуют другие заботы — даже не заботы, а нешуточная угроза: сложившемся и за облаками, и на земле в последние годы новому порядку вещей, всем будущим планам,

не исключено, и жизням его с Канцлером, и не только их одних, не исключено, и жизни Яны...

Выждав в горячих излияниях Марлока паузу (вызванную тем, что покрасневшийся, как подросток перед первым в жизни свиданием с девочкой, махнул еще чарку и запихнул в рот немаленькую трубочку ветчины, начиненной белыми грибами с приправами), Сварог сказал дипломатическим тоном:

— Это все, конечно, крайне увлекательно, профессор, но, признаюсь по совести, меня гораздо больше волнует сейчас совсем другое... Агора, этот заговор... Уж вам-то Канцлер не мог не рассказать о нем...

Марлок уставился на него взглядом человека, внезапно вырванного из глубокого — и крайне увлекательного — сна:

— Что?! Ах да: Агора, заговор... Конечно, Канцлер мне говорил. И давал читать всякие бумаги... — Он досадливо поморщился: — Я все понимаю, заговор такого размаха — это печально. Но я уверен, что вы с Канцлером справитесь. Вы и не с таким справлялись. Я, со своей стороны... А что я могу сделать, собственно? Я совершенно не умею подавлять заговоры, так что в данном случае для вас полностью бесполезен. Канцлер попросил у меня кое-какую аппаратуру — мы в Технионе ее изготовили в кратчайшие сроки. Еще я употребил все свое влияние, чтобы не только в моей Золотой Сотне, но и в четырех других на Агору были выбраны люди, которые безусловно выступят на вашей стороне. Решительно не представляю, чем я еще могу быть полезен. А вот изучение Времени...

И он вновь стал сыпать научной абракадаброй высшего класса. Сначала Сварог даже рассердился на него чуточку, но потом остыл и подумал, что упрекать профессора не в чем. Он ученый чистейшей воды, не спецслужбист и не политик, а потому и не способен в должной степени осознать размах угрозы —

и в противодействии ей совершенно бесполезен. А потому похож сейчас на малого ребенка, привыкшего, что есть большой и сильный папа, способный защитить от всего на свете, справиться со всем на свете. Несомненно, точно так же рассуждают и еще многие умные, дельные, но не имеющие ни малейшего отношения к играм спецслужб и закулисным придворным интригам люди: если они попадут на Агору, конечно, будут на стороне Сварога, но даже если узнают о заговоре, станут рассуждать в точности как Марлок сейчас: Сварог и Канцлер вытащат из любой опасности, они уже не раз это умение демонстрировали. И грех их упрекать за такой образ мыслей, Сварог на их месте рассуждал бы точно так же.

Одним словом, все обстоит, как в одном из его любимых в юности фантастических романов: экипаж угодившего в безвыходное положение космического корабля все же не падает духом, во всем полагаясь на своего капитана: Алексей столько раз вытаскивал из самых, казалось бы, безвыходных ситуаций...

А может быть, Алексей все-таки вытащит?

НЕХИТРЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ ТЕЗИС И ХИТРАЯ ЗАГАДКА

Брагант несся над облаками, как обычно, напоми-
навшими снежные заструги самой причудливой по-
рой формы. У Сварога, что в последнее время редко
случалось, настал краткий миг безделья.

Каких бы то ни было неприятностей от неожидан-
ного приглашения в Мистериор он не ждал. С Мисте-
риором он давно уже пребывал в самых теплых отно-
шениях. Он и Тигернах довольно часто обменивались
информацией о земных делах, собранной на земле их
агентами и касавшейся, как легко догадаться, магии,
колдовства и прочих подобных практик. Не так уж
редко эта информация оказывалась крайне важной
для той или другой стороны. Причин для вражды или
хотя бы неприязни не было ни малейших — в отличие
от Магистериума, где многие Сварога открыто недо-
любливали по самым разным причинам.

Что касается предстоящей Агоры и сопутству-
ющего ей заговора, не было ни малейших основа-
ний дергать с я. Он попросту ничего не мог сделать

собственными силами, все рычаги, вся информация оказались в руках Канцлера. Так что следовало, не качивая себя, ждать созыва очередного совещания на высшем уровне и в узком кругу — Сварог не сомневался, что оно воспоследует, как всегда бывало в кризисные моменты.

Так что он мог еще раз спокойно и неторопливо подумать о том, что его в данный момент интересовало на земле, — об очаровательной княгине Дали Шалуатской...

Подобно многим, Сварог терпеть ненавидел нерешенные загадки, и как человек, и, что гораздо важнее, как король и глава двух имперских спецслужб. Поскольку иные нерешенные загадки тихонько умирали естественной смертью, но иные становились серьезной проблемой — и никогда нельзя предсказать заранее, с которой из двух категорий столкнулся на сей раз.

Он, фигурально выражаясь, уныло стоял в тупике, уткнувшись носом в стену. Как ни рыли землю все королевские спецслужбы, так и не выяснили, откуда Дали родом, чем занималась до вторжения в Шалуат. Специалисты по акцентам, ученые лингвисты (у Интагара имелись и такие) в сердитом бессилии пожимали плечами, твердили: выговор у нее не ронерский, не снольдерский, безусловно, не гланский, не горротский, не харланский, его вообще невозможно привязать к какой-либо конкретной области Харума. Добавляли еще: такое бывает у людей, проводящих долгие годы в непрерывных переездах из страны в страну, — и нигде такие люди не живут достаточно долго, чтобы в речи успело привиться местное произношение. Главным образом этим отличаются моряки и купцы, проводящие жизнь в постоянных разъездах по торговым делам. Сыщики начали отрабатывать оба этих варианта, но пока что безуспешно.

Что касается магии... Сварог голову мог прозакладывать, что Дали — самый обычный человек. Встречаются до сих пор, хоть и редко, особенно сильные маги и колдуны, способные п о с т а в и т ь вокруг себя непроницаемый для магического прощупывания «экран» — но в том-то и штука, что само н а л и ч и е такого экрана-панциря умеющие кое-что люди определяют моментально. Сварог этим умением владел — но не почувствовал «панциря».

Эта ее странная способность: как-то так делать, что б р о ш е н н ы й в ее сторону магический посыл т о н е т, словно пущенная в болото стрела. Не так уж мало людей, причастных к магическим практикам, умели такой посыл о т б и в а т ь — как, например, Старая Матушка, с которой до сих пор многое неясно. Но вот п о г л о щ е н и е магического посыла случилось впервые. Прежде о таком не слышали ни в Мистериоре, ни в Багряной Палате, ни в монашеских Братствах, ни где-либо еще. Ну вот не встречалось такого прежде, и все тут! Грельфи, когда к ней приехал Сварог, задумалась не менее чем на квадранс, явно копаясь в своей богатой памяти. Пожала плечами, вызвала своего ближайшего помощника, бодрого старичка, каталаунского белого колдунца и долго с ним говорила в соседней комнате — но вернулась к Сварогу, пожимая плечами еще беспомощнее.

Твердо решив использовать любую возможность, Сварог однажды устроил проверку. Вызвал Дали к себе в Готар и беседовал с ней часа полтора. О насущной проблеме, не вызвавшей бы ни у кого на ее месте ни малейших подозрений — об усилении борьбы с контрабандной тропой (скорее уж контрабандной большой дорогой) Ител — Ронеро. Все это время за портьерой сидела, пустив в ход все свои способности, немаленькая компания: Грельфи и ее колдунец, двое магов Мистериора, трое боевых монахов (по одному от каждого

Братства) и человек из Багряной палаты, а также срочно доставленная самолетом из Глана парочка тамошних колдуний. Десять человек общим счетом. После ухода Дали тут же состоялось совещание, на котором все десятеро оказались единогласны: девушка — человек без каких бы то ни было магических способностей. «Поглощение» магического посыла (использованного Сварогом и на сей раз, когда она уходила) они объяснить не в состоянии. И почти все высказали одну и ту же мысль: далеко не впервые в истории случалось, что объявлялся человек с уникальными, неведомо откуда взявшимися способностями, сплошь и рядом не имевшими никакого отношения к магии любой разновидности. Случай, подобный тем, когда рождаются белые тигры или двухголовые люди. И привели не так уж мало примеров.

Тем дело и кончилось. Сварог сделал единственное, что мог сделать: установил за замком Дали и за ней самой круглосуточное наблюдение силами Золотых Обезьянов — усталости они не знали, не нуждались ни во сне, ни в подмене. Бесполезно. Ни единого подозрительного слова не прозвучало, ни единой подозрительной встречи не состоялось. Очаровательная Дали Шалуатская вела типичнейший для владельницы Вольного Манора образ жизни: балы, охоты, фейерверки, плавания по Ителу и прочие доступные развлечения, государственные дела (в отличие от иных собратьев она их вела сама, и довольно толково), борьба с контрабандистами — она честно исполняла данное Сварогом обещание. Ни капелюшечки компромата.

А два месяца назад начались странности. В Шалуате вдруг объявился герцог Орк собственной персоной, представился княгине утром, а вечером стал ее любовником, что было прилежно зафиксировано Золотым Обезьяном под номером одиннадцать. Был у Орка один пункт — он всегда носил в кармане серебря-

ную цепочку длиной в добрых полтора урда, на которой имелись многочисленные подвески в виде земных дворянских корон (тех дам и барышень, с которыми он крутил романы на земле) и гербы имперских дворянок (соответственно). А также эмблемы Сословий, Гильдий и придуманный им самим знак для крестьянок. Была там и лоранская королевская корона, появившаяся после того, как он крутил с Лавинией. Теперь, надо полагать, прибавилась еще и шалуатская княжеская. Этих подвесок величиной с ноготь мужского большого пальца на цепочке уместилось превеликое множество, но примерно четверть ее оставалась незанятой. Зная Орка, нетрудно предположить: когда свободного места не останется, он попросту закажет новую и примет ее заполнять с тем же усердием.

Странность была вовсе не в быстроте, с какой Орк оказался в постели с очередной красоткой — как раз эта быстрота всегда была ему свойственна. Странность в том, что все эти два месяца Орк безвылазно просидел в Шалуате, практически не расставаясь с Дали ни днем, ни ночью. Меж тем в Империи (да и на земле, что касалось людей определенной профессии) каждая собака знала: Орк и постоянство — две вещи несовместные. Самый долгий его роман случился два года назад и тянулся целых десять дней. И вот, изволите ли видеть...

Сварог, конечно, не унижался до подглядывания за ними в спальне, да и подслушивания тоже. Он просто-напросто ввел в программу Одиннадцатого слова «Сварог», «мятеж», «заговор», «покушения» и десятка два других, имевших самое прямое отношение к интригам, заговорам, переворотам, мятежам и тому подобным интересным вещам. И дал приказ: если в разговорах Орка и Дали одно из этих слов прозвучит, немедленно сообщать ему и сбрасывать на один из его «портсигаров» запись всей беседы.

За два месяца такое случилось один-единственный раз — когда они ночью лениво болтали после постельных баталий, и прозвучало слово «Сварог». Увы, увы... Дали сказала буквально следующее:

— Милый, я, конечно, не король Сварог, мне до него, как на четвереньках до Фиарнолла, но, согласись, я тоже завоевала себе корону собственным мечом...

И все. Совершенно не к чему прицепиться. Оставалось поверить, что случилось чудо из тех, что все же иногда происходят, и Орк впервые в жизни влюбился по-настоящему, пылко и страстно, так, что два месяца не может расстаться с юной красавицей. В конце-то концов подобное произошло на глазах Сварога не так уж и давно — герцог Лемар, казалось, неисправимый потаскун, все это время жил исключительно с Томи, и не похоже, чтобы они намеревались расстаться. Жизнь порой подкидывает самые неожиданные сюрпризы, в том числе и тогда, когда речь идет об отношениях мужчин и женщин...

Так оно и шло — ни шатко ни валко. Круглосуточное бдение Золотого Обезьяна никаких результатов пока что не дало — как не добились их и люди Интагара. Со свойственным ему здоровым житейским цинизмом Интагар давно внедрил в столицу Шалуата (без затей именовавшуюся тоже Шалуатом) два десятка своих агентов из числа первоклассных, с безукоризненными легендами — не добившись особых успехов и богатства у себя на родине, многие, имевшие законное право покинуть страну, искали счастья в других (впрочем, те, кто такого права не имел, тоже частенько бежали за границу). Благо ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего контрразведку, в Шалуате не имелось — ее функции выполнял довольно дохленький отдел тайной полиции (сама полиция, по меркам Вольных Маноров, одна из самых сильных, занималась исключительно слежкой за подданными). И Дали пока что не предприняла ничего, чтобы ситуацию поправить.

Пятеро людей Интагара внедрили в дворец княгини, что оказалось не столь уж трудным предприятием. Задачу облегчило то, что Дали очень быстро принялась дворец ч и с т и т ь от прежних кадров. Старый метод (который и Сварог использовал в нескольких своих королевствах): подавляющее большинство придворных остается на прежних местах и в прежних чинах. Придворные — народец специфический. Очень немногие из них впутываются в заговоры против узурпатора (и данном случае — узурпаторши), предпочитая и далее получать сладкие пряники. Сварог знал по собственному опыту: в нескольких заговорах, имевших место в Снольдере, Ронеро и Харлане, первую скрипку играли как раз военные и гражданские чины, а вот придворных оказалось крайне мало.

А вот п р и с л у г у в таких случаях следует переменить полностью. В первую очередь оттого, что те же лакеи, как ни парадоксально, пользуются при дворе гораздо большей свободой передвижения и имеют доступ туда, куда ни один придворный не попадет, вплоть до спальни властелина. Их слишком много, чтобы при смене власти вдумчиво проверять каждого, — сам Интагар как-то это признал. Рациональнее и проще рассчитать всех скопом и набрать новых. Лакей всегда может пырнуть кинжалом в спину, а повар или кухонный мужик — сыпануть или подлить нечто, несовместимое с жизнью (то же касается и кравчего с его виночерпиями).

Именно потому, что слугам гораздо легче и проще подсматривать и подглядывать, чем придворным, люди Интагара сработали согласно старой традиции спецслужб: только один из них п р о с о ч и л с я в помощники главного мажордома (крайне полезная для сбора информации должность), а остальные пристроились лакеями.

Вросли, освоились, обжились — но толку от них пока что ни на грош. Ну не было ничего полезного Сварогу, хоть ты тресни...

Брагант пошел на посадку. Окруженное зеленым лесочком здание Мистериора было уникальным в своем роде; все прочие имперские конторы располагались в резиденциях самого современного вида, и только Мистериор, хранитель вековых традиций, обитал в особняке самого что ни на есть старинного имперского облика. Причем это был никакой не новодел — здание и в самом деле построено в незапамятные времена.

Никого не встретив ни на стоянке брагантов, ни по пути, Сварог за минуту добрался до здания (желтый и серый кирпич, стрельчатые окна, красивые башенки, изящные балконы, горгульи над парадным входом), обошел его справа. Там, и точно, обнаружилась дверь, очень похоже, не пластиковая имитация, а натуральная дубовая. Распахнулась она легко. Сварог оказался в небольшом зале со сводчатым потолком и витыми полуколоннами по стенам, никакой мебели здесь не имелось, равно как и украшений в виде гобеленов, картин или ваз с цветами. Этакий прямо-таки монастырский аскетизм.

Он остановился посреди зала, оглядываясь с некоторым недоумением. В противоположной стене — дверь с полукруглым верхом. Н о р м а л ь н о г о размера, как раз свободно пройти человеку — а вот по всем четырем стенам тянулись уже другие, точные копии нормальной, числом десятка полтора, но такой высоты, что через них могла пройти разве что кошка, и то не особенно крупная. Это еще что за архитектурный курьез?

Разгадка обнаружилась тут же — все маленькие дверцы неожиданно распахнулись, словно по некоему сигналу, и оттуда густыми колоннами повалили крохотные человечки размером с мужской палец,

одинаково одетые в серо-желтую одежду какого-то старинного фасона. Лица вполне человеческие, но в движениях чувствуется некая механичность, присущая скорее роботам.

Окружив Сварога широким сплошным кольцом, они остановились уардах в полутора, бесстрастно на него таращась.

— Ну здорово, мужики, — сказал Сварог. — Вам, собственно, какого рожна?

Человечек в правом ряду вскинул ко рту вовсе уж крохотный серебряный по виду рог и затрубил. Звук оказался неожиданно громким, ничуть не тише, чем трубят настоящие рога.

Это определенно был сигнал — вся орава стремительно кинулась на Сварога, и было их не менее трехсот. Крохотные ручонки с поразительной цепкостью буквально впились в форменные брюки, человечки лавиной карабкались по его ногам, проворно и быстро, словно взбегающие по стволу дерева лесные ящерицы. За несколько секунд, что Сварог промедлил от удивления, они уже достигли поясного ремня, миновали его, двинулись выше по кителю...

Спохватившись, он принялся их стряхивать обеими руками, сбрасывая ребрами ладоней. Страха не было, он не думал, что в Мистериоре ему что-то может грозить, одно удивление: что еще за паскудные сюрпризы?

Сброшенные шлепались на пол, но тут же вскакивали и вновь кидались к нему. Они прибывали быстрее, чем Сварог успевал их смахивать, — и очень быстро тело Сварога (исключая шею и голову) оказалось словно бы в толстой бугристой накидке. Кисти рук остались свободны, но множество цепких рученок так вцепилось ему в рукава и брюки, что он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Потом он почувствовал, что ему целеустремленно и старательно подгибают колени, явно стараясь

повалить, — и вскоре грянулся навзничь, но не ударился затылком о каменный пол, как следовало ожидать, — под затылком оказалась неведомо откуда взявшаяся большая мягкая подушка. Он лежал, не сопротивляясь, — все равно бесполезно, — только матерился про себя в бессильной ярости. За какое-то мгновение его падения человечки ухитрились с непостижимой быстротой переместиться на грудь, живот и руки-ноги.

Все закончилось очень быстро. Вновь зазвучал рог, человечки волнами хлынули на каменный пол, выстраиваясь в колонны, марширующие к низеньким дверцам. Вскочивший на ноги и подобравший фуражку Сварог нацелился было дать хорошего пинка ближайшему, но удержался все же: какой смысл пинать безмозглого робота? В том, что это не более чем роботы, он уже не сомневался.

Дверь нормального размера открылась, и вошел метр Тигернах — как и следовало ожидать, не в «парадно-выходном мундире» в виде синей мантии, покрытой золотыми каббалистическими знаками, и высокого черного остроконечного колпака, усеянного золотыми звездами с числом лучей от четырех до дюжины и увенчанного золотым полумесяцем. Простая серая мантия, непокрытая голова, дружелюбная улыбка.

— Рад видеть вас вновь, лорд Сварог, — сказал Тигернах тоном гостеприимного хозяина.

— Взаимно, — буркнул Сварог, подумав совершенно противоположное: «И тебя тем же концом по тому же месту». — Я так понимаю, это и была наглядная иллюстрация некоего нехитрого философского тезиса? Не просветите ли, какого?

— Тезис и в самом деле нехитрый, — улыбнулся Тигернах. — Порой и крохотные препятствия, если их достаточно много, способны остановить великого и могучего... Вы сильно разозлились, лорд Сварог?

— Крепко сказано, — проворчал Сварог. — Известное раздражение есть, как у любого на моем месте... К чему эти штучки?

— Честное слово, это не я придумал и не ради вас, — сказал Тигернах. — Мы порой демонстрируем это гостям. Старинная традиция, идущая с незапамятных времен, — наглядные иллюстрации философских тезисов, нехитрых и гораздо более сложных. У нас есть и второй манор, где стоит здание раза в три больше этого, отведенное исключительно под «наглядные иллюстрации», числом около сотни. Вы просто никогда не интересовались... Опять-таки с древних времен заведено, что всякий, желающий стать магом и имеющий к тому способности, проходит Путешествие по всем без исключения комнатам. Обычно это занимает не менее недели — на некоторых этапах при неудаче, неловкости, неправильном поведении ученика, как в компьютерных играх, отбрасывает на другой уровень, к новым испытаниям. Если вам интересно, я мог бы вас туда пригласить. Конечно, п о л н о е Путешествие вам проходить не придется, вы ведь не собираетесь поступать в ученики магов...

— Как-то никогда не ощущал в себе такого желания, — сказал Сварог уже спокойнее и миролюбивее. — Увы, вынужден отклонить любезное приглашение: ничего полезного мне это не даст, а хлопот сейчас — выше крыши. Я думаю, вы в курсе... некоторых готовящихся событий?

— Вы об Агоре и заговоре? Конечно. О таких вещах глава Мистериора просто обязан знать. Вы встревожены?

— Скорее напряжен, — признался Сварог. — Заговор мы, конечно, постараемся подавить, у нас это до сих пор неплохо получалось, и опыт есть. Но что касается Агоры... Тут возможны скверные неожиданности.

— Не беспокойтесь так, — мягко сказал Тигернах. — Я уверен, Канцлер — и особенно Императрица —

что-нибудь непременно придумают. Я, со своей стороны, сделал все что мог — обеспечил присутствие на Агоре пятнадцати делегатов от Золотых Сотен, твердо стоящих на вашей стороне. Больше, пожалуй что, ничего сделать и не мог... Пойдемте.

Сварог прошел за ним знакомым коридором, обтянутым темно-синим шелком с причудливыми серебристыми узорами, чем-то отличавшимися от используемых обычно в убранстве домов и дворцов. Вошел в знакомый кабинет мэтра, крайне похожий на обычный кабинет одного из многих высоких чиновников. О специфике места свидетельствовали лишь пожелтевший череп неизвестного чудища, раза в четыре поболее бычьего — в одном углу и в другом — картина с изображением воздевшего руки мага в мантии и высоком колпаке, с испускающим зеленое свечение жезлом. Вокруг мага буйствовали стихии, плясали цветные огни, сверкали молнии.

— Вино или что-нибудь прохладительное?

— Нет, спасибо, — сказал Сварог. — Совершенно ничего не хочется.

— Ну, в таком случае, зная ваши привычки, которых я не разделяю, но отношусь к ним спокойно... — Тигернах достал из ящика стола массивную пепельницу из светло-голубого с золотистыми прожилками муранского стекла, придвинул к Сварогу. — Итак... Вы, прежде всего, я полагаю, хотели бы поговорить о Гремилъкаре?

— Пожалуй, — кивнул Сварог.

— К превеликому сожалению, совершенно не в силах вам помочь. Потому что, строго говоря, о Гремилъкаре неизвестно н и ч е г о. Единственный надежный, можно сказать, базовый источник — одно из Пророчеств Таверо, кои имеют свойство сбываться. Есть еще пара строчек в одной из книг Мане Анте-

кайда, тоже достаточно серьезного астролога и прорицателя, — но это не более чем пересказ Таверо. Конечно, за тысячелетия появилась обширная литература, но она, я буду резок, более чем скопище бесполезного хлама. Потому что представляет собой исключительно толкования пророчеств Таверо, порой весьма и весьма обширные. На сегодняшний день на каждое пророчество приходится не меньше полусотни толкований, а то и побольше, касаясь некоторых. Поскольку все они противоречат друг другу, одни в большей степени, другие в меньшей, полагаться на них нельзя нисколько... Есть еще «Беседы о чудесах земли и неба» Отакара Равеннского в Иллюзоре, но давно и неопровержимо доказано, что Отакар был шарлатаном и фантазером, две трети его книги — пересказ слышанных где попало баек, а оставшаяся треть — его собственные выдумки. Ну, бывают и такие, самое занятное, что разоблачили его лишь лет через сто пятьдесят после смерти, а до смертного часа он процветал, был в большой милости у короля как придворный астролог, немало благ обрел. Хотя астролог из него — как из нас с вами балерины... В общем, о Гремилькаре нет н и ч е г о. Невозможно сказать, н а с к о л ь к о он для вас опасен. Для вас, конечно, я, как и многие, давно уже не сомневалась, что Серый Рыцарь — это вы. Правда... Есть одна обнадеживающая деталь. Если вы запомнили, о Гремилькаре сказано: «...главной задачей является охота за Серым Ферзем ради в о з м о ж н о г о его уничтожения». Понимаете? Не более чем возможно. Возможно, он с вами разделается, возможно, вы с ним. Ничего заранее не известно и не установлено непреложно — в отличие от многих других предсказаний, где формулировки четки и недвусмысленны. Это вселяет определенные надежды и дает известные шансы, не правда ли?

— Да, безусловно, — угрюмо сказал Сварог. — И все равно как-то неуютно. Нет, я не говорю, что боюсь. Разучился я как-то бояться после всего, что со мной судьба вытворяла. Тут другое. У всех моих предыдущих противников было имя и лицо, и я кое-что знал о них заранее. Конечно, и о Безумном Зодчем я не знал ничего, кроме имени, — но, по крайней мере, было известно, что он собой представляет. А теперь... Враг без фигуры и без лица, о котором известно только имя и его цель. Это как-то... Не могу даже объяснить словами, если только они есть...

— Я понимаю, — кивнул Тигернах. — В этом деле есть два крайне интересных момента. Первый. Почему он оставил свой знак в Крепости Королей? Подкинул вам ключ, позволяющий не ломать голову, кто стоит за кратковременным снегопадом... Второй — послание вам на дворцовой стене. Зачем он вообще дал знать, что появился и намерен вас убить? У вас или кого-то из ваших людей были какие-то соображения, версии?

— Никаких, — признался Сварог. — Ни спецслужбисты, ни книжники, ни старуха Грельфи — никто не в состоянии придумать ничего мало-мальски дельного. Да, вот именно. Есть только два соображения, высказанные Каниллой Дегро. Касательно первого: не исключено, что он намерен властвовать на Таларе. Именно властвовать. Потому и ограничился демонстрацией, принесшей минимальные жертвы. Ему не хочется уничтожать человечество, над которым он рассчитывает владычествовать. А Крепость Королей он отдал нам так легко, потому что рассчитывает, разделившись со мной, овладеть ею вновь. Касательно второго: не исключено, что существуют какие-то правила наподобие законов природы или тех установлений, что касаются магии. И Гремилькар просто не может ударить исподтишка, он обязан предварительно сделать нечто вроде вызова на бой, как на дуэли. Канилла — большая

умница. Вот только все прежде высказанные ею догадки довольно быстро подтверждались экспериментом, практикой, самой жизнью — а в данном случае никакой возможности проверить нет...

— Да, пожалуй...

— Так что я просто жду, — сказал Сварог. — Крепко сомневаюсь, что он способен причинить мне вред на расстоянии, пребывая где-нибудь за триждысемь земель. Коли уж ситуация сравнивается с партией в шакра-чатурандж — для смертельного удара любая фигура обязана встать с королем лицом к лицу, на соседней клетке. Вот я и жду, когда он наконец появится. А там посмотрим, кто кого...

— Логично и резонно... — сказал Тигернах. — У вас больше нет ко мне вопросов или дел?

— Нет.

— В таком случае будем говорить о деле, ради которого я и просил вас прилететь... Лорд Сварог, в течение последних полутора месяцев в ваших королевствах случилось два крестьянских мятежа: в Снольдере в провинции Лоритан и в Ронеро, в провинции Ильтемер. Что вы сможете о них сказать? Как вы их оцениваете?

Сварог, нисколько не задумываясь, ответил:

— В первую очередь то, что в них есть некая странность и неправильность. Это не просто мои собственные мысли — я просто повторяю мнение моих... специалистов по крестьянским мятежам и бунтам горожан. Каждый мятеж имеет п р и ч и н у. Пусть легковесную, даже пустяковую, надуманную — но причина всегда есть. Как ни рыли землю тайная полиция и соответствующие службы сельской стражи, не смогли отыскать и тени причины. Ну не было ни малейших причин! Вполне благополучные села, наполовину фригольдерские, отнюдь не бедные. Не усмотрели мои люди никаких притеснений, никаких

«шалостей» владельцев крепостных крестьян — иногда именно такие «шалости» и вызывают бунт, порой служащий запалом для масштабного мятежа. И не было никаких причин бунтовать у жителей маленького городка в Ильтемере — и тем не менее они сначала устроили бунт у себя, перебив некоторое количество самых зажиточных земляков, чиновников и стражников, а потом присоединились к крестьянскому отряду. Все выглядит так, словно несколько тысяч человек внезапно сошли с ума, их охватила жажда бессмысленных убийств, насилий и разрушений. И еще. В с е г д а есть какой-то атаман, главарь, предводитель. Здесь же в обоих случаях, как ни старались следователи, не увидели и намека на то, что мятежниками кто-то руководил, пытался командовать. Насквозь странные, совершенно неправильные бунты, совершенно не похожие на обычные. И ни следа иностранных происков, иностранных денег — а они порой стоят и за крестьянскими мятежами, и городскими бунтами. Если честно, мои люди тоже дважды проделывали такое в Лоране... Обычная практика меж державами, состоящими во враждебных или напряженных отношениях. Кстати, именно благодаря тому, что не было и намека на руководство и командование, мятежи и удалось подавить так быстро — удар кавалерии, ракетный обстрел, и мятежники разбежались без всяких попыток к сопротивлению, осталось лишь их вылавливать. Следователи в недоумении: никто, ни один человек не сказал слова толкового о причинах, заставивших их участвовать в мятеже его односельчан и его самого. Один из сыщиков мне так и сказал: полное впечатление, что они и сами не понимают, что на них нашло. Потом то же самое повторили еще несколько. Я летал и в Доритан, и в Ильтемер. Короли обычно в таких случаях никогда не ведут расследование на месте сами, ограничиваются тем, что допрашивают захваченных и привезенных

в столицу вожakov — но и это делают редко. Но здесь был особый случай. Я допросил десятка три крестьян... Действительно, полное впечатление, что они и сами не знают, что на них нашло. Причем ни один не врет... — Он поднял голову и взглянул в глаза Тигернаху. — Неужели вы хотите сказать, что знаете об этом что-то такое, чего не знаем мы? Иначе зачем вызывали бы меня по этому делу, которое совершенно не в вашей компетенции и вообще не должно вас интересовать...

— Есть кое-что, — с каким-то странным возражением лица ответил Тигернах. — К сожалению, должен честно вас предупредить: наши данные ничего не прояснят, лишь добавят вам загадок... Вы знаете, что у нас есть своя наблюдательная сеть орбиталов. И знаете, что они работают на совершенно других принципах, чем обычные, ваши, и занимаются поиском совсем другого...

Сварог кивнул. Орбиталы Мистериора — и Серебряной бригады, кстати, тоже — занимались исключительно тем, что фиксировали всякий случай применения магии, неважно, черной или белой. Выявляли все подходившее под определение магии и колдовства.

— Вы хотите сказать... — Голос у него сорвался, чего он никак от себя не ожидал. — Ваши орбиталы что-то такое...

— Зафиксировали, — кивнул Тигернах с тем же странным выражением лица. — Как утверждают наши эксперты, впервые за всю историю крестьянских бунтов и городских мятежей. Отмечены несколько случаев, когда в крестьянских бунтах участвовали деревенские колдуны — насылали порчу на кавалерийских лошадей, хворь на солдат, закрывали для тех или иных целей туманом местность, дожди вызывали... Но в этих случаях речь шла именно об у ч а с т и и. Здесь мы столкнулись с чем-то совершенно другим. Непосредственно перед восстанием, за какие-нибудь полчаса, в обеих

провинциях отмечены явления, для которых я не могу подобрать иного названия, нежели «всплески». Некие всплески, безусловно, имеющие отношение к черной магии — но их природа нам совершенно непонятна, всплески чего-то непонятного — и все тут. Аналоги нам неизвестны, прежде такого никогда не фиксировалось. Вот все, что я могу вам сказать. Мне неловко оттого, что я лишь добавил вам загадок, но утаивать это от вас было бы крайне безответственно...

— Да, конечно, — сквозь зубы сказал Сварог. — Лучше непонятное знание, чем никакого...

Настроение у него упало резко. Пару раз уже случались такие вот «всплески», пусть и не магической природы — и они потом оказывались серьезной угрозой, с которой приходилось бороться с превеликим напряжением сил. А здесь вдобавок — магия, непонятная даже Мистериору, никогда прежде не встречавшаяся...

— Я знаю, у вас есть какая-то система записи, — сказал он. — Пусть и работающая на совершенно других принципах, нежели наши установки.

— Есть, конечно.

— Вы можете дать мне копии?

— Безусловно. В конце концов, такие материалы вы обязаны получать как директор девятого стола и начальник восьмого департамента. Мои люди, кстати, еще с утра начали их готовить... И все же... — В его голосе прозвучала нотка удивления. — Зачем они вам? У вас ведь нет людей, способных в них разобраться...

— То есть как это нет? — поднял брови Сварог. — А Грельфи? А Багряная Палата? А монашеские Братства? И наконец, кое-что у меня имеется в Хелльстаде.

— Да, действительно... — сказал мэтр Тигернах с некоторым смущением. — Инерция мышления, знаете ли. Многим свойственна. Мы совершенно не сотрудничаем с магами и колдунами земли — не видим в этом для себя пользы. Правда, Багряная Палата время

от времени с нами связывается, но всегда необходима наша помощь в чем-то. Лишь дважды за восемьдесят последних лет они давали информацию, прошедшую мимо нас. Ну, а Хелльстад... Я на протяжении всей жизни как-то не привык принимать его в расчет в этом плане, и это не мое личное упущение, а повсеместно распространенное убеждение. Ну что ж, еще не поздно ничего исправить... Отправить материалы лично вам?

— Нет, — чуть подумав, сказал Сварог. — Отправьте Канилле Дегро. Она у меня вдобавок ко всему выполняет еще и функции министра связи. И, если уж говорить о Канилле, есть еще одно обстоятельство...

— Вы имеете в виду ее частицу эльфийской крови?

— Вы знаете?

— Ну, разумеется. Такие вещи легко определяет любой маг... и даже не особенно сильный колдун. Определили давно, когда здесь появилась ее бабушка, свежеспеченная супруга графа Дегро, чистокровная дриада. Полагаете, Канилла может...

— Честное слово, не знаю, — сказал Сварог. — Но о способностях дриад или людей с кровью дриад до сих пор мало что известно. Или вам известно больше?

— К сожалению, нет.

— Значит, мы в равном положении. Мое даже чуть-чуть выгоднее — потому что Канилла служит у меня и полностью мне доверяет, а с ее бабушкой я познакомился, когда узнал, кто она такая. Кстати, я попробую показать и ей материалы — вдруг что-то и получится? Старушка бойкая, живая, до дряхлости ей далеко, и она чуть-чуть скучает после смерти мужа. Одним словом, я использую все возможности, какими располагаю. — Он криво улыбнулся. — В первую очередь мне подобные сюрпризы не то что неприятны, а прямо опасны как земному королю. Чертовски неприятно знать, что существуют непонятные и неизвестные пре-

жде магические практики, способные поднять на бесмысленный бунт население части провинции. А если это не единичный случай и будут другие? Крупнее? Сегодня взбунтовались крестьяне десятка деревень и маленький городок, а если это накроет крупный город? Парочку полков или военных кораблей? Население пары провинций? И потом... Сдается мне, у этих «всплесков» должен быть и н и ц и а т о р. Как вы полагаете? У вас ведь большой опыт в этих делах, а я в них практически ничего не знаю, не было пока что причин интересоваться.

— Что вам сказать... Какой должен быть временной отрезок?

Сварог чуть подумал:

— Ну, скажем... последние сто лет.

Тигернах опустил руку на клавиатуру одного из трех компьютеров, с минуту старательно работал, потом, судя по жесту, отключил невидимый Сварогу экран:

— Итак... в течение последних ста лет — семнадцать случаев. Нынешний — восемнадцатый. Какой-либо регулярности в их появлении нет. Никакой закономерности, связанной бы с определенной местностью, природными условиями, страной, временем года и тому подобным, нет. Все случаи имели самую разную природу, бунт отмечен впервые. Что до статистики... Трижды нам удавалось установить инициаторов и взять. Четвертого взяла Багряная Палата, еще двое попали в руки боевых монахов. Еще в трех случаях были весьма веские основания подозревать существование инициаторов, но разыскать их не удалось. Другая половина появления непонятной, неизвестной прежде магии — так сказать, процесс, вызванный естественными причинами, хотя и не во всех случаях понятно, какими, ну, наподобие известного случая, когда крестьяне чисто случайно выворотили плугом кошку из черной бронзы. Прислать вам и эти материалы?

— Да, конечно, — сказал Сварог. — На этот раз — лично мне. Мэтр Тигернах... Ваши люди не пробовали изучать всплеск?

— Разумеется, они работают. Но дело движется туго. — Он помолчал с хмурым лицом, потом решительно сказал: — То, о чем я сейчас расскажу, государственной тайной или ведомственным секретом, безусловно, не является, но мне чисто по-человечески не хотелось бы, чтобы вы об этом потом рассказывали — ну, разве что своим ближайшим сотрудникам, если это будет необходимо. Раз уж об этом, в общем, давно забыли, не стоит оживлять тему вновь, осведомлять о ней общество. Признаюсь по совести, причины у меня чисто человеческие: ситуация для меня... и для многих в некотором смысле печальна...

— Обещаю, — сказал Сварог.

— Видите ли... И маги, и колдуньи, и прочая близкая к магии и колдовству публика испокон веков делились на две категории. Их принято именовать Пылающие и Пахари — названия появились опять-таки в старые времена, и не было смысла изменять. Пылающие — это т в о р ц ы. Они не просто изучали магию — обогащали ее собственными разработками и достижениями, развивали. Неважно, шла ли речь о черных или белых магах. А вот Пахари, пусть даже весьма сильные, не в состоянии были создать ровным счетом ничего нового. Пользовались исключительно тем, что достигнуто и сделано предшественниками. Нет, разумеется, многие не раз пытались... но безуспешно. Кстати, и наша добрая знакомая Грельфи в свое время пыталась стать Пылающей, причем по юной глупости — черной. Не получилось, и хорошо... Так вот, все мы здесь, в Мистериоре, до последнего человека — Пахари. В том числе и я. В последние несколько сотен лет число Пылающих по непонятным им самим причинам все падало и падало, пока в конце концов в силу естественных при-

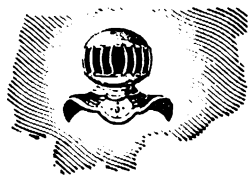
чин не осталось ни одного. На земле происходил тот же процесс — ни одного Пылающего вы там сейчас не найдете. — В его глазах словно бы мелькнула боль. — Будь у нас Пылающие, вполне возможно, мы добились бы больших успехов в изучении не только «всплесков», но и многого другого. Но Пылающих больше нет...

Он выглядел так, что Сварог поневоле почувствовал к нему некую жалость. И поднялся с кресла:

— Позвольте откланяться? Кажется, мы обо всем поговорили...

— Да, конечно, — каким-то тускловатым голосом ответил мэтр Тигернах. — Материалы вам нужны срочно?

— Пожалуй, нет, — сказал Сварог. — Я на несколько дней ухожу на Ту Сторону...

Глава IV

ГОП-СТОП, МЫ ПОДОШЛИ ИЗ-ЗА УГЛА...

Дурацкая веревочная лестница уже давно ушла в прошлое как отживший этап первых недель чуть ли не художественной самодеятельности. Спуск на Ту Сторону сделался гораздо более комфортабельным: одну из толстых, каменных, выщербленных балясин перил давно заменили ее точной копией, маскировавшей не особенно и сложное устройство из арсенала мирной имперской техники. Еще три других убрали вообще и заменили точными голографическими копиями, через которые человек проходил, как сквозь туман или дым. Достаточно нажать кнопку на балясине — и возникает идущая от балкона к земле лестница, по которой могли идти в ряд два человека, не задевая друг друга плечами, — да вдобавок снабженная удобными перилами. Если возникала такая необходимость, лестницу можно было вызвать снизу, нажав ногой на ничем не примечательный короткий толстый корень одного из ближайших кустов — понятно, не корень, а педаль. Ею же лестница

убиралась наверх, до поры до времени таяла в воздухе после визита на Ту Сторону очередного командировочного или группы.

Так что Сварог спустился на Ту Сторону с максимальным комфортом. В любой конторе, любом человеческом сообществе есть ветераны и новички. В данном случае ветеранами считались он с Элконом, Яна с Каниллой, Брагерт и еще с дюжину человек — первопроходцев, так сказать, Людей Веревочной Лестницы (Яна, правда, никогда лестницей не пользовалась, она летала, что ее из числа первопроходцев не исключало). Как водится, у первопроходцев возникли свои неписанные традиции. Одной из них было — спустившись на твердую землю, неторопливо выкурить сигарету или трубочку, стоя у подножия лестницы, — а то удачи не будет. Этакое профессиональное суеверие, вроде бытовавшего на Земле во времена Сварога обычая летчиков-истребителей, уходя в очередной полет, оставлять в буфете недопитую чашку кофе, чтобы допить по возвращении. Понемногу эту традицию здесь переняли и все остальные сотрудники Проекта — чему «старички» великодушно не препятствовали.

Столько изменилось за эти полтора года, такой размах приобрело... Как издавна повелось, мероприятие такого масштаба просто не имеет права обойтись без наименования «операция» или «проект». После недолгих размышлений пришли к выводу, что это все же не операция, а проект, получивший название Проект «Изумрудная тропа». Изумруды здесь были совершенно ни при чем, но, как часто случается, не стали долго этим заморачиваться, а утвердили первое же прозвучавшее название, выглядевшее достаточно благолепно и красиво.

Всякий раз, попадая сюда, Сварог испытывал одни и те же чувства. Он ни за что в жизни не стал бы пыжиться, надуваться самомнением, но все же ощущал

что-то вроде законной гордости: весь нынешний размах, привлекий тысячи людей и превеликое множество самой разной аппаратуры, начался с того, что он велел каменщикам взломать дверь, а потом провел пару примитивных экспериментов с крысой и щенком. И из истории это не выкинешь.

Многое изменилось за полтора года, многое... Хаотические поиски наугад сменили обширные, четко проработанные программы. После долгих обсуждений с участием немалого числа специалистов в самых разных областях (от Магистериума все засекретили и в игру не взяли) в рамках проекта программ было сформировано две: «Сеть» и «Раритет». Первая заключалась в том, чтобы выкачать как можно больше научных и технических знаний, какими располагали предки до Шторма — иные их достижения, вроде кораблей Длинного Прыжка, в Империи так и не удалось пока повторить. Информацию добывали главным образом путем беззастенчивого проникновения в компьютерные сети — из-за чего «хозяйство Элкона» занимало теперь не одну большую комнату, как встарь, а все три этажа левой половины здания, и в подчинении Элкона было целых девять компьютерщиков.

Правда, они очень быстро столкнулись с неожиданным препятствием. Компьютерная сеть Империи была глобальной, охватывающей все без исключения учреждения и маноры. Разве что иные ее кусочки были надежно защищены от визитов посторонней публики, да и с в о и х, но не обладавших должным уровнем доступа.

Здесь тоже имелась своя глобальная сеть, охватывавшая четыре планеты. Однако существовали еще «локалки», компьютеры того или иного серьезного ведомства, связи с Глобалом (как он здесь официально именовался) не имевшие. И потому проникнуть в них с н а р у ж и было решительно невозможно, даже

Элкону. Однако он не опускал рук: рассказал как-то Сварогу, что в Музее Техники отыскиались и устройства для дистанционного съема информации с «изолированных» компьютеров, — нужно только знать, где они расположены, и суметь приблизиться на должное расстояние. Над чем сейчас лихорадочно и трудилась особая группа.

Программа «Раритет» заключалась в спасении возможно большего числа достижений культурных. Целые бригады агентов, прикинувшись безобидными посетителями музеев и картинных галерей, миниатюрными аппаратами запечатлевали полотна лучших художников, скульптуры, другие копировали книги, в основном старых времен, погибшие при Шторме, но и современные, по отзывам здешних литературоведов, особо талантливые. Охепками приобретали фильмы, делая упор опять-таки на высокохудожественные (что никаких подозрений не вызывало — мало ли на свете киноманов с огромными фильмотеками?). В «санатории» их копировали на принесенные с Нашей Стороны носители. Наконец, старательно запечатлевали на видео памятники архитектуры и просто памятники. Всем этим было занято около двух тысяч человек — благо подавляющее их большинство состояло не из ученых (откуда взять столько ученых? Да и незачем), а из обычных спецназовцев и гвардейцев. Они прекрасно справлялись — для неглупого человека не составляло никакого труда после подробного инструктажа сфотографировать картину или скульптуру, проникнув ночью в библиотеку, до утра копировать книги, и вовсе уж просто было под видом туристов среди бела дня снимать на видео старинные здания, мосты и памятники. Самое безобидное поведение, от туристов ничего другого и ждать не следует — разумеется, от тех, кто занимается именно этим, а не болтается весь отпуск по ресторанам и прочим увеселительным заведениям.

Действовала еще пара-тройка программ гораздо меньшего размаха. Люди Мистериора всеми доступными им способами изучали, насколько удавалось, здешнюю магию. И пытались установить, что это за твари наподобие той, что напала на Яну, болтаются над планетой.

Увы, з д е с ь успехов пока что не было. Парочка отчаянных магов помоложе, добровольно выразивших желание стать подсадными утками, много времени провела в Саваджо, но атаке помянутых созданий так и не подверглась, а сама их не зафиксировала. Руководивший ими напрямую мэтр Тигернах высказал предположение: эти твари охотятся за обладателями строго определенного вида магии, например, Древнего Ветра, так что люди из Мистериора в качестве добычи их не привлекают. В этом был резон — вот только проверить пока что нельзя.

Сварог хорошо помнил машину с желтыми мигалками, подозрительно быстро возникшую на том месте, где Яна прикончила-таки непонятного монстра. Работать в этом направлении начали очень быстро, и Элкон собрал достаточно косвенных упоминаний (часто в открытом доступе), чтобы доложить со всей уверенностью: в Дорлиорне существует какая-то спецслужба, аналогичная Свароговой Багряной Палате. Вот только ее компьютеры (а они в этом компьютеризованном мире обязаны быть), несомненно, являют собой «локалку», а значит, и здесь придется ждать, когда будут готовы к работе «дистанционщики».

Особая — и немаленькая — группа отправилась на Нериаду, интересовавшую всех больше всего, — единственная планета, где не осталось ни малейшего следа ни от людей, ни от всего ими созданного.

Над всеми четырьмя планетами повисли сотни две орбиталов, которых здешние системы космической разведки ни за что не могли зафиксировать. Принад-

лежали они самым разным ведомствам (пришлось еще создать и собственный, самый настоящий, немногочисленный, но серьезный отдел безопасности, зорко следивший за тем, чтобы в Магистериуме ни о чем не узнали, а если и узнают, далеко продвинуться ни за что не смогут, раз уж Магистериум всегда стремился быть «вещью в себе», да порой приносил крупные неприятности, то и отношение к нему было соответствующее).

Наконец, Сварог, прекрасно помнивший о моральных и материальных стимулах, легко пробил устройство в «санатории» компьютерной комнаты, которую в виде поощрения отличившиеся (или просто ударно трудившиеся) сотрудники, не обязательно те, кто работал в Проекте, могли использовать в личных целях. Каниллу в Проекте Сварог занимать не стал, ей хватало дел и в девятом столе, — но она по-прежнему л а з а л а по закромам домов высокой моды. Один из людей лорда Галана, завзятый гурман, занимался тем же самым касаясь здешней кулинарии. Другие тоже находили себе занятие по интересам.

Так уж вышло, что в работе Проекта участвовала исключительно мужская часть Бравой Компании. Все три девушки работали на Нашей Стороне, а вот парням там серьезной работы в последнее время как-то не находилось — и они с превеликой охотой ринулись на Ту Сторону, едва услышали о ней. Маркиз Шамон, увалень, предпочитавший сидячий образ жизни (и неплохой компьютерщик), нашел себя в качестве заместителя Элкона. Граф Родрик умственным упражнениям и возне с техникой всегда предпочитавший дела в хорошем стиле «плаща и кинжала», наподобие Брагерта или Гаржака, наоборот, был посажен резидентом в Саваджо, где половину времени посвящал безопасности приставленного к Удаву «племянника», а оставшееся время руководил тамошней агентурой, насчитывавшей уже человек двадцать, — в Саваджо

порой приезжали отдохнуть крайне интересные для Проекта персоны, и это следовало использовать. Уже три раза туда под надежным прикрытием выезжала Яна и, вмиг сделав очередного такого человечка годным к употреблению, часа два-три выкачивала из него нужную информацию — о чем данный экземпляр, естественно, совершенно забывал. Маркиз Палем улетел на Нериаду руководителем группы — он всегда питал склонность к аналитической работе и кропотливому сбору информации. Одним словом, все были при деле, работали здесь еще и несколько монахов из всех трех Братств, и люди отца Алкеса — в той программе, что занималась магией и загадочными тварями. Даже старуха Грельфи сюда собиралась, но в последнее время то ли прихворнула, то ли чуточку сдала по причине преклонных лет — и Сварог, вызвав к ней врачей из восьмого департамента, настрого велел пару-тройку дней полежать. Не чуждая дисциплине старуха согласилась (правда, не без ворчания). Однако отправиться в «Лазурную бухту» или другой схожий курорт она оказалась категорически, бурча:

— Не с моим рылом, светлый король, по господским курортам разъезжать, да еще в виде пучка костей. Вот будь я молодой, обязательно б поехала, нацепила бы купальник, как на тамошних вертихвостках — в три лоскутка, три ниточки — да порадовалась бы жизни всяко. Но кто б мне тогда такое предлагал, тогда меня Багряная Палата вовсю ловила, чтобы к столбу над пленницей примотать, — и добавила с неприкрытым сожалением: — Поздно мы с тобой встретились, светлый король, развело нас во времени. Хрен бы ты мимо меня двадцатилетней прошел, верно тебе говорю...

(Сварог с этим вполне согласился мысленно, он видел портрет Грельфи в двадцать лет — она тогда, хорошо подзаработав на каком-то колдовском деле, показала хорошему мастеру миниатюру на эмали. По ее

словам, чтобы в случае чего осталась память: «Тряпка порвется и истлеет, а такая долго продержится». В самом деле, редкостной красавицей была старая колдунья в двадцать лет, ничего удивительного, что один из подчиненных отца Алкеса во время той приснопамятной истории с облавой забыл служебный долг и все остальное...)

Одним словом, «на больничном» она лежала в собственной квартире, располагавшейся в том же уединенном домике посреди старого парка, где размещалась ее контора. При ней почти неотступно пребывал кто-то из врачей, а снаружи, у дверей квартиры, сменяли друг друга часовые из ратагайцев или гланских гвардейцев — чтобы сотруди́чки не беспокоили. Не удовольствовавшись этим, Сварог собрал всех ее сотрудников в небольшом зальчике для совещаний и настрого предупредил, чтобы ни одна живая душа с делами любой срочности больную не беспокоила, иначе он осерчает не на шутку. Если будет что-то понастоящему серьезное, пусть идут к нему.

Он, в общем, не особенно за семижилую старуху тревожился — просто впервые в здешней жизни случилось так, что кто-то из его сподвижников не ранен был, не в серьезные жизненные горести угодил — заболел (случившаяся однажды трехдневная простуда Каниллы не в счет). Вот и старался изо всех сил — полный покой, имперские врачи, экзотические яства и фрукты (правда, Грельфи в первую очередь потребовала бесперебойных поставок «Кабаньей крови», в чем ей Сварог по размышлению и консультации с врачами отказывать не стал).

В общем, вместо кудлатого щенка в корзинке теперь был громадина Проект «Изумрудная тропа»: едва ли не три тысячи человек задействовано (для чего и Канцлеру, и Марлоку и ему самому пришлось провести форменную мобилизацию, оторвав от второстепен-

ных, рутинных дел всех, кого только было возможно), куча всевозможной техники, включая две сотни орбиталов для наблюдения за планетами и десятков выдвинутых далеко в космос, чтобы следили за передвижением Багряной Звезды, ежедневно докладывая о ее скорости и остававшемся до Талара (вообще-то сейчас Котейра) расстоянии, чтобы с максимальной точностью вычислить к о н е ц.

Руководил Проектом лорд Ойлен из третьего бюро Кабинета Канцлера, то бишь его личной спецслужбы. Сварогу он был незнаком, но Канцлер заверил, что лучшей кандидатуры не найти. Сам Сварог нисколько не рвался в руководители, наоборот, стал бы отбиваться руками и ногами, вздумай ему Яна или Канцлер такое предложить, — на земле дел было неспор, особенно теперь, когда в неизвестной дали замаячил Гремилкар. Он только выговорил себе право при необходимости появляться на Той Стороне ради каких-либо собственных дел и действовать самостоятельно — какое ему предоставили моментально, без малейших возражений. И пошли даже дальше...

Лестница была убрана. Стояла спокойная тишина, полная умиротворяющих лесных запахов, вечерние сумерки уже сгустились, и возле «санатория» вспыхнули синие и оранжевые уличные фонари. Дороги он отсюда не видел, но слышал, как в сторону Саваджо уехала машина. Торопиться было некуда, и он зажег вторую сигарету, ухмыльнулся, глядя на близкий лес.

Чтобы посторонние здесь не шлялись вообще, весь лес площадью югера в два попросту купили. Один из людей Родрика навел справки и выяснил, что лес — муниципальная земля. После чего к мэру пришел «племянник» Удава, респектабельности для работающий под личиной адвоката, и сообщил, что некий крупный воротила из столицы хочет данное муниципальное имущество приобрести, построить здесь

дачу, чтобы было где развлекаться вдали от ревнивой супруги. Городу этот лес, если по правде, и так был без надобности — а уж когда «адвокат» изящно сунул немалую взятку (хапал мэр, хапал, вовсю и насколько удастся), все необходимые документы были и вообще оформлены уже к вечеру. Насчет дачи в чем-то была чистая правда — посреди леса имелась обширная поляна, вполне подходящая для строительства солидного коттеджа. Предстояло лишь вырубить совсем немного деревьев, чтобы туда могли проехать автомобили. Разумеется, проще всего было бы пустить в ход таларские технологии, но вот этого делать как раз и не следовало: обязательно пошли бы пересуды о возникшем за одну ночь роскошном доме. Так что «адвокат» вполне легально подрядил одну из солидных строительных фирм Саваджо, как раз на таких домах и специализирующуюся, обговорил надбавки за круглосуточную ударную работу, и она должна была закипеть уже с завтрашнего дня.

Об этой сделке прознала «городская общественность» — из разряда малость скорбных на голову, какие встречаются в любом достаточно развитом государстве, где бы во Вселенной оно ни располагалось. У мэрии несколько часов нес грозное дежурство пикет аж из девяти человек с корявыми самодельными плакатами на шее. Мэр, политик из изрядных, велел полиции их не трогать, а вечером выступил по местному телевидению и говорил, в принципе, резонные вещи: для отдыха горожан есть еще немаленькие леса, причем примыкающие к Саваджо, и вот их-то продавать никто не собирается. А Гарантельский лес (как он здесь именовался) из-за своей отдаленности давно стал головной болью полиции: с начала этого года там случилось добрых два десятка драк, иные с увечьями, три изнасилования и даже одно убийство. Есть еще и финансовый аспект: новоиспеченный владелец

миллионер будет платить немаленькие налоги в городскую казну. Все это было правильно — вот только мэр, разумеется, ни словечком не упомянул, насколько потяжелел его карман после этой негоции.

Короче говоря, завтра же лесорубы начнут прокладывать просеку к поляне, а строители в первую очередь вокруг леса качественную ограду, чугунную, ажурную, высотой в добрых два уарда. Что займет у них недели две. Учитывая размеры леса, «миллионеру» это само по себе влетит в неслабую копейчку — но какой смысл скопидомничать над здешними фантиками, от которых не менее чем через полгода не будет никакого толку? Как только начнут строить ограду и завозить технику, в лесу появится неслабая охрана (одно из частных охранных агентств Саваджо хорошо заплачено). И полностью прекратятся на территорию чужой частной собственности визиты веселых компаний и романтических парочек. Они и прежде все это время часто болтались в непосредственной близости от балкона, могли ненароком увидеть и лестницу, и тех, кто по ней спускается-поднимается. Какое-то время их стоически терпели, но чашу терпения переполнил произошедший на прошлой неделе случай: отправившийся на Ту Сторону Брагерт, почти уже спустившись по лестнице, вдруг услышал и увидел буквально в десятке уардов от опушки очередную парочку, твердо державшую курс к балкону. Он кубарем слетел по лестнице, вмиг ее убрал, и, поскольку был не антланцем (они составляли добрую половину действовавших здесь агентов), а ларом, и непростым ларом, моментально стал невидимым и нырнул в заросли кустарника. Где и вынужден был просидеть не менее часа, пока под самым балконом парочка на разостланной куртке парня общалась пылко и бурно.

Это ЧП, пусть и невеликого масштаба, моментально стало предметом обсуждения в руководстве Проекта. Кто-то предлагал устроить еженощное ночное патрулирование леса поблизости от балкона — силами своих людей, одетых в полицейскую форму. Ему резонно возразили, что последствия возможны самые непредсказуемые: новость быстро облетит Саваджо, и кто-кто, а полиция будет точно знать, что своих мундирных патрульных она туда не посылала...

Вот тут Сварога и осенило. Он чуточку гордился тем, что затея со строительством была исключительно его идеей. Конечно, даже работая ударно, строители не успеют за оставшиеся до Шторма неполных полгода построить и полностью отделать виллу по переданным им чертежам — но в этом и нет никакой надобности. Главное, лес будет полностью окружен изгородью, и еще до того его станет патрулировать частная охрана. Так что — никаких посторонних глаз и ушей отныне. А чтобы ими не стали охранники, в дополнение к ним в в е л и своих (люди Родрика с полгода как купили другое частное детективное агентство, вдруг да пригодится чем в хозяйстве — и внедрили туда, ни у кого не вызывая подозрения, десяток своих новобранцев). Каковые и будут посменно патрулировать ту часть леса, что примыкает к балкону.

Швырнув окурок под соответствующий куст (где он тут же исчез в тусклой синей вспышке), Сварог направился к бывшей гостинице. Приложил большой палец правой руки к соответствующему участку замка, обозначенного кружочком, и калитка исправно распахнулась.

Внутри давно уже все перестроили самым решительным образом. На месте прежней стойки портье красовалась другая, гораздо больше набитая сложной аппаратурой, моментально засекавшей бы проявленный к санаторию интерес с помощью электронных

средств наблюдения или шатанье в непосредственной близости субъектов, которым здесь решительно нечего делать.

Молодой человек в легком костюме, при полосатом галстуке проворно встал из-за стойки:

— Рад приветствовать, господин генерал...

Сварог кивнул в ответ. Спросил:

— Императрица?

— В Саваджо. Должна вернуться часа через четыре. Очередная «охота». Ее сопровождают шофер из нашего спецназа (дежурный служил в девятом столе), маг из Мистериора, брат Роман и двое «абертанских школяров», мальчик и девочка.

Сварог недовольно поморщился. «Абертанскими школярами» среди посвященных именовались юные выпускники того учебного заведения, что окончила Мара (оно располагалось в антланском местечке Абертан). У Сварога их было восемнадцать — и еще двенадцать учились. Вот только работы для них находилось мало, сейчас они главным образом охраняли Яну во время ее визитов сюда.

Однако сейчас «абертанские школяры», способные вдвоем моментально пустить клочками по закоулочкам десятка два нападающих, были бесполезны. Потому что Яна уже не в первый раз устраивала «охоту на живца», где живцом была она сама, а охотились на тех тварей, что однажды уже на нее напали. Яна загорелась желанием (которое горячо поддерживали и маги Мистериора, и боевые монахи) захватить очередную тварь целехонькой и переправить на Нашу Сторону для вдумчивого изучения, если это возможно. Она уверяла Сварога и Канцлера, что отыскала в Древнем Ветре ухватки, позволяющие это проделать относительно легко, что достоверно выяснено: эти твари всегда летают в одиночку, а уж с одной-то она справится, как показал прошлый случай. И тем не менее Сварогу

с Канцлером эта задумка крайне не нравилась — но бывают ситуации, когда с Яной не поспоришь, если она стопроцентно уверена в собственной правоте...

Вот только все охотничьи вылазки, числом уже перервавшие за дюжину, оказались бесполезными. Яна ни разу не почувствовала присутствия твари. Нельзя исключать, что она тут обитала одна-единственная, что они живут каждая на своем строго определенном участке, подобно иной ямурлакской нечисти, каталаунским тиграм и медведям. И опустевшая после гибели «хозяина» (или «хозяйки»?) территория пока что никем не занята...

— Лейтенант Элкон на дежурстве.

— Да, я знаю, — кивнул Сварог.

— Капитан Брагерт просил передать, чтобы вы его приняли, как только у вас будет время. Ничего, требующего срочного вмешательства, — но что-то крайне интересное у него есть. Он у себя.

— Скажите ему: как только освобожусь, тут же вызову, — кивнул Сварог и направился на первый этаж. Встретившаяся в коридоре парочка незнакомых, как и подавляющее большинство всех остальных сотрудников Проекта, приветствовала его с должным респектом.

Обернулось все так, что он все же занял в Проекте высокое положение. Канцлер ничего не имел против, если Сварог будет при необходимости вести здесь свои собственные работы, но тут же уточнил: с бюрократической точки зрения какой-то официальный статус просто необходим. Те, кто подчиняется непосредственно Сварогу, составляют менее четверти сотрудников Проекта (пусть даже Элкон и Брагерт занимают два ключевых поста из восьми). Поскольку бюрократия никуда не делась и присутствует в Проекте в полной мере, если Сварогу понадобится какая-то информация, добытая людьми п о с т о р о н н и х контор, она

ляжет ему на стол не моментально, а не менее чем через час, когда будут проведены необходимые, увы, в таких случаях ведомственные и межведомственные согласования.

Канцлеру в таких делах следовало верить безоговорочно. А потому Сварог, нимало не прекословя, наоборот, принял пост куратора Проекта от Кабинета императрицы (никаких натяжек: он и там официально состоял на службе помимо Канцелярии земных дел). Канцлеру следовало в очередной раз мысленно поаплодировать: на этом посту Сварог не занимался никакими текущими делами, но любую информацию получал бы тут же, да вдобавок мог внедрить своих людей в любую из программ, и крупных, и помельче. Как ни крути, а есть в бюрократии и свои положительные стороны...

Прежде всего он направился на первый этаж. К стыду своему, он не сразу спохватился. Узнав, что в н е ш н я я магия ларов здесь совершенно не действует (как и направленная в н у т р ь), он какое-то время с этим мирился. А потом в голову вдруг стукнуло: черт побери, но ведь Х е л л ь с т а д к магии ларов не имеет отношения, как и хелльстадская техника далеко не во всем схожа с техникой Империи!

Первые опыты принесли блестящие результаты. На Той Стороне исправно действовала и личная магия короля Хелльстада, и Золотые Шмели (другое зверье привлекать не стоило), и средства наблюдения Велордеранского компьютерного центра. А потому в одном из бывших гостиничных номеров давно обосновались с аппаратурой два Золотых Обезьяна под номерами Четыре и Восемь. Правда, особого толку от них пока что не было — не находилось места для применения сил. Сварог как-то пару-тройку раз «заглянул» и в кабинет президента, и к премьеру, и к военному министру, и еще к парочке высших сановников государства,

но всякий раз речь шла о каких-то сугубо местных делах, которых он просто не понимал, гораздо больше пользы было бы, навести он контору, занятую проектированием и возведением Крепости Королей — но до сих пор не удалось выяснить, где она расположена, засекречена намертво...

Вот и сейчас Обезьяны не смогли его порадовать ничем интересным — разве что сообщили (и показали), что Яна по-прежнему мотается по пригородным дорогам в роскошной машине, где с комфортом разместились все четверо. И, судя по ее хмурому личику, охота и на сей раз ни к чему не привела по причине полного отсутствия дичи...

Не дав Обезьянам никаких новых указаний (которых попросту не было), он поднялся на третий этаж, к Элкону. Здесь он никогда не видел молодого сподвижника бездельничавшим — вот и сейчас он следил сразу за тремя экранами, где мельтешили какие-то чертежи, улицы городов, вовсе уж непонятные узоры.

— Что-нибудь срочное? — спросил Сварог, присаживаясь рядом и кивая на экраны.

— Рутинный поиск, командир. — Элкон развернулся к нему в вертящемся кресле. — Человеческого надзора не требует. Срочное и интересное у меня у же есть.

— Да, я помню ваше сообщение... — сказал Сварог. — Ну что ж, как говорят в Каталауне, валите, как с моста...

— По степени важности?

— Конечно.

— По степени важности на первом месте сведения о Багряной Звезде, — прилежно доложил Элкон. — Давно установлено: как и в нашем случае, она и здесь собственной скоростью не обладает, не способна ни замедляться, ни ускоряться. В нашем мире она резко ускорилась, попав в гравитационное поле Семела. Здесь произошло то же самое, разве что гравитацион-

ное поле было не Семела, а Винторла (так здесь именовался Сатурн). Сложилось так, что оно ее раскрутило даже почище, чем в нашем случае — поле Семела. Словно камень из пращи. Она так р в а н у л а... У нас нет пяти с половиной месяцев, командир. Трижды проверенные расчеты показывают: Талара... тьфу ты, в данном случае Котайра, если она не изменит скорость — а мы пока что не видим причин и факторов, заставивших бы ее изменить скорость, — она достигнет через три месяца и семнадцать дней. Точно рассчитаны даже часы. Такие дела...

— Ну что же... — сказал Сварог. — Не смертельно — для нас, я имею в виду. Разве что чуточку напряжно. Придется максимально ускорить все работы, только то и всего... Директору Проекта доложили?

— Конечно. Теперь — об Огненном Куполе. Нет совершенно никаких сомнений, что он существует и выполняет практически те же функции, что ваша Багряная Палата. Вот только местонахождение установить пока что не удастся. Их компьютерная сеть — безусловно, «локалка». Если только она существует. Эксперты допускают и вариант, что ее нет. Даже у нас несколько учреждений держат всю «особую секретную часть» в бумаге. Так может оказаться и здесь. Гаражи «желтых мигалок» нами обнаружены — практически в каждом крупном городе и не в одном помельче, общим числом около двухсот... по крайней мере, именно столько мы пока нашли. Но совершенно непонятно, как они связываются со штаб-квартирой, которая просто обязана существовать. Никакого радиообмена гаражей с кем-то извне мы пока что не зафиксировали. Должна быть штаб-квартира, должна...

— Безусловно, — сказал Сварог, задумчиво почесав в затылке. — Учитывая, что у них есть кое-что, чего нет у нас, например, корабли Дальнего Прыжка... А что, если у них есть и связь с помощью чего-

то, чего в нашем мире не знают? Наподобие того, как в нашем мире возможна связь с помощью «ручейков», которых здесь нет по причине отсутствия апейрона...

— Канилла вчера высказывала ту же мысль, и мы ее подробно обсудили. Вот только ни она, ни я не представляем, как можно перехватить передачу, ведущуюся аппаратурой с совершенно нам неизвестным принципом действия. О «ручейках», по крайней мере, было известно заранее, потому и была создана нужная аппаратура. Тогда знали, что искать. Сейчас — решительно не представляем.

— Ну что ж... — сказал Сварог. — Подготовьте мне координаты нескольких гаражей, попробую хелльстадскую магию... И знаете что? — Он ухмыльнулся. — Это, конечно, насквозь ненаучно, но я, когда разделаюсь здесь с текущими делами, переправлю сюда одного ратагайского шамана. Интересный старик и многое умеет. Помогая мне, кстати, в истории с Радиянтом, о чем я в отчетах упоминать не стал, чтобы не дразнить вопиющей антинаучностью иных гусей... Авось и на этот раз чем поможет. У вас все?

— Нет, — мотнул головой Элкон и добавил как-то буднично: — Мы нашли Анеллу.

К стыду своему, Сварог не сразу вспомнил, о ком идет речь, понадобилось несколько секунд. Он прямо-таки выдохнул:

— А н е л л у? Подругу Горонеро?

— Ее самую, — сказал Элкон. — Это оказалось не так уж и трудно — то есть времени заняло не так уж много. Один из моих подчиненных высказал толковую мысль — что искать нужно в первую очередь в тех городах, что ближе всего к базе «Стагар». Гораздо больше вероятность, что морской офицер познакомился с девушкой где-то не особенно далеко от расположения, а не в какой-то дальней поездке в отпуск.

— Логично, — сказал Сварог. — Как старый офицер вам скажу: господа офицеры не любят мотаться куда-то далеко, если есть возможность найти красоток поближе... И что было дальше?

— Я начну чуточку издалека, — сказал Элкон. — Вы ведь помните, что паспортизация здесь всеобщая, и паспорта всякий обязан менять раз в пять лет...

— Помню, помню, — нетерпеливо сказал Сварог. — Дальше!

— Ближе всех, в каких-то восьми лигах, от базы «Старгар» расположен немаленький город Кардоталь. Двести тысяч населения, крупный торговый порт... и самый крупный в Дорлиорне морской курорт, рассчитанный на любой кошелек, от тощего до туго набитого. Как обычно в таком месте, буквально набит всевозможными увеселительными заведениями, ресторанами и кабаками — все опять-таки рассчитано на любой кошелек. Большинство моряков с базы, как установили люди капитана Брагерта, предпочитают проводить выходные и отпуска именно там — я о холостых говорю, женатые-то в отпуска едут к семьям, хотя выходные проводят тоже в Кардотале, главным образом в местах, о которых супругам как-то не принято рассказывать, как и о характере иных развлечений. Вот с Кардоталья мы и начали. И буквально через полчаса отыскивали Анеллу.

— Каким образом?

— У них здесь есть своего рода аналог наших Гербовых Книг — паспортное управление департамента полиции министерства внутренних дел. Там хранятся фотографии всех получивших паспорта, архив регулярно обновляется каждые пять лет... Точнее, дело каждого клиента. Компьютер ее сразу опознал. Хотите посмотреть?

— Естественно!

Сварог развернул кресло к ближайшему экрану. Элкон с обычным проворством и изяществом хоро-

шего пианиста прошелся по клавишам. Сварог ее ментально узнал: красивая светловолосая и черноглазая девушка, в точности такая, как на той фотографии. Разве что там она весело улыбается, а здесь, как и положено на паспортной фотографии, смотрит серьезно. Лицо и имя — на совпадение не похоже...

— Фотография всего месячной давности, — сказал Элкон. — Ей исполнилось двадцать два, и она меняла паспорт — их здесь выдают в семнадцать. Анелла Сабиташ, родилась в столице, сюда переехала два года назад после окончания Художественного лицея. Художница, ага. Начинаящая, но вроде бы отнюдь не бездарная, уже два раза выставлялась, сейчас готовит небольшую персональную выставку, продала несколько картин, есть пара вполне доброжелательных отзывов столичных критиков. Живет одна — родители люди не бедные, коммерсанты средней руки, купили ей квартирку в приличном районе. Вот пока и все, что нам о ней известно. Капитан Брагерт вчера отправил в Кардоталь группу, чтобы провела углубленную разработку.

— Великолепно, — сказал Сварог, ощутив знакомый охотничий азарт. — Кажется, мне будет здесь чем заняться... Кардоталь далеко отсюда?

— Двести семь лиг.

Пустяки, подумал Сварог. Минут двадцать полета. Еще полгода назад, чтобы не зависеть от регулярных рейсов, люди Проекта создали в Саваджо, опять-таки не считая местных фантиков, еще одну частную фирму авиаперевозок — из тех, что рассчитаны на особенных толстосумов. Два десятка небольших реактивных самолетиков — проворные птички со скоростью лиг девятьсот в час вмещают от четырех до дюжины пассажиров. Подобных фирм здесь имелось с полдюжины — но следовало иметь полную свободу рук. Так что для посторонних складывалось так, что все самолеты новоиспеченной фирмы постоянно оказывались заброниро-

ваны кем-то другим — и возили исключительно своих, и по Дорлиорну, и в другие страны. Дела обстоят так, что придется прикупить еще десяток аэропланов — тем более это важно теперь, когда Шторм грянет чуть ли не на три месяца раньше расчетного срока, и работать придется в три смены...

— Великолепно, — повторил Сварог. — Найдется для меня самолет на завтрашнее утро? Точнее, два. На одном полечу я с Яной, на втором — еще восемь человек.

— Сейчас посмотрим. — Элкон прошелся по клавишам. — В аэропорту целых три. Два четырехместных и один на двенадцать мест.

— Отлично, — сказал Сварог. — Сейчас же закажите два, соответственно «четверку» и «дюжину». Если кто-то их уже заказал, отмените им заказ. Моей властью куратора. Сошлитесь на Белую Тревогу. Если...

Он замолчал — над дверью замигала зеленая лампочка — кто-то просил разрешения войти.

— Впустите, Элкон, — распорядился Сварог. — Я не знаю, где у вас клавиша...

Элкон протянул руку, нажал клавишу слева — там, снаружи, должна была замигать такая же зеленая лампочка. Через пару секунд дверь открылась, вошел еще один подтянутый незнакомый молодой человек, нашел взглядом Сварога, коротко поклонился:

— Господин генерал... Дежурный по зданию. Следом за вами прибыл пакет для вас. Поскольку на нем не было пометок особой срочности и немедленного вручения, я отнес его в ваш кабинет.

— Правильно, — сказал Сварог. — Можете идти.

Четко повернувшись через правое плечо, как было принято у здешних военных, земных и имперских, молодой человек вышел и бесшумно притворил за собой дверь.

— Хорош... — сказал Сварог. — Гвардия, а?

— Да. Я не интересовался точно, какой именно полк, но Канцлер распорядился откомандировать сюда некоторое число младших гвардейских офицеров. — Элкон легонько усмехнулся. — На те места, где не требуется ни малейшего проявления инициативы, исключительно безукоризненное выполнение приказов...

— Да, в некоторых случаях гвардейские офицеры незаменимы... — серьезно сказал Сварог. — Ну, что там?

— На все три в самом деле была броня на завтра. Две я отменил, с той мотивировкой, что вы предложили.

— Дискуссий не было? — усмехнулся Сварог.

— Ни малейших. Диспетчером там сидит тоже гвардейский лейтенант.

— Прекрасно, — сказал Сварог. — Я надеюсь, Яна не намерена разъезжать до утра?

— Нет, она говорила, что вернется часов в восемь вечера.

— И это хорошо, — сказал Сварог. Достал из кармана кителя книжку размерами побольше обычного блокнота. Аккуратно оторвал по перфорации лист с эмблемой Проекта вверху и печатью внизу (приличный широкомасштабный проект не обходится без эмблемы и печати). Размашисто написал несколько строк, расписался, протянул листок Элкону.

— Немедленно отправьте с фельдъегерем на Нашу Сторону, когда я пойду к себе.

Несмотря на повсеместное торжество научно-технического прогресса, в одном-единственном случае Проект пользовался архаичнейшим способом. Просто-напросто не существовало аппаратуры, способной обеспечить связь меж двумя мирами, — а потому в случае срочной депеши туда или оттуда к балкону с той или другой стороны отправлялся человек-курьер. И никуда не деться от этой архаики...

— Особый конверт? — спросил Элкон.

— Нет, запечатайте в обычный, — сказал Сварог, не раздумывая. — Адресуйте дежурному на нашей Стороне. Ну вот, с делами все... А теперь, Элкон, что у вас стряслось?

— У меня? — Элкон с определенно наигранным удивлением пожал плечами. — Ровным счетом ничего.

— Не врите командиру, — наставительно сказал Сварог. — Я вас успел хорошо узнать, как и всех из Бравой Компании... и даже лучше, вы ко мне пришли даже раньше, чем Бравая Компания стала работать в девятом столе... Вы отлично держитесь: собраны, энергичны, исполнительны, как обычно... Но сейчас я голову готов прозакладывать, что вас что-то грызет, что душа у вас не на месте. Слишком хорошо я вас знаю, и не пробуйте отрицать, что у вас какой-то камень на душе. Что? Служебных неприятностей у вас быть не может. С невестой поссорились? Извольте отвечать командиру, вы же знаете, я терпеть не могу, когда у моих ребят объявляется какой-то камень на душе, и всегда стараюсь помочь... причем очень часто мое вмешательство помогает. Ну?

Элкон молчал, глядя в сторону, став таким понурым, что Сварог просто не мог ошибаться.

— Вы правы, командир, — сказал он глухо, все так же отворачивая лицо. — Я все равно собирался с вами поговорить, когда вы будете совершенно свободны от дел... Я просто не имею права это от вас утаивать, здесь и личное, и служебное...

— Вот и отлично, — сказал Сварог, встав и ободряюще похлопав его по плечу. — Я так полагаю, освобождаясь через часок и тут же с вами свяжусь, идет?

— Идет, — со вздохом отозвался Элкон, все так же не глядя на него.

«Что же такое могло случиться? — ломал голову Сварог, шагая в свой кабинет в другом крыле, на втором этаже. — Поссорился с невестой? Ну, помирили

бы, молодежь без серьезнейших поводов не ссорится на с м е р т ь. Но он сказал ведь — здесь и личное, и служебное. Значит, что-то другое. Невеста оказалась подставой какой-то спецслужбы? Чушь, проверяли... Какой-то промах в работе уже здесь? Но у Элкона не бывает промахов и упущений... Ладно, не стоит сейчас гадать, через часок сам расскажет...»

Резиденцию ему сделали из двухкомнатного номера — кабинет и комната отдыха, то бишь спальня. Последняя была как нельзя более кстати — и ему, и Яне предстояло здесь пробыть еще дня два-три...

Включив все системы, в том числе и ту, из-за которой никто не мог войти сюда без предупреждения, он уселся за стол и придвинул к себе большой конверт — тоненький на вид, светло-голубой с золотой эмблемой Проекта и алым знаком, означавшим, что конверт как раз из о с о б ы х. Следовало, прежде чем его вскрыть, приложить большой палец правой руки к черному квадрату в левом верхнем углу. Если этого не сделать, или палец приложит кто-то другой, конверт, не причиняя вреда никому и ничему окружающему, попросту рассыплется пригоршней легкого серого пепла... Тем же закончатся и любые попытки как бы то ни было его вскрыть. Незатейливо, но надежно.

Внутри оказался один-единственный лист бумаги. Как полагается, эмблема Проекта, документ подписан профессором Марлоком. Печати нет, всего-то несколько строчек — но бумага была важнейшая и секретнейшая...

Двое суток, с коротким перерывом на сон (а обедали, ужинали и завтракали непосредственно в ходе заседания), в Технионе шла, смело можно сказать, ожесточеннейшая дискуссия по одному-единственному вопросу: можно ли забрать из прошлого человека, а то и нескольких? Причем спорили так, словно такая возможность реально существовала, и не было ба-

рьера, не пропускавшего на нашу Сторону и спички. В дискуссии использовались и мощные компьютеры (на иных работали прямо в ходе дискуссий), и самая что ни на есть высокопробная математика с парочкой других наук. Сварог посетил этот парный диспут лишь однажды и высидел не более квадранса — он чувствовал себя так, словно вокруг говорили на португальском или китайском (по тем же причинам туда заглянули лишь разок Канцлер с Яной — и покинули зал еще раньше Сварога).

Зато предмет дискуссии был ему понятен, как таблица умножения. Спорили об одном: окажет такое и з ъ я т и е какое бы то ни было влияние на здешнее настоящее или нет? Последуют ли какие-то изменения Истории, неважно, глобальные или незначительные?

Спорщики разделились на две группы. Накал страстей был такой, что однажды, как раз когда Сварог там сидел, ему показалось, что дискуссия вот-вот сорвется в те диспуты, что нередки в земных университетах — когда в ход идут не только кулаки, но и лавки с табуретками, а то и лекторские кафедры, в зависимости от комплекции диспутантов. Обошлось, но было близко к тому...

Одни (слыхом не слышавшие ни о классическом рассказе Брэдбери, ни о нем самом) отстаивали как раз «эффект бабочки», считая, что и з ъ я т и е вызовет не просто серьезные — именно глобальные изменения Истории. Ну в точности по Брэдбери! Путешественник во времени случайно раздавил миллионы лет назад бабочку — а когда вернулся, оказалось, что на недавних президентских выборах т е п е р ь победил не вполне себе демократ, а фашист, без сомнения, собиравшийся ввести лютую диктатуру.

Другие (возглавляемые Марлоком) столь же упорно держались теории «флакона чернил». Выражаясь столь же образно, как в предыдущем случае — если вылить в Ител в паре сотен лиг выше по течению от

Латераны флакон чернил, в Латеране это пройдет совершенно незамеченным. Могучий водный поток на протяжении этого пути просто-напросто быстро чернила растворит не то что на капли — на молекулы...

Кипели страсти, компьютеры едва не дымились от нагрузки, в ход шли с обеих сторон легионы вычислений и формул, непонятных простому смертному... И вот, наконец, великая битва подошла к концу. Марлок кратко сообщал: победила его группа, которой все же удалось у б е д и т ь оппонентов, что все ограничится «флаконом чернил». Что могучая река Времени справится с м е л к и м и изменениями. Что первые две-три сотни лет после Шторма — времена, собственно говоря абсолютно «неисторические», о них не сохранилось практически никаких сведений даже у ларов, все знания о том периоде умещались страниц в полсотни, да и то половина из них носила пометки «предположительно», «вероятно» и тому подобные. Что следует всего лишь тщательно проверить, где будут находиться «кандидаты на изъятие» в момент Шторма. Если на тех землях, что опустились на дно океана или подверглись совершеннейшему разрушению, при котором погибло все живое, проблема снимается сама собой.

И это послание вновь натолкнуло Сварога на определенные мысли, посещавшие уже не раз...

Он вызвал Брагерта, и тот появился буквально через полминуты — растрепанный, как всегда, с печатью вечного шалопайства на лице, надежно маскировавшей толкового и умного сотрудника. Судя по улыбке, дела в отведенном Брагерту секторе шли прекрасно. Впрочем, и во всех остальных.

— Рад вас видеть, командир, — сказал Брагерт (он как-то незаметно перенял у Бравой Компании их обычное обращение к Сварогу. Сварог не имел ничего против).

— Садитесь, — сказал Сварог. — Келимаса хотите?

— А когда это я отказывался от генеральских келимасов?

Сварог пошел к бару за всем необходимым. Бар ему соорудили роскошный — и резиденция тоже была отделана весьма роскошно, что в данных условиях выглядело чуточку нелепо: всей этой роскоши через несколько месяцев предстояло рассыпаться прахом. Но таковы уж законы бюрократии: где бы ни происходило дело, генерал, камергер и прочая и прочая просто обязан восседать в роскошном кабинете.

Разлив по стопкам нектар происхождением с острова Ройге (и в самом деле генеральский), Сварог, чуть подумав, протянул Брагерту послание Марлока:

— Вот, ознакомьтесь.

Ни на письме, ни на конверте не было ни единой пометки секретности, даже самой низшей — а в Проекте Брагерт относился к тем, кто имел право на высшую степень доступа.

Брагерт пробежал глазами письмо словно бы небрежно, сказал:

— Это я уже знаю, командир. И знаю обо всем следовавшем — о чем вам сейчас расскажу. Канцлер решил вас ознакомить, когда прибудете сюда — несколько часов никакой роли не играет. Вы ведь не в претензии? Это вовсе не срочная информация.

— Ну, если не срочная, тогда не в претензии, — сказал Сварог. — У меня и на Нашей Стороне вплоть до отбытия хватало дел, пришлось, коли уж мне тут сидеть пару-тройку дней, кое-что закончить, распоряжения отдать... Рассказывайте.

— После того как все определилось и группа Марлока одержала решительную победу, меня вызвали туда. Канцлер там уже был. Меня как раз и назначили главой спецкоманды, которая будет собирать намеченных к изъятию, как грибы...

— Подождите, подождите... — сказал Сварог. — Но ведь преграда непроницаема... Что, отыскиали какой-то способ с этим справиться?

— Все оказалось еще проще, командир, — сказал Брагерт прямо-таки торжествующе. — Один из молодых, но чертовски способных ребят Марлока высказал идею. Достаточно элементарную. Ну, знаете, как это бывает — в сущности, простая мысль, но никому прежде она в голову не приходила. И все дружно стенают: где были наши мозги? Это же элементарно... Короче говоря, «завеса» задерживает исключительно неорганические предметы. Этот ученый парень оттолкнулся от простой мысли: многие ведь едят и пьют здесь, но с чужеродным содержимым в желудке через «завесу» преспокойно проходят. И сделал вывод: очень похоже, о р г а н и к у здешнего происхождения «завеса» пропускает свободно. Еда и питье — это ведь тоже органика. Коньяк в здешней бутылке «завесу» ни за что не преодолеет, а вот в желудке — запросто. Кстати, это означает, что мы можем проносить отсюда к нам и еду, и напитки, достаточно их переложить или перелить в нашу посуду. Есть один ресторанчик...

— Не отвлекайтесь, — сказал Сварог служебным тоном.

— Ох, у нас столько свободного времени впереди...

Сварог усмехнулся:

— А вам не приходит в голову, что я сижу как на иголках? Что мне хочется побыстрее узнать обо всем, что за победой Марлока последовало?

— Извините, командир, — сказал Брагерт без особого раскаяния на веснушчатой физиономии. — Я как-то не подумал... В общем, проверить эту гипотезу поручили мне — а я задействовал людей Родрика в Саваджо. Мы с самого начала решили не размениваться на пустяки вроде котов и прочей подопытной живности — мы, в конце концов, не ученые, мы спецслуж-

бисты, и мне была предоставлена полнейшая инициатива. А потому я приказал провести опыт сразу на человеке. Благо человеку это абсолютно ничем не грозило. Парни Родрика вечером подыскиали в одном из кабаков подходящего туриста — приехал без жены или любовницы, а здесь еще не успел найти ночную пташку и отчаянно скучал. Они представились такими же туристами, знающими нужные места, вмиг подружились — он уже принял на грудь изрядно — и очень быстро подкинули ему в очередной бокал таблеточку, которая его моментально вырубил на пару пасов. Как вы понимаете, не было ничего из ряда вон выходящего в том, что подвыпившая компания уволокивает из кабака вовсе уж вырубившегося друга. Мы его привезли сюда, раздели догола и подняли по лестнице, к «завесе» подносили довольно медленно — чтобы в случае чего не набил шишку и носа не разбил... Командир, он п р о ш е л! Без малейшей задержки! Он лежал голый на балконе и мирно храпел, а мы чуть не плясали от радости... Я не думаю, что мы наткнулись на какого-то уникама. Вывод однозначный: совершенно голый человек на Нашу Сторону пройдет, как нож через подтаявшее масло. Конечно, надо проверить, как обстоит дело с пломбами в зубах и искусственными зубами — полагаю, в этом случае «завеса» не пропустит, поскольку — неорганика... У меня по этому случаю родилась версия... Точнее говоря, я укрепился во мнении, что «завесу», а то и сам проход м а с т е р и л и на Нашей Стороне. Ведь если подумать, «завеса» — идеальная защита от вторжения с Той Стороны, она не пропустит не то что пулю или снаряд, но и камешек из рогатки. Вздумай кто-то отсюда вторгнуться на Нашу Сторону, ему пришлось бы посылать ораву совершенно голых вояк с голыми руками — но у любого хватило бы ума этого не делать, ясно, что с такой «армадой вторжения» случилось бы на Нашей Стороне...

— Что-то в этом есть... — кивнул Сварог. — Дальше.

— Ну, а дальше у них началась долгая и азартная дискуссия — кого именно следует спасать из ученых. Сгоряча насчитали с полсотни кандидатов, но по размышлении остановились на дюжине. Вот тут слово взял Канцлер. И сказал: несмотря на все кажущиеся выгоды, он категорически не поддерживает идею забрать сюда тамошних ученых. Поскольку палка о двух концах. Невозможно предсказать, какие именно последствия вызовет их работа, идеи, не открытые нами самостоятельно, а занесенные извне. Возможно, одну пользу. А возможно, и неприкрытый вред — вполне может оказаться, что наши ученые, воспользовавшись чужими, заемными научными мозгами, пройдут мимо чего-то крайне важного, что уже не смогут вовремя заметить и открыть, увлеченные разработкой «заемных» знаний. Сначала они там взвились, словно уколотые шилом в известное место. Потом, когда гомон малость приутих, Марлок первым сказал: Канцлер может оказаться совершенно прав. Последствия внедрения в нашу науку «заемных» умов непредсказуемы. Они еще с полчаса дискутировали, мучили компьютеры, перекидывались вычислениями — но потом все же большинством голосов признали правоту Канцлера. Канцлер умеет убеждать...

— Да, есть у него такое обыкновение, — сказал Сварог. — Что же, из затеи с вашей спецкомандой ничего не вышло?

— То-то и оно, что вышло! Канцлер предложил другой вариант — спасти определенное количество людей искусства: в э т о м случае наше искусство — откровенно говоря, не такое уж развитое — нисколько не пострадает, а вот обогатиться кое-чем может. На сей раз обошлось без долгих дискуссий. «Ну, хоть так... — проворчал Марлок. — Хоть какая-то польза...» После консультаций с искусствоведами, привлеченными

в Проект, отобрали девять кандидатур — три художника (впрочем, мужчин только двое, третья — женщина), три скульптора, три композитора. Все — по-настоящему выдающиеся в своем деле. О восьмерых я услышал только на совещании, а вот Галета Сумбарата точнее, его музыку, п о д х в а т и л вскоре после того, как сюда попал. Вы, наверное, тоже ее знаете. «Осенняя рапсодия», «Корабли в гавани», «Очаровательная беда». К тому же он написал музыку к доброй половине песен Тарины Тареми.

— Ну как же, знаю, — сказал Сварог. — Все, что вы назвали — и еще многое крутят в Академии Боярышника... куда, хочу вас обрадовать, Канилла решила вас принять. Вот только насчет Тарины я не знал, я как-то не интересовался происхождением стихов и музыки ее песен...

— Кстати, вся музыка к концерту «Печальные рыцари» — его.

— Ну, такого человека безусловно нужно вытаскивать, — сказал Сварог. — Всех мы все равно не можем спасти, попробуем хотя бы нескольких... Ученые и творческие люди — те, кому хуже всего придется в века Хаоса. Да и их собратья появятся сотни лет спустя — насколько я помню, зачатки науки и искусства стали появляться лишь лет четыреста после Шторма...

— Вот именно. Правда, и з ъ я т ь нам предстоит не девять человек, а шестьдесят три. Сами понимаете: жены и дети, родители, кое у кого — по-настоящему любимые братья и сестры, их мужья или жены, дети. Было бы слишком жестоко забрать сюда самих творцов, а их родных и близких бросить там. Со статусом все определилось: учитывая особые обстоятельства, императрица распорядилась сделать их всех ларами со всеми вытекающими отсюда правами: маноры, титулы, долголетие, бытовая магия...

— Неплохо, — сказал Сварог. — А как насчет технической стороны дела?

— Все проработано в хорошем темпе. В день, предшествующий Шторму, наши группы всех аккуратненько возьмут, в бесчувственном состоянии привезут самолетами в Саваджо и, все так же не приводя в сознание, переправят на Нашу Сторону. Даже если случится какая-нибудь «засветка» и полиция что-то узнает, они не успеют ничего предпринять, у них попросту не будет времени. Это — базовая, так сказать, теория. А операции для каждого конкретного случая у нас будет время разработать — в спецгруппу мне выделили триста человек, люди Элкона проведут компьютерные расчеты... Командир...

— Да?

— Канцлер просил вам передать: он не будет возражать, если внесете в список Тарину Тареми. Что вы молчите? — Брагерт подался вперед и напористо продолжал: — Никак нельзя допустить, чтобы такая певица погибла в двадцать четыре года! А она непременно погибнет — расписание концертов, вообще жизни у нее составлено на несколько месяцев вперед, и секретом для репортеров не делается, наоборот. В день Шторма она будет на курорте в Кардотале. А Кардоталь провалится на морское дно вместе с базой «Старгар» и изрядным куском земли. Мы обязаны ее спасти, если есть такая возможность! Я...

Он замолчал так, словно спохватился и боится говорить лишнего. Глядя на его упрямое и отчаянное лицо, Сварог не сомневался: даже если не будет такого разрешения, Брагерт наплюет на все приказы и своей властью Тарину Тареми в ы т а щ и т...

— Бросьте, Брагерт, — усмехнулся Сварог. — Можно подумать, я против. Наоборот, я как раз собирался уговаривать Канцлера спасти и ее, и вдруг оказалось, что упрашивать не придется, все и так решено. Онемешь тут от радости... Значит, к нам п е р е е з ж а е т не только она, но и ее композитор... Вообще прекрасно.

Там тоже есть родные и близкие?

— Никого, что облегчает дело, — сказал Брагерт. — Отец с матерью лет пять назад погибли в авиакатастрофе, братьев и сестер нет, возлюбленного нет — так, минометные редкие любовники, она чертовски занятой человек. Значит, я выделяю для нее отдельную группу?

— Ну, разумеется, — сказал Сварог.

Он нисколько не сомневался, что Тарину Брагерт увезет на Нашу Сторону первой — учитывая, как он любит ее песни и украдкой вздыхает по ней самой. К тому же наверняка очередность составляет он сам...

— У вас есть еще что-то касательно здешних дел?

— Нет, — сказал Брагерт. — Все, что следовало, обговорили. Ну, а что касается Анеллы Сабиташ, мои люди уже там и работают. Я сам туда отправлюсь перед тем, как в Кардоталь полетите вы с Яной. Кажется, все о делах...

— Тысячу раз простите, но в таком случае я вас должен со всей деликатностью выставить, — сказал Сварог. — У меня еще одна срочная и чертовски деловая встреча, так что, сами понимаете...

— Конечно, командир, какие тут обиды! — Брагерт взмыл со стула, явно обрадованный тем, что прозвучало в конце разговора. А ведь точно, подумал Сварог, провожая его взглядом, — непременно пустился бы в своевольство, и понять его можно, я и сам готов был пуститься с его помощью, пойдя что-то не так. Тарину Тареми просто необходимо спасти. Сотни других талантов погибли — но мы ничего о них не знаем, а вот Тарину знаем отлично... Погибни она в Шторме — все равно что потерять кого-то близкого...

...Элкон вошел понурый, да что там, откровенно угрюмый. Выглядело все так, словно на рабочем месте, за пультами, он старательно держался изо всех сил, а теперь словно выдержнули некий стержень, на котором

все и держалось. Уселся, опять-таки стараясь не встречаться взглядом со Сварогом, ссутулившись, уронив руки меж колен. Положительно, тут что-то крепенько не так...

Сварог сказал мягко:

— Элкон, если уж решились со мной говорить о ваших сложностях, не тяните. Черт побери, вы офицер и спецслужбист, давно уже не мальчишка...

— Все верно, — тусклым голосом отозвался Элкон. — Я просто никогда не думал, что произойдет т а к о е... Душа пополам разрывается...

— Рассказывайте, — сказал Сварог уже с приказными нотками в голосе.

— У меня есть старший брат, работает в Магистериуме. Три дня назад он прилетел поздно вечером ко мне в манор... и принялся уговаривать немедленно подать в отставку и уйти из девятого стола. — Элкон наконец поднял на Сварога тоскующие глаза. — Знаете, он старше на одиннадцать лет, всегда видел во мне несмышленого малыша, даже теперь. В этом ключе и вел разговор, как я ни пытался ему объяснить, что давно уже не малыш. Изрекал с непререкаемым видом: ему, мол, лучше знать, я, сопляк, должен послушать умудренного житейским опытом старшего брата, желающего только добра... Как будто у меня теперь так уж мало жизненного опыта... Одно твердил: в отставку как можно быстрее, и прочь от девятого стола, как можно дальше от него держаться...

— Интересно, — тихо сказал Сварог. — Очень интересно... Вы ведь не могли не поинтересоваться, что его побудило сделать такое предложение... даже, я так понимаю, требование...

— Категорическое требование... Конечно, я спросил. Он отделался одними намеками, иногда, впрочем, довольно прозрачными. По его словам, в ближайшее время произойдут к р а й н е серьезные

перемены — и в системе управления, и в самом образе жизни. Не одна «значительная сейчас персона» утратит свой пост, слишком многое изменится и в Империи, и на земле. Девятый стол будет попросту распущен, и мне лучше держаться подальше от него. Ну, а я твердил одно: я давно уже не мальчишка, повидал кое-что в жизни и не собираюсь ничего предпринимать на основании одних лишь туманных намеков. Он ничего не прояснил, вел разговор в том же ключе — старшему брату, взрослому и опытному, виднее, он мне только добра желает... Он гнул свое, я — свое. В конце концов он дошел до белого каления. Прямо-таки взревел: «Пойми ты, идиот, молокосос! Может случиться так, что оставаться в девятом столе будет смертельно опасно!» Посоветовал мне как следует подумать, выбежал в ярости и улетел... Я и в самом деле долго думал, но вовсе не над его требованиями... Над тем, чем они могут быть вызваны... Командир, вы и не представляете, как мне было скверно. В каком-то смысле это означает предавать родного брата. С другой стороны... — В его страдальческом взгляде полыхнула упрямая решимость. — Черт побери, я ведь гвардейский офицер и сотрудник девятого стола! Всем, чего я достиг в жизни, обязан вам, но дело тут не в одной личной преданности. Речь ведь явно идет о государственных интересах — и в этом нет никакой высокопарности... Это ведь не просто Агора, да? Это... это заговор?

— От вас, Элкон, у меня секретов нет, — сказал Сварог. — Как от любого из Бравой Компании. К тому же никто меня не обязывал хранить это в тайне от с в о и х... Заговор. И серьезнейший. Если кратко, если брать требования у м е р е н н о г о крыла... Задумка такая: полностью отстранить от всех дел меня и Канцлера, еще нескольких человек из армейского и гражданского руководства, разогнать девятый

стол, заставить меня отречься от всех земных престолов, передать Хелльстад для вдумчивого изучения Магистериуму, свернуть на земле все реформы, запретить самолеты и прочую технику... одним словом, вернуться к заветам далеких предков, когда Империя во многом напоминала музыкальный ящик с марионетками, а на земле тормозился любой прогресс. Вот такие дела...

Элкон выразил свое мнение кратко, но смачно, теми самыми словами, каких мог нахвататься только от гвардейцев во время горротского похода.

— Совершенно с вами согласен, — сказал Сварог. — Эти планы и эти люди именно такого определения заслуживают, вот только эмоциям предаваться не стоит. Я вам озвучил намерения умеренной части заговорщиков. А там есть еще, мы точно знаем, и радикальное крыло. Эти намерены пойти гораздо дальше. Меня, императрицу и Канцлера предполагается попросту убить... и не только нас троих. Судя по заключительной реплике вашего брата, он, даже если и не принадлежит к «радикалам», об их планах хорошо осведомлен. Подозреваю, в их списке на устранение есть и вы. Несмотря на молодость, вы занимаете довольно серьезные посты... и уж безусловно в случае каких-то серьезных... событий не стали бы сидеть сложа руки, как и вся Бравая Компания.

— Да я бы зубами грыз...

— Зубами — не следует, — серьезно сказал Сварог. — Это примитивно и нерационально.

— Я в переносном смысле... Что же, да же т а к?

— Даже так, — кивнул Сварог. — Вы бы обо всем все равно узнали, разве что чуть попозже — вы в списке тех, кто будет организовывать противодействие. Имеете что-нибудь против?

— Я гвардейский офицер, — упрямо повторил Элкон.

— Планы ответных мер будут разрабатываться в самом скором времени, как только мы с императрицей вернемся на Нашу Сторону. Так что соберитесь и будьте готовы. Угроза, серьезнейшая, Элкон. Какой только сволочи туда ни сползлось... Остатки «Черной благодати» и «Черной радуги», убийцы императорской четы... Да, вот именно, Элкон. Я вам выдаю одну из важнейших государственных тайн, но верю, что дальше вас это не пойдет. Есть серьезнейшие основания полагать, что отец Яны был отравлен, а ее мать не погибла в результате несчастного случая на охоте, а была убита. Теперь кое-кто хочет убить и Яну, и еще немало людей... Вы и теперь думаете, что, рассказав мне все, предаете брата?

На лице Элкона не отражалось ни малейшего «боления чувств». Он выпрямился в кресле и отчеканил:

— Я перестал так думать еще до того, как пришел к вам. Я в вашем распоряжении, командир.

Сварог не в первый раз подумал с оттенком законной гордости — а ведь сумел воспитать настоящих людей из сопляков и соплячек, выросших в роскоши, какую только в состоянии обеспечить Империя...

Глава V

ЗДЕСЬ БЕЗ СТУКА ВХОДЯТ ГОСТИ...

Солнышко припекало беззаботно, окружающий мир был свеж, ясен и чист. Увы, не для всех...

Сварог с Яной сидели в припаркованной в разрешенном месте открытой серо-перламутровой машине, легальнейшим образом взятой напрокат. Сварог, вольно раскинувшись на сиденье, время от времени поглядывал в зеркало заднего вида, в котором отлично просматривался парадный подъезд четырехэтажного жилого дома, по архитектуре судя, построенного еще во времена, когда Дорлиорн был монархией, или, быть может, это была хорошая имитация.

Неподалеку имела место мирная и где-то даже умилительная картинка: три девочки в скромных светлых платьях и три столь же неброско одетых мальчика с увлечением слушали пожилого седовласого человека, показывавшего им на красивый особняк из розового кирпича с башенками, высокими крышами и затейливыми водосточными трубами (вот это уж несомненная

старина трехсотлетней давности, во все туристические справочники внесен — и давно старательно запечатлен на видео людьми из Проекта).

Благостная была картинка: учитель привез группу школьников осматривать исторические достопримечательности, коими старинный город богат. Вообще-то это действительно в некотором смысле были школьники, не так давно прошедшие полный курс обучения, — вот только некоторых их знали как «абертанских школяров», а их учителя — как преподавателя в означенном учебном заведении, неоднократно призера закрытых для внешнего мира чемпионатов по кое-каким жутковатым разновидностям рукопашки... Сварог постарался п р и к р ы т ь Яну максимально, пусть даже пока угроз со стороны о б ы ч н о г о внешнего мира не просматривалось ни малейших. Да и со стороны н е о б ы ч н о г о тоже — Яна с утра, когда они сюда прилетели, и до полудня так и не почувствовала присутствия создания, которое для простоты (надо же его как-то называть?) окрестили «Тварью из Саваджо». Быть может, они появлялись только с темнотой. Быть может — просто отлично было бы — здесь они не водились. По крайней мере, за то время, что они ездили по городу (с чисто туристическими целями, нужно же было как-то убить время), Сварог не заметил ни одной машины с желтыми мигалками. А вот в Саваджо вечером, совсем недавно, он наконец-то узрел одну воочию — приличных размеров фургон темно-серого цвета, без всяких надписей, только с желтой полосой по борту и двумя желтыми мигалками над лобовым стеклом. Фургон казался полностью закрытым, без единого окошечка — но тот, кто не вчера родился и работает не в консерватории, прекрасно знает о существовании стекол с односторонней прозрачностью. Фургон неспешно ехал

по одной из главных улиц в темпе патрульной полицейской машины. Что характерно, никто на него не обращал ни малейшего внимания — следовательно, давно свыклись с привычной деталью городского пейзажа.

Ага!

— Яна, она появилась, — сказал Сварог спокойно.

Яна встрепенулась, уставилась в зеркало. По ступенькам высокого каменного крыльца вприпрыжку сбежала девушка в светло-синих кружевных брючках (дома моды уже пустили этот фасон в оборот) и белой легкой блузке, с серой сумкой на плече. Следом за ней поспешала, забавно болтая длинными ушами, серая в черную крапинку собака с коротким пышным хвостом, пребывавшим в непрерывном движении, словно у спаниеля на охоте.

Черноглазая светловолосая красавица, судя по пластике движений любившая и умевшая танцевать. Молодая художница Анелла Сабиташи, подруга — да что там, возлюбленная штандарт-навигатора Горонеро, загадочная Керуани...

Она безмятежно прошла в двух шагах от их машины, слегка помахивая объемистой, но явно не тяжелой сумкой. Форброн Дуфи — бедолага, не переживший предчувствия Шторма, — семенил, не отставая от нее ни на шаг. Куда это она? Ага, к автобусной остановке. И ее студия, и небольшая галерея, где она готовит выставку, довольно далеко отсюда, а город немаленький — но родители, купившие ей квартирку и студию, явно не расщедрились еще и на машину, пусть даже маленькую, а она сама пока что в деньгах не купалась — и, зная будущее наперед, что бы с ней ни произошло на Древних Дорогах, вряд ли будет купаться. Или нет? Или на Древних Дорогах, по которым Сварог наездил-то всего ничего, есть какие-то заведения, где деньги необходимы, — как и в мирах, откуда туда можно попасть? Вряд ли она

провела остаток жизни вечной побродяжкой по Древним Дорогам, гораздо вероятнее, осела (быть может, вместе с Горонеро) в одном из неизвестного множества миров, в которые можно пропасть этим путем. А Сварог еще ни разу не бывал в мире, где отсутствовали бы деньги. На ее месте он выбрал бы не просто спокойный и уютный мир — такой, где можно неплохо заработать на жизнь кистью живописца.

— Ну как? — с любопытством спросил он. — Ты что-нибудь почувствовала, когда она проходила?

— Как тебе сказать... — протянула Яна. — Погоди минутку. Вон Брагерт идет. Он тоже станет задавать вопросы, к чему повторять одно и то же два раза?

Действительно, с противоположной стороны показался Брагерт.

Вот уж кому ни капельки не приходилось притворяться, изображая пижона и шалопая, — он в изрядной степени таким и был (что ничуть не шло в ущерб его деловым качествам и служебным обязанностям). Белоснежный костюм по самой последней моде, лихо сбитая на затылок белая шляпа с красной, конечно же, лентой, на лацкане, как и полагается пляжному повесе, красуется золотая цепочка, свисающая тремя петлями, в рамках приличий провожает взглядом молодых красоток в коротких юбках, иногда прикладывая к левой щеке два пальца — еще один дозволенный этикетом жест, выражающий восхищение данной красавицей (согласно тому же этикету, девушки проходили мимо, задрав носик и притворяясь, будто ничего подобного не замечают. Хотя на уличное знакомство пошли бы многие из них, будь оно обставлено опять-таки согласно правилам высокого политеса).

Сварог вдруг подумал: а ведь Брагерту будет чертовски не хватать Той Стороны, когда все кончится. Сам он ничего подобного не испытывал бы — его чуточку угнетала не то чтобы неотвязная, но часто приходив-

шая на ум мысль: они уже все мертвые, эти беззаботные люди вокруг, и те, кто погибнет при Шторме, и те, кто его переживет. Яна тоже испытывала нечто подобное, даже сказала как-то: «Оказывается, путешествие в прошлое — не такая уж приятная штука. Частенько думаешь: они же все мертвые...»

Брагерт распахнул дверцу, уселся на заднее сиденье. И, конечно, тут же спросил:

— Вы что-нибудь почувствовали, ваше величество, когда она проходила?

— Сложно описать... — задумчиво сказала Яна. — Как бы подобрать слова... Словно легонькое дуновение ветерка, причем пахнущего чем-то приятным — лесные ягоды, душистое мыло... Ни следа черной магии. Она чуточку иная, нежели обычные люди. Вот и все, что я могу сказать, она прошла слишком быстро. Быть может, удастся п о н я т ь больше, когда я с ней пообщаюсь поближе и подольше...

— Послушай, — сказал Сварог озабоченно. — А если она тоже тебя п р о с в е т и т и поймет, что с тобой не все просто?

— Очень сомневаюсь, — сказала Яна. — Мы совершенно ничего не знаем о Керуани, но в одном можем быть уверены — они появились гораздо позже Древнего Ветра, а значит, Дор Террах их сильнее. И мою защиту она не преодолет. Но даже если и преодолела бы, не было бы ничего страшного — она просто-напросто увидела бы еще одного человека, обладающего Древним Ветром. Они здесь не на каждом шагу попадают, но, в отличие от нашего мира, все же в некотором количестве присутствуют. Не менее десяти я засекала в Саваджо, да и здесь ощутила двух. В любом случае, она с л а б е е меня, уж это-то я успела определить. В связи с этим родилась чуточку авантюрная мысль, но я ее пока что придержу при себе... Что у вас, Брагерт?

— Обыскать ее квартиру в ее отсутствие было бы нетрудно, но я решил этого не делать, — сказал Брагерт тоном, ничуть не гармонировавшим с обликом пижона и шалопая. — Во-первых, вряд ли она держит дома что-то и н т е р е с н о е, а во-вторых, не будем исключать, владеет каким-то умением вмиг определить, что в ее квартире побывали незваные гости... Мы ограничились тем, что еще вчера повесили ей на телефон «клопика» — здешнего, какой можно свободно купить в магазине. Не похоже, чтобы она его п о ч у я л а, — вчера вечером, когда договаривалась с м и л е н к о м о сегодняшнем свидании, изъяснялась достаточно фривольно, так, как никогда не стала бы, знай она о подслушке. В общем, расписание у нее на сегодня таково: часов до двух она будет в галерее, как вот уже три дня, станет руководить развешиванием картин. Она немного волнуется — это ее первая персональная выставка, пусть и в галерее не самого высокого полета. А девочка талантливая, безусловно. Вы ведь видели ее картины? Ну вот... Потом она вернется домой, чуточку отдохнет и, как она выразилась, «наведет шик». В восемь у них свидание в «Рыцарском погребке». Ресторан четвертой, высшей категории, ей самой не по кошельку, но морские офицеры — люди щедрые, особенно когда влюблены. А тут у нас именно любовь, это еще из ее письма ясно было... В общем, я сходил на сайт ресторана и забронировал для вас столик, откуда вы сможете хорошо их видеть. Я правильно поступил?

— Совершенно правильно, — сказала Яна. — В конце концов, мы сюда прилетели исключительно затем, чтобы понаблюдать за ней... правда, я прикинула, мы с лордом Сварогом сможем до вечера выкроить пару часов, чтобы сходить на пляж. Второй такой случай вряд ли подвернется — лучший курорт Дорлиорна,

больше наверняка мы сюда не приедем... Брагерт, я думаю, вы свою миссию выполнили, можете возвращаться в Саваджо. С Анелой ничего не произойдет — уж ее-то будущее мы знаем наперед. Собачку жалко, такая потешная...

— Значит, я в аэропорт?

— Конечно.

— Желаю удачи, — улыбнулся Брагерт, вылез из машины и неторопливо направился в ту сторону, откуда пришел.

Сварог якобы лениво огляделся. Анелла как раз садилась в громадный двухэтажный автобус, белый с золотистым. «Учитель» продолжал увлеченно рассказывать «школьникам» о памятнике старинной архитектуры.

— Какие будут распоряжения? — осведомился он тоном справного солдата — з д е ш н е й операцией заправляла Яна. — Поедем в галерею?

— Не сейчас, — произнесла Яна. — Она сказала, что в галерее будет часов до двух... Значит, нужно туда заявиться минут за двадцать до того, времени вполне хватит. А пока что у нас есть время, чтобы выпить кофе, а то и легонько пообедать где-нибудь...

— Что ты задумала? — спросил Сварог. — Ведь по твоей лукавой мордашке видно.

— Да ничего особенного, — сказала Яна. — Если я почувствую, что она и з р я д н о слабее меня, предложу подвезти ее до дома — мы якобы обосновались в отеле поблизости — а дома вдумчиво... проинтервьюирую. Чует моя душа, у нас не будет второго случая узнать что-то о Керуани...

— А это не риск? — осторожно спросил Сварог.

— Я же говорю: если буду совершенно уверена, что она н а с т о л ь к о слабее меня, что помимо своего желания согласится на и н т е р в ь ю и ничего потом не будет помнить. Совершенно. Я не меньше твоего

боюсь наломать дров в прошлом... Будь уверен, Дор Террах мне даст п о л н у ю гарантию удачи... или неудачи. Поехали?

— Остается всецело верить в Дор Террах... — проворчал Сварог, включая мотор.

К картинной галерее они, как и планировали, подъехали ровнехонько без двадцати два, и Сварог с радостью обнаружил возле нее обширную парковку с табличкой «Только для посетителей галереи». Она была пуста, если не считать светло-серого фургончика с большой черной надписью по борту «Дизайнерские работы Каланета». Поскольку они в некотором роде были как раз посетителями галереи, Сварог преспокойно остановил машину рядом с фургоном. Название галерея носила пышное — «Золотая кисть», но размерами была невелика, занимала половину первого этажа не особенно и большого четырехэтажного дома — располагавшегося пусть и не в самом убогом, но и не самом фешенебельном районе города. Одним словом, самое подходящее место для молодой начинающей художницы, не обремененной пока что ни всеобщим признанием, ни солидными деньгами (но, не случись Шторма, заверяли Сварога имперские искусствоведы в штатском, она непременно обрела бы и то, и другое).

Входная дверь, как и следовало ожидать, оказалась незапертой — но в коридоре дорогу им преградил мрачный тип в простецких брюках и синей блузе, ничуть не похожий ни на агента курортной полиции, ни на частного сыщика, — классический служитель при храмике одного из изящных искусств. Судя по роже, из тех, что рады малейшей возможности ненадолго обрести хоть капелюшечку власти. Пробурчал этак свысока:

— Закрыто на подготовку экспозиции...

— Я вижу, друг мой, вы прекрасно знакомы с соответствующей терминологией... — сказал Сварог чуть

капризным тоном скучающего богача. — Но так уж сложилось, что у нас есть пропуск, как раз на обзор подготовки к экспозиции...

И небрежно сунул церберу ассигнацию, наверняка превосходившую раза в два его месячное жалованье. Спросил, ухмыляясь:

— По-моему, пропуск настоящий?

— Оно, конечно, аутентик... — проворчал служитель, проворно упрятав сложенную вчетверо денежку в карман брюк. — Только если далеретта Анелла вас выпрет, я уж не виноват. С характером девушка...

— Да никто вас и виноватить не будет, о служитель высокого искусства... — усмехнулся Сварог.

Цербер укрылся в боковой двери, за которой Сварог успел увидеть небольшую комнатуху, и они с Яной беспрепятственно вошли в маленький зал на три окна. Работа там кипела — четверо в светло-серых комбинезонах с той же эмблемой, что наличествовала на борту фургончика, неторопливо, но старательно развешивали картины. Стоявшая к Сварогу с Яной спиной Анелла энергично руководила: повыше, пониже, левее, правее, выберите другой крючок, эту картину следует непременно разместить рядом с этой, но над ней... С душой трудилась девушка, сразу видно.

Сварог громко кашлянул. Анелла обернулась, сердито уставилась на них, нахмурившись, выпалила:

— Закрыто же! Как это вас пустили?

— Должно быть, служитель моментально в нас увидел подлинных ценителей искусства... — сказал Сварог с поклоном.

И в ход пошла тяжелая артиллерия: Яна, включив все свое обаяние (а возможно, и малую толику Древнего Ветра), выдвинулась вперед и с обезоруживающей улыбкой начала:

— Далеретта Анелла, тысячу раз простите за вторжение, но у нас просто не было другого выхода... Так случилось, что нам нужно улететь уже сегодня, а выставка, мы читали в газетах, откроется только завтра, и нам никак на нее не попасть. А меж тем мы с мужем знаем и ценим ваше творчество. Скажу откровенно: мы не великие знатоки, просто-напросто парочка богатеев, интересующихся живописью. По принципу «нравится — не нравится». В этом принципе ведь нет ничего плохого, верно? Ну вот не было у нас другого выхода... Более того, мы хотели бы купить несколько из представленных здесь — о, разумеется, не сейчас, после того, как выставка закроется, муж пришлет секретаря...

Анелла заметно смягчилась и смотрела уже вовсе не сердито. Именно такой реакции и следовало ожидать: будь она известной и богатой, как многие преуспевающие мэтры кисти, вполне возможно, выперла бы их безжалостно. Но в ее положении не швыряются богатыми меценатами, намеренными купить несколько картин. Да и комплименты ее творчеству (которые как раз отпускала Яна) не успели надоесть, и начинающим чертовски приятны...

— Ну хорошо, — сказала Анелла сговорчиво. — Смотрите сколько душе угодно, только не мешайте, пожалуйста, ладно? Я хочу сегодня все закончить, осталось совсем немного...

— О, разумеется, — заверила Яна.

Анелла вновь принялась энергично распоряжаться, а Сварог с Яной неторопливо расхаживали вдоль тех стен, что уже были заполнены полотнами. Старинный полуразрушенный замок, увитый ползучей зеленью, тихое лесное озерцо в чащобе, белоснежные облака в небе, портреты, пейзажи, рыжий конь, скачущий вдоль морского берега, Дуфи, лежащий на зеленой лужайке... ага, и Тогир Горонеро в бе-

лом, очевидно, летнем мундире на фоне моря с идущей вдалеке эскадрой военных кораблей (пожалуй, так нарисовать может только любящая женщина). Снова море под безоблачным небом, белые паруса на горизонте, старинный фрегат, идущий на всех парусах, — вообще, справедливо подметил кто-то из здешних рецензентов: «Морская тема в творчестве Анеллы Сабиташ играет большую роль». Картины Сварогу нравились, была в них некая неуловимая прелесть. Яна сказала чистую правду: он, как, впрочем, и она, знатоками живописи себя назвать никак не могли, относились к картинам именно что по принципу «нравится — не нравится», в котором и в самом деле нет ничего плохого, пусть над ним и посмеиваются высоколобые подлинные знатоки и ценители. Картины Анеллы Сварогу нравились. Он подумал, что безусловно следует послать завтра на выставку кого-нибудь из людей Братерта, чтобы прилежно все полотна заснял. Вряд ли Анелла их возьмет с собой, когда вскоре уйдет на Древние Дороги, так что они, несомненно, погибнут, нельзя допустить, чтобы от них не осталось ни следа...

Яна тихонечко шепнула ему на ухо:

— Никаких сомнений, она гораздо слабеет. И ей не под силу усмотреть нашу сущность. Я ее возьму без всякого труда.

— Уверена? — так же тихо спросил Сварог.

— Не будь абсолютно уверена, не говорила бы...

И они продолжали добросовестно осматривать картины — у иных то Сварог, то Яна задерживались надолго, мимо других проходили быстро. Когда минут в пять третьего рабочие все закончили, они как раз и успели все осмотреть.

Анелла, подойдя к ним, откинула со лба чуть влажную прядь светлых волос, выдохнула:

— Фух, наконец-то... У вас не найдется сигаретки?

Вид у нее был такой, словно она только что разгрузила самолично машину дров — ну, у творческих людей свои заморочки и волнения... Сварог протянул ей раскрытый портсигар, набитый сигаретами одной из лучших (и дорогуших) здешних марок — черный табак в сиреневой бумаге. Фильтр золотистого цвета. Портсигар Сварог преспокойно прихватил с собой с Нашей Стороны, обычный, конечно: на нем не было ни гербов, ни надписей, а золотыми портсигарами, усыпанными самоцветами, здешних толстосумов обоого пола не удивишь. Коли уж речь зашла о табаке, Сварог давненько использовал служебное положение в личных целях; несколько агентов сделали к о п и и дюжины сортов здешних сигарет и пары десятков алкогольных напитков. Он сам плохо представлял суть этих копий, но знал одно: они позволяют синтезаторам Империи производить все это в любом количестве. То же было проделано и с парой десятков неизвестных в Империи кушаний. Делу это не помешало нисколько, учитывая размах операции и число задействованных в Проекте агентов. В конце концов, это тоже подходило под категорию «сбор полезной информации» и должно было стать доступным каждому лару...

— Ого! — не без уважения сказала Анелла, взяв сигарету (Сварог галантно поднес ей зажигалку). — Вы какой-нибудь Линор?

Линор был здешним аналогом царя Креза с покинутой Сварогом Земли — легендарный король, согласно сказкам, обладавший прямо-таки несметными богатствами, и, в отличие от Креза, их не потерявший, наоборот, лишь приумноживший, и они в целости и сохранности достались наследнику — вот тот, паршивец и бездарный шалопай, изрядную часть наследства бездарно промотал на дорогих шлюх, чистокровных скакунов и дурацкие архитектурные проекты...

— Ну что вы, где там, — сказал Сварог. — Парочка металлургических заводов, торговые суда, авиакомпания... На жизнь не жалуюсь, но до Линора далеко...

Яна, снова включив свою самую обаятельную улыбку, поинтересовалась:

— Далеретта Анелла, если у вас нет срочных дел, не согласились бы вы с нами пообедать? Когда еще нам выпадет случай с вами непринужденно пообщаться? Скажем, в «Якорь и бушприте»?

По лицу Анеллы Сварог видел, что соблазн большой. «Якорь и бушприт» — ресторан морской кухни четвертого, высшего класса, молодой художнице, безусловно, не по кошельку, а морскую кухню она, судя по донесениям, любит, но вынуждена довольствоваться заведениями на порядок ниже, где нет такого разнообразия и кулинарных изысков, как в «Якорь».

— Пожалуй, — сказала Анелла после короткого раздумья. — Срочных дел у меня нет, вот только у меня собака здесь, а с собаками в ресторан не пускают...

— Пустяки, — заверил Сварог. — У меня здесь машина, в два счета отвезем вашу собачку к вам домой...

— Ну, тогда все удачно складывается... — сказала Анелла, явно воодушевленная предстоящим визитом в «Якорь».

Оказалось, Дуфи она оставила в той самой комнате служителя. Вот с ним сразу же возникли небольшие хлопоты. Сварог понятия не имел, на что еще способны собаки-форброна, кроме умения чувствовать большую беду (и, как явствовало из ненаписанного еще Анеллой письма, умиравшие, когда грядущая беда оказывалась вовсе уж жутким катаклизмом) — но Дуфи принял их появление определенно с т р а н н о в а т о. Враждебности он не проявлял, но сразу же стал держаться крайне настороженно — близко не подходил, смотрел как-то по-особенному, иногда чуть топорщил шерсть на загривке. В отличие от Анеллы он п р о с е к а л,

безусловно, истинную сущность и Сварога, и Яны. Ну что же, тема «Собаки и магия» достаточно обширна, она и сейчас присутствует на Таларе, чтобы далеко не ходить, достаточно вспомнить живущего и ныне ку-васа мэтра Анраха, обладающего кое-какими способностями...

Анелла это заметила — и Сварог перехватил брошенный на них украдкой то ли испытующий, то ли любопытный взгляд. Но нисколько не встревожилась, спокойно села на заднее сиденье рядом с Яной. Правда, Дуфи влез в машину далеко не так охотно, словно бы с недовольным видом — подчинился хозяйке, но определенно имел свое мнение касаясь неожиданных новых знакомых Анеллы. Что, в общем, не имело никакого значения: Яна успела шепнуть Сварогу, что и с песиком справится без особых усилий.

Она не собиралась затягивать — вскоре после того, как машина отъехала от галереи, Яна негромко сказала:

— Все в порядке, обошлось как нельзя лучше...

Сварог посмотрел в зеркало заднего вида: Анелла сидела, выпрямившись, с лицом не пустым или бессмысленным, но совершенно безучастным — взятая в плен, лишившаяся собственной воли и отрешенная от всего окружающего. Точно так же и Дуфи застыл в деревянной позе, напоминая скорее мастерски сделанное чучело собаки.

Никаких моральных терзаний Сварог не чувствовал — в конце концов, Анелле все, что они уже сделали и еще намеревались сделать, не принесет ни малейшего вреда...

Часа через три они с Яной, оставив машину на обширнейшей парковке, подошли к одной из четырех широченных высоких арок в низкой, человеку по пояс, ажурной ограде. Арки были снабжены красивыми вывесками: «Золотой пляж», «Морская синева»,

«Подводное царство», «Коралловые леса». Здесь посетителей мягко и ненавязчиво разделяли на четыре категории согласно толщине их кошелька — что подробно объяснялось во всех путеводителях и буклетах, так что турист заранее знал, что он может себе позволить, а куда соваться не стоит.

Сварог с Яной направились под арку «Коралловые леса», то бишь выбрали высшую ценовую категорию — ну кто бы, как неоднократно подчеркивалось, жалел здешние фантики? Если уж выпал случай пару часов поваляться на пляже, искупаться и чуточку позагорать, следует обеспечить максимальный комфорт...

Как и все прочие, они щеголяли в пляжных нарядах — расхаживать по городу в таком виде было бы нарушением приличий, а за арками именно так и ходили. Шорты с ручной вышивкой и яркие майки с надписями. Сварог к выпендрежу нисколько не стремился, щеголял в белых, вышитых сине-зелеными морскими рыбами шортах достаточно консервативной длины и синей майке с одинаковыми надписями на спине и на груди: «Жизнь удалась». Яна по присущему ей озорству и здесь не упустила случая, вульгарно выражаясь, оттянуться на всю катушку — ее алые, расшитые белыми силуэтами нагих женщин шортики были настольное мини, что выше и некуда, апельсинового цвета майка в обличку, на узеньких бретельках открывала половину груди. Надпись на груди гласила: «Всегда верна очередному другу», а на спине: «Засмотрелся? Одень взглядом!»

Впрочем, ее никак нельзя было назвать дерзкой эпатажницей — подавляющее число женщин именно в таких шортиках и ходили, а майки попадались с гораздо более смелыми вырезами и гораздо более фривольными надписями. Причем этой моды держались

не только молодые красотки и симпатичные стройные дамы средних лет, но и грузные расплывшиеся бабищи довольно пожилых годочков, что являло собой картину, мягко выражаясь, не особенно и эстетическую. Больше всего таких было, Сварог подметил, в «Коралловых лесах», именно они и здесь увешали себя драгоценностями елико возможно — ну конечно, постаревшие миллионерши, вовсе не склонные к скромности в нарядах и украшениях. Иных сопровождали смазливые, спортивного склада молодые люди — жиголо высокого полета, тут и гадать нечего. Правда, попадались и пожилые дамы совершенно иного облика — в консервативности пляжного наряда не уступавшие Сварогу, а сложением — иным молодым. Судя по осанке, это были аристократки из тех, кто после крушения здешней монархии сохранил кое-какие богатства и земли. Таких, как узнал Сварог еще давно из донесений, насчитывалось процентов тридцать — остальные, после почти бескровного свержения короля, уехавшего в изгнание на Сильвану, в ходе последующих конфискаций, то бишь масштабного передела сладких пряников, лишились и земель, и большей части денег, а самые невезучие, числом с дюжину — и голов...

Все было в порядке. Чтобы Анелла не выпала из жизни надолго (что непременно заметила бы, посмотрев на часы после возвращения ей свободы воли), Яна, благо умела это делать, справилась буквально за несколько минут — попросту извлекла из памяти девушки все необходимое, а потом внушила, что ничего подобного не было, они нормально доехали до дома, после чего Анелла повела Дуфи домой, а они остались ждать ее в машине. Чтобы как-то компенсировать Анелле пусть мелкие, но неудобства, бесцеремонное вторжение в ее жизнь и сознание, Сварог с Яной добросовестно отвезли ее в «Якорь и бушприт»

и накормили роскошным обедом с лучшими винами. Так что, расставаясь с ними, Анелла прямо-таки лучилась дружелюбием.

Правда, еще в квартире Анеллы, сразу после с е а н с а, Яна, полное впечатление, выглядела не на шутку разочарованной. Сказала, что подробно расскажет все на пляже — и Сварог терпеливо ждал, не так уж и исходя нетерпением, — в конце-то концов, Керуани всегда были тайной третьестепенной (возможно, еще из-за отсутствия всякой информации о них), к тому же сейчас мысли были заняты главным образом совершенно другим: как обеспечить своей партии победу на Агоре и разделаться с заговорщиками...

Небольшую сумку они оставили в камере хранения, вызвавшей у Сварога мимолетный п р о м е л ь к н о с т а л ь г и и: очень уж она напоминала камеры хранения железнодорожных вокзалов покинутой им Земли. Совершенно тот же принцип: кодовый замок с буквами и цифрами на внутренней и наружной сторонах дверец. Разве что здесь букв имелось две, цифр — четыре, и дизайн оказался гораздо роскошнее. Вдоль рядов прохаживались зоркоглазые субъекты в штатском, моментально отреагировавшие бы на попытку п о д о б р а т ь к о д.

Сварог поступил так не потому, что опасался пляжных воров, — преступность здесь была почти что нулевая. Причины лежали на поверхности: курорт принадлежал мощному концерну, владевшему целой сетью курортов, санаториев, туристических и экскурсионных маршрутов. Причем был самым доходным во всем этом немаленьком хозяйстве. Понятно, оберегая свою ручную дойную коровушку, хозяева заботились о здравии сей животинушки самым серьезным образом: курорт был набит не только агентами курортной полиции, но и гораздо более многочисленными частными сыщиками из принадлежащего концерну

агентства, немногим уступавшего в численности персоналу Департамента полиции. Сам город, впрочем, тоже. Как хвастливо гласила реклама, пьяный вдрызг турист может заснуть на мостовой с туго набитым бумажником в кармане, золотыми часами и прочими недешевыми атрибутами толстосумов, а проснувшись, обнаружить, что у него булавки не пропало. А красивая девушка могла в одном купальнике разгуливать за полночь по городским паркам, нисколько не опасаясь посягательств на ее добродетель или иных опасностей.

Как установили люди Элкона, реклама, вообще, нисколючко не врала. Примерно так и обстояло. Организованная преступность сюда не совалась (впрочем, имелись кое-какие косвенные намеки на то, что концерн одному из ее кланов как раз и принадлежит), а самостоятельных гастролеров, без которых нигде не обходится, вычисляли и вылавливали очень быстро (Сварог всерьез подозревал, в тех случаях, когда они попадали в лапы частных сыскарей, те управлялись своими методами, не тревожа полицию).

И все равно, он оставил в ячейке сумку с их удостоверениями СД и пистолетом в подмышечной кобуре, легальным образом купленным уже здесь (разрешение на оружие трудами людей Элкона было быстренько оформлено и забито в соответствующие полицейские компьютеры). Ну вот неуютно себя чувствовал здесь с голыми руками, и все тут! Пусть и располагал хелльстадской магией и был под защитой Яниного Древнего Ветра. То ли легонький бзик, то ли каприз — в общем, довольно безобидная прихоть, не таившая никаких осложнений или хлопот. Но все равно, оружие и документы следовало оставить на хранение — пока Сварог с Яной купались, содержимым их сумок могли поинтересоваться не воришки, а как раз курортные полицейские или частные сыщики — что они иногда, как выяснилось,

практиковали украдкой. Разрешение на пистолет и удостоверения грозного ведомства выполнены безукоризненно — но к чему давать посторонним лишнюю пищу для ума?

Сварог отдал одному из многочисленных пляжных служителей свой жетон, и тот проворно, с легким подбострастием проводил их к отведенному им на пляже, заранее забронированному кусочку жизненного пространства площадью примерно квадратных уардов в двадцать. Для людей с тугими кошельками здесь имелось все необходимое для красивой жизни: здоровенный зонт от солнца, покрывала и полотенца, набитый прохладительными напитками, хорошими винами и закусками холодильник, шкафчик с посудой, музыкальный центр, телевизор и даже небольшая палатка в тон зонту: полосатая, ало-синяя, где пары могли бы при желании уединиться (на глазах Сварога некоторые так и поступали, не привлекая ни малейшего внимания окружающих, — что поделать, нравы здесь такие). Вся эта благодать имела четко отмеченные границы — окружена была по периметру пластиковыми шариками на торчащих из песка стержнях (шарики той же расцветки, что зонт и палатка, для каждого «квадрата» своей).

По некоему стечению обстоятельств, два соседних с ними участка занимала та самая шестерка школьников и школьниц с благообразным наставником...

Сначала Сварог с Яной, раздевшись, отправились купаться и плавали долго, достигали густой линии ярко-красных буйков, протянувшейся примерно в лиге от берега. Пересекать ее, в отличие от иных сорвиголов, не стали — в подобных случаях сильная и бдительная спасательная служба просто-напросто посылала быстроходный катер, доставлявший нарушителей на берег, где им выписывали крупный штраф — конечно, с учетом категории пляжа, однако в «Коралловых

лесах» чувствительный и для кошелька толстосумов. О чем всех заранее предупреждали путеводители и буклеты.

Наплававшись, вернулись на пляж и немного погрелись под жарким солнышком. Перебравшись под зонт, накрыли дастархан — в чем помог входивший в комплект белый пластмассовый столик на коротеньких, в палец длиной, ножках. Выпили по бокальчику вина — вино здесь было легкое, слабенькое, судя по земному опыту Сварога, не крепче градусов семи. Более крепких напитков не полагалось — чтобы перебравшие субъекты обоего пола не утонули ненароком. Несмотря на все бдение спасательной службы, такое все же порой случалось, и каждый такой утопленник — плюха по репутации курорта...

— Ну, рассказывай, — сказал Сварог без особой настойчивости — он прекрасно помнил легкое разочарование на ее лице в квартире Анеллы.

И вскоре сам ощутил то же — крепнувшее тем больше, чем дольше она рассказывала...

Как случается порой с иными тайнами (как бывало и здесь на памяти Сварога), «загадка Керуани» оказалась едва ли не пустышкой. Не было никакого законспирированного сообщества сильных магов. И сильной магии не было — так, второстепенная, не способная принести реальной пользы. И единого сообщества не было. Всего-навсего несколько сотен индивидуумов обоего пола, обладавших некими реликтовыми способностями, недоступными обычным людям. Единственное утешение — магия исключительно белая. В остальном же... Часть этих практик сохранилась и поныне на Таларе, часть оказалась утраченной, и сожалеть об этом не стоило: ну скажите на милость, кому, кроме скучающих бездельников, так уж интересен метод игры в бильярд, где вместо кия используется некий магический по-

сыл? Или способность в самый сильный ливень сохранять вокруг себя сухое пространство уарда в три диаметром?

Умение предвидеть «чтением по облакам» грядущие как беды-несчастья, так и благоприятные события, умение, отправившись на рыбалку, приманивать окрестную рыбу к крючку, умение отгонять злых собак, унимать раскапризничавшихся детей... И так далее, и тому подобное... По большому счету — ненужные серьезным людям пустячки.

И — никакого сообщества. Некоторая часть Керуани все же объединялась в некие клубы, где в основном устраивали застолья, играли в магические игры вроде вышеописанного бильярда либо обменивались знаниями, что случалось очень редко, большинство умений и так были доступны почти всем. Гораздо больше людей, подобно Анелле, так и проводили жизнь, не общаясь с себе подобными, используя доступные умения исключительно для бытовых нужд, своих, а также родных и близких. Причем творчества это не касалось никак. Никакие умения, чтобы далеко не ходить за примерами, не могли прибавить Анелле искусства владеть кистью.

Единственная мало-мальски серьезная добыча — доступ на Древние Дороги. Непосредственно с того места, где человек в данный момент пребывал. Яна извлекла из памяти Анеллы то самое заклинание, что она привела в письме к Горонеро, — как оказалось, это было заклинание «на вход», но Яна разжилась и другим, «на выход».

И снова, если по большому счету... Пока что не видно никакой практической пользы. Не зря Древними Дорогами пренебрегал не только великий прагматик Канцлер, но и великий экспериментатор Марлок, да и сам Сварог побывал там пару раз исключительно, как пел бессмертный бард, «по жестокой необходимо-

сти». Анелла там бывала, как оказалось, исключительно ради развлечения, устраивая себе нечто вроде короткого отпуска, отдыха после напряженной работы. Теперь Сварог знал, что такое Мерцающая Корчма и Овраг, — но совершенно не представлял, к чему эти знания применить. Кстати, сама Анелла Древние Дороги, судя по всему, обширные, разветвленные пути, до сих пор освоила в ничтожно малой степени — особенно далеко не путешествовала да пару раз брала с собой Горонеро, умевшего хранить тайны (опять-таки в качестве такого приятного уик-энда).

Вполне возможно, умение влегкую проникать на Древние Дороги в неизвестном будущем могло оказаться и крайне полезным, случается такое с ненужными, казалось бы, знаниями. Но это еще бабушка надвое сказала...

— Вот так, — сказала, грустно усмехнувшись, Яна после того, как рассказала все. — Еще одна красивая тайна оказалась чуть ли не пустышкой — бывает... Печально чуточку. А тебе?

— Да, пожалуй что, тоже, — сказал Сварог. — Не на то рассчитывал, совсем не на то... Послушай-ка. Получается, нам нет никакой необходимости идти сегодня вечером в «Рыцарский погребок». Анеллу мы и без того сумели п о р а с с р о с и т ь раньше, чем рассчитывали... точнее, ты сумела, я-то тут сбоку припека, шофер и прислуга за все. Мы сюда прилетели исключительно ради нее. Может, улетим не в три часа ночи, а раньше, когда нам здесь надоест? Нам ведь остается одно: посматривать, как Анелла воркует со своим бравым морячком. А это, думается мне, совсем и не нужно. Пилоты просто-напросто запросят новый коридор полета, это много времени не займет.

— А смысл? — пожала Яна точеными плечами. — Я тоже сначала так подумала, а потом от этой идеи напроць отказалась. Если мы вылетим после пляжа, еще

в светлое время, дома окажемся посреди ночи — ни к селу, ни к городу. А вылетев в три ночи, по плану, дома будем утром, впереди — полноценный рабочий день. На Нашей Стороне, пока мы здесь, не случилось ничего тревожного — иначе нам давно сообщили бы. — Она лукаво прищурилась: — Так почему бы не использовать внезапно доставшееся свободное время на всю катушку? Отдохнуть по полной программе? Когда еще будет такой случай, тем более здесь. Едва мы вернемся, и на меня, и на тебя навалятся нешуточные хлопоты — Агора, заговор... Давай отвернем по полной, а? Вечер в «Рыцарском погребке», как мне представляется, — довольно приятный способ провести время. И к чему нам наблюдать за Анеллой? Пусть себе воркуют голубки... Что думаешь?

— Что ты, как частенько бывает, права совершеннойше, — не раздумывая ответил Сварог. — В самом деле, когда-то еще выпадет случай отдохнуть как следует, тем более здесь... Никаких больше дел...

— Ну, не так чтобы уж совсем... — подумав, сказала Яна. — Еще одно обстоятельство можно обсудить, пользуясь случаем... Касаемо «изъятий». Я не сомневаюсь — Тарину Тареми ты уже включил в список.

— Каюсь, — сказал Сварог. — Мы далеко не обо всех здешних талантах знаем, но уж о ней-то... Никак не должна погибнуть такая певица. — Он улыбнулся. — Знаешь, осталось впечатление: не окажись ее в списке, Брагерт бы ее вытащил собственным самовольством. По-моему, он в нее форменным образом влюблен. Вот и ладненько. Мы о ней знаем достаточно, чтобы судить не о певице, а о человеке: в общем, хорошая девушка, чертовски работоспособная, умная, не потаскушка, что, увы, со многими звездами случается. По-настоящему близкого человека, вроде Горонеро у Анеллы, нет. Даже для мужских журналов сниматься отказалась, хотя деньги обещали баснословные.

Чем опять-таки выгодно отличается от многих здешних звезд эстрады и кино. А Брагерту давно пора остепениться, жениться. Канилла ее в два счета примет в Академию Боярышника — не упустит она случая очередную несчастную душу опекать...

— Действительно, — кивнула Яна. — Брагерт в том, что касается женщин, остается далеко позади Орка, но все равно, повеса изрядный. Если наконец влюбился по-настоящему — это только к лучшему. Лишь бы Тарине пришлось по душе... Вот, кстати, о Горонеро. Я о нем и хотела поговорить. Как ты думаешь, стоит его включать в список на изъятие? Вообще-то он нам совершенно ни к чему...

— И даже более того, — сказал Сварог. — Его просто н е л ь з я трогать. Вот тут уж — нешуточный риск изменить историю. Что, если он все-таки у ш е л вслед за Анеллой? Сейчас у меня мало кто сомневается, что та странная дверная ручка в его чемодане — ключ к неким дверям в миры. Прямых доказательств у нас нет, но косвенных данных немало — и Грельфи придерживается той же точки зрения, а она человек дельный. Ручка, правда, так и осталась в чемодане, но у него хватило бы времени, чтобы воспользоваться заклинанием из письма Анеллы. Что-то о Древних Дорогах он знал, безусловно, от Анеллы, сам там бывал. Я обратил внимание: она ему ни в малейшей степени не растолковывала, что такое Мерцающая Корчма и Овраг, просто упомянула о них — значит, он и так знает...

— Вот и я того же мнения, — сказала Яна. — Что ж, не будем его трогать, пусть все идет, как идет...

— Еще есть какие-то дела? — спросил Сварог.

— Никаких, — с мимолетной улыбкой сказала Яна. — Остался только отдых.

— На всю катушку, — многозначительно сказал Сварог.

— Ты что имеешь в виду? — спросила Яна, глядя в небо и безмятежно улыбаясь.

— Если уж по полной... — сказал Сварог. Медленно и ласково провел указательным пальцем по ее ключице. — Пойдем в палатку, а?

Яна, все так же с улыбкой глядя в чистое, безоблачное небо, ответила:

— Пойдем...

И они ушли в палатку.

...Ко входу в «Рыцарский погребок» таксист их привез ровно в восемь. Это и в самом деле оказался не просто погребок, а огромный погреб старинного здания, разделенный на несколько обширных залов со сводчатыми потолками, колоннами из грубого неотесанного камня и небольшими окошечками под самым потолком. Обставлено все оказалось в духе местного средневековья, имевшего немало общего с соответствующим периодом в истории Талара: полные комплекты рыцарских доспехов по углам, старинное оружие на стенах, крайне примитивно исполненные гобелены из тех времен, когда художники не набрали еще мастерства, столы и стулья выглядят грубовато сколоченными из неструганных досок (но кресла при ближайшем с ними знакомстве оказались легкой пластмассовой имитацией, не доставлявшей хлопот субтильным дамам). Посуда была не синтетическая, а из натуральной глины, сделанная опять-таки крайне грубо, как и ложки-вилки, откованные, полное впечатление, на заре цивилизации. Многие мясные блюда приносили на вертелах, а вместо рюмок и бокалов стояли глиняные стаканы разной вместимости. Завершая логическую цепочку, метрдотели и официанты щеголяли в старинных одеждах.

Братерг постарался на славу: меж двумя соседними столиками оказался довольно широкий промежуток, и стоявший за ними стол Анеллы и Горонеро был виден

как на ладони. Любуясь — не хочу. Правда, Сварог с Яной наблюдали за парочкой менее минуты и больше на них не смотрели — как-то неудобно было подсматривать за влюбленными без малейших деловых интересов. Они держались так, словно не видели и не слышали ничего вокруг, всецело поглощенные друг другом.

До объятий и поцелуев, разумеется, в крайне респектабельном ресторане не дошло, но прочего было в избытке — то они держатся за руки, то Анелла надолго удерживает ладонь моряка на своей щеке... Словом, весь арсенал допустимых в таких случаях вольностей. Окружающим все было настолько ясно (Анелла и ее кавалер оказались не единственной парой в зале, ведущей себя подобным образом), что Анеллу даже не приглашали танцевать, заранее не сомневаясь, что она откажет, мимолетно отмахнется. Зато сами они не пропускали ни одного танца.

Разумеется, никаких маечек-шортиков — если бесшабашным головушкам вздумалось явиться сюда в пляжном наряде (Сварог собственным глазами видел такое дважды), их вежливо, но непреклонно заворачивали два швейцара. Одна парочка ушла беспрекословно, кавалер другой девицы в дурной манере персонажа, привыкшего, что он всех продаст и купит, а потом опять продаст, но уже дороже, вздумал было качать права, гнуть пальцы, хорохориться и ерепениться — но с двух сторон с наработанной сноровкой выдвинулись четверо детей, у которых накачанные мускулы едва не рвали старинные кафтаны, — и амбициозный субъект, недовольно кривя рожу, все же удалился с подругой.

Единственное, что с превеликой натяжкой могло сойти за деловую информацию, — внешность Горонеро, оказавшегося лет на несколько моложе, всего-то тридцать с небольшим. На фотографиях он выглядел старше. Ничего удивительного, объектив частенько одних чуточку молодит, а других чуточку старит.

Сварог с Яной миновали здешних церберов без малейшей заминки: он надел достаточно строгий костюм, а Яна щеголяла в вечернем платье из тончайшего бархата вишневого цвета — с относительно строгим вырезом, но обнаженной спиной и разрезом слева чуть ли не до талии. Здешняя высокая мода, конечно — Сварог вообще не заметил здесь коротких платьев, бомонд их в данном конкретном случае отвергал.

Поскольку женщина есть женщина, Яна в расчете именно на такое времяпровождение прихватила с Нашей Стороны пригоршню драгоценностей — не хелльстадских, чтобы не дразнить здешних дам вовсе уж крупными самоцветами, но достаточно, чтобы ее с первого взгляда причислили к сливкам общества. На иных дамочках (главным образом пожилых) золота и камней было навешано и побольше.

Яна веселилась по полной, не пропуская сначала ни одного танца — Канилла принесла на Нашу Сторону с дюжину самых модных здешних танцев, сначала вручила добычу Академии Боярышника, а потом ввела в обиход и в Империи (за каковые достижения по поводу мод и танцев неожиданно удостоилась звания Золотой Мастерницы Имперского Клуба Высокой Моды — что в переводе на научные чины соответствовало званию академика. Особой гордости по этому поводу она не проявляла, умная девушка — но прилагавшийся к званию золотой нагрудный знак всегда надевала в тех случаях, когда следовало быть при всех наградах. Вообще-то основания для законной гордости имелись — она там оказалась единственным молодым «академиком», прочие Золотые Мастера и Мастерницы в большинстве своем были народом весьма пожилым).

Три раза она уходила на танцы быстрые, где четкой разбивки на пары не было. Три раза, всякий раз опережая конкурентов, ее приглашал на «медляки» один и тот же тип из-за соседнего столика. Сварог ни разу не

возразил — пылать злобой в таких случаях способен лишь патологический ревнивец, ничего страшного, если твоя девушка потанцует с незнакомцами в приличном месте — в особенности если ты сам так и не нашел за делами времени, чтобы эти танцы освоить.

Вообще-то тип был непонятный: рослый брюнет с усиками стрелочкой, этакий уверенный в себе мачо. Одет безукоризненно, в меру экипирован мужским золотом: узор из золотой цепочки на лацкане, два перстня с немаленькими камнями, серьга в левом ухе, массивный браслет на запястье левой руки. Типичный набор истинного дорита (словечко это здесь соответствовало понятию «джентльмен»). Любое украшение сверх этого набора автоматически превращало дорита в скоробогача-выскочку.

Мог оказаться и молодым преуспевающим дельцом или наследником богатого папочки «из благородных», а мог и... Жиголо и альфонсы высокого полета (из тех, что, самоотверженно загнав эмоции глубоко в подсознание, обслуживают не просто пожилых, а богатых старух) как раз и любят рядиться под доритов — таким и цена выше.

Но это, в общем, никакого значения не имело, потому что недвусмысленно прилипший к Яне персонаж держался строго в рамках светских приличий: точно определялся с границами талии, к себе не прижимал и прочих вольностей не допускал. Судя по кокетливо-игривому личику Яны и ее ответам (разговора их Сварог не слышал, были слишком далеко), красавчик и в разговорах держался в рамках, иначе Яна давно быотреагировала совершенно иначе. В подобных заведениях для бомонда считается совершенно обычным, когда дама залепит звонкую пощечину, сделай кавалер хоть шажок за рамки приличий, все равно, посредством ли языка или верхних конечностей. Тот же этикет предписывал получившему затрещину немедленно покинуть зал.

Оставаясь за столиком в одиночестве, Сварог нисколько не скучал, ему хватало своих развлечений — уплетал за обе щеки здешние яства, особое внимание уделяя зажаренному на вертеле поросенку и тушеным грибам, не забывая сдабривать эту благодать чарочками выдержанного батьяна (как здесь именовался напиток, известный на Таларе как келимас, а на Земле как коньяк).

Очередной танец закончился, усатый красавчик галантно проводил Яну до столика, поклонился и удалился к своей компании — трем типам, выглядевшим, одетым и украшенным примерно так же.

— Слушай, если он подойдет еще раз, отправь во свояси, — сказала чуть покрасневшая Яна, наполняя свою глиняную стопку батьяном десятилетней выдержки. — Я уже наплясалась вдоволь, да и неловко как-то тебя бросать одного...

— Ну, я вовсе не скучаю, есть чем заняться, — усмехнулся Сварог и, прикинув свои возможности, вновь подступил с ножом и вилкой к пороссящему бочку. — О чем вы так прилежно ворковали? Боже упаси, ни капли ревности, мне просто интересно...

— Ой, стандартный набор... — смешливо взглянула Яна. — Деликатно выяснял, в каких я с тобой отношениях, еще деликатнее интересовался, насколько отношения эти ограничивают мою свободу, насколько я этим ограничениям подвержена, и не возникает ли желания как-нибудь нарушить... Все это перемежалось цветистыми комплиментами. В общем, на каталаунских танцульках это именуется «парень снимает девку». Суть та же, только декорации другие. Увы, увыв... Я ему не подала ни малейшей надежды, не дала ни адреса, ни телефона, ну, разве что здешнее имя сказала. Фамилии не сказала. Он, кстати, тоже, а имечко ему — Тарлет. Знаешь, что самое интересное? Он мне вкручивал, будто он — стремительно идущий в гору владелец судостроительных верфей — только все врет. Древний Ветер, сам знаешь,

мысли читать не позволяет, но правду от лжи отличаю безошибочно, это сродни известному умению ларов... которое здесь не работает. Врет, как нанятой. Кто угодно, только не предприниматель, не коммерсант. Хотя держится, как истинный дорит.

— Ну, мало ли... — хмыкнул Сварог. — Как истинный дорит может держаться и жиголо высшего класса, и бандит высокого полета, да мало ли кто, вплоть до скромного клерка, который весь год копит деньги, чтобы недельку отдохнуть в таком вот месте, изображая значительную персону...

Как и следовало ожидать, едва зазвучал очередной «медляк», уса́тый Непонятно Кто первым объявился у их столика. Яна мотнула головой, а Сварог со всем решпектом прокомментировал:

— Дама больше не танцует.

Красавчик, как истинному дориту и полагалось, принял это скорбное известие со всем политесом, откланялся и ушел. Сварог подметил, что на Яну он больше не смотрел, определенно поставив крест и на определенного рода замыслах.

— А вот теперь я как следует поем и выпью, — сообщила Яна. — А то в промежутках между танцами толком и не удавалось. Ты молодец, что не всего поросенка слопал.

— Я тебе честно оставил ровно половину, — сказал Сварог. — Знаю же, как ты их любишь, в Каталауне прирастилась...

— Выглядит, конечно, аппетитно, — сказала Яна, ловко лишив свою половину поросенка задней ножки. — Только бьюсь об заклад: гораздо вкуснее каталаунские дикие кабанята, жаренные на углях, а перед тем вымоченные в ежевичной настойке. Надо как-нибудь тебя свозить в ту деревню, где их лучше всего готовят. Как только разделаемся с Агорой и сопровождающим... Ладно, сегодня — больше ни слова о делах.

Действительно, больше о делах не прозвучало ни словечка. Один раз Сварог даже пошел с ней танцевать, решив, что с этой самой несложной разновидностью «медляка» он как-нибудь справится. И справился, ни разу не наступив Яне на ногу.

Уехали в двенадцатом часу ночи — и посидели достаточно, и помнили, что перед отлетом предстоит еще, деликатно выражаясь, культурная программа, которой оба хотели. В машине целовались — что нисколечко не должно было удивить таксиста, наверняка повидавшего на своем веку несчетное множество таких парочек.

В отеле они на сей раз останавливаться не стали — в тех же рамках отдыха на всю катушку сняли небольшой красивый домик, стоявший на участке, по меркам Земли, соток в двадцать. Вокруг домика — цветущий кустарник и даже несколько деревьев, окружено все это невысокой ажурной оградой. Целый поселок таких вот домиков опять-таки принадлежал к четвертой категории — а в соседнем, снова по какому-то стечению обстоятельств, разместились школяры с наставником. Достаточно при серьезной опасности нажать кнопку, то есть один из камней на его мужском браслете, чтобы завертелась такая панихида, с танцами...

Сварог выставил на низкий столик бутылку кофейного ликера, к которому оба давно пристрастились, закуску, крайне скудную — после обильного ужина в «Погребке» тянуло лишь на чисто символическую.

Решив, что такого дастархана достаточно, сел в кресло, закурил и включил Тарину Тареми.

*— Деревя вы мои, дерева,
что вам головы гнуть-горевать,
до беды, до поры
шумны ваши шатры,
терема, терема, терема...*

*Мне бы броситься в ваши леса,
убежать от судьбы колеса,
где внутри ваших крон
все малиновый звон,
голоса, голоса, голоса...*

Расслабился блаженнейшим образом, свободный на несколько часов от забот и дел, хлопот и потока донесений, требующих немедленного ответа или действий.

*— Ах вы, рощи мои, дерева,
не срубили бы вас на дрова,
не чернели бы пни,
как прошедшие дни,
дерева вы мои, дерева...*

К его некоторому удивлению, ушедшая переодеться в спальню Яна вернулась не в обычном халатике, а в тех самых шортиках и маечке, в которых щеголяла на курорте. Видимо, немой вопрос в его взгляде был слишком явным — Яна улыбнулась:

— Когда еще будет случай побыть в таком вот наряде? — и добавила с невиннейшим видом: — К тому же, я так полагаю, э т о тебе с меня снимать будет гораздо интереснее, чем вечерний балахон...

— Уж это точно, — сказал Сварог. — Дает свободу маневра, и...

Мелодично мяукнул звонок у двери. Странно, никаких гостей не ждали — откуда им взяться? Брагерт предупредил бы о неожиданном приезде, а представители закона звонят далеко не так деликатно...

Выйдя в небольшую прихожую и не зажигая там света, он посмотрел в выходящее на фасад окно. У калитки, прямо под уличным фонарем, стоял золотисто-синий фургончик «Экспресс-доставки»,

а на крыльце нетерпеливо топтался посыльный в форме тех же цветов, с соответствующей эмблемой на круглой шапочке.

Опасности не было ни на грош, и Сварог, отодвинув задвижку, распахнул дверь.

— Далет Рогон Септам? — нетерпеливо осведомился посыльный.

— Он самый, — сказал Сварог.

Яне он оставил те имя и фамилию, под которыми она всегда выступала в Саваджо, а вот свое пришлось изменить — здесь уже имелся один Тогир Горонеро, двое — уже перебор. Нынешнее имя выбрал не без юмора — здесь оно было столь же распространенным, как в США — Джон Смит, в СССР — Иван Иванов, а Венгрии — Имре Надь.

Документов посыльный у него не спросил: в заведениях четвертой категории это было бы неприличием, когда речь идет о житейских мелочах. Просто сказал с той же торопливостью человека, явно дорабатывающего вечернюю смену:

— Посылочка вам, расписаться нужно, далер...

И протянул квадратный толстый пакет, легкий на вид, перевязанный синей атласной лентой с пышным бантом, под которую был засунут конверт.

Сварог пожал плечами:

— Не ждал я вообще-то посылок... От кого?

— А я знаю? — еще энергичнее пожал плечами посыльный. — В контору приходил такой рыжий, веселый далер, сказал, это будет сюрприз... Тут на конверте написано...

Очередные штучки Брагерта, подумал Сварог весело. Посыльный держал пакет на уровне пояса, и Сварог наклонился, чтобы в неярком свете лампочки над входом прочитать надпись на конверте.

Удар ногой ниже пояса заставил его согнуться пополам, взвыть от жуткой боли — и тут же второй, по-

выше уха, помутил сознание. Словно в полусне, он почувствовал, как его хватают несколько рук, все еще скрюченного пополам, волокут в комнату, услышал, как захлопывается входная дверь, и кто-то рывкает:

— Стой спокойно, сучка, или приткнем обоих!

Его швырнули в кресло и проворно завозились, делая что-то с его руками. Когда боль наполовину схлынула и исчезла застилавшая глаза пелена, он увидел далеко не самую приятную картину: Яна медленно отступала к стене, изображая крайний испуг на лице, а на нее с ухмылочкой, поигрывая длинным блестящим стилетом, надвигался тот самый усатый мачо из «Рыцарского погребка». Рядом стояли еще двое — кажется, из той же компании, и кто-то сопел за креслом Сварога — скорее всего, мнимый посыльный.

Как ни странно, в первую очередь он почувствовал раздражение — опять всякое быдло... Пошевелился. И получил сзади подзатыльник с напутствием:

— Сиди смирно, как в королевской ложе, фраер дешевый...

Оказалось, его руки пониже локтей примотаны к поручням кресла толстенными мотками широкой прозрачной липкой ленты: прием нехитрый, но обездвиживающий не хуже веревок. Все понятно, подумал он, прогоняя остатки боли одним из хелльстадских заклинаний, произнесенных мысленно. Судя по рожам и тому, что уже произошло, — коллеги Удава по ремеслу. Черт, но ведь заверяли, что т а к о г о здесь не бывает...

Усатый мельком оглянулся на него (они с Яной оказались в профиль к Сварогу):

— Больно, суслик? Ну не все же время там изящным женским пальчикам озорничать, может и ботинок прилететь... Потерпи. Пройдет.

Повернулся к Яне, уже успев вплотную притиснуть ее к стене, приложил к щеке длинное лезвие стилета:

— Детка, ты же не хочешь, чтобы тебе личико порезали? Тогда стой смирно, как статуя в музее...

Яна играла великолепно: уставилась на него снизу вверх невероятно испуганно, прямо-таки в ужасе, губы дрожали, на глаза навернулась пара слезинок. Пролетала:

— Не надо, пожалуйста...

— Как будет угодно даме, — усмехнулся усатый. — Ты, главное, не дергайся, и все будет, как в лучших домах, — убрал стилет в ножны под пиджаком, положил ей руки на плечи, прижав к стене, громко прочитал надпись на ее майке: — Всегда верна очередному другу... Похвальное качество, детка. Могу тебя обрадовать: поскольку твой очередной друг — это, точно, я, верность тебе хранить всего ничего, часика два...

Остальные жизнерадостно заржали, в том числе и тип за спиной Сварога. Усатый одним резким рывком поднял майку Яны до горла, принялся оглаживать грудь умело и неторопливо. Яна уставилась в потолок, явственно всхлипнула.

— Ну-ну, без соплей, — сказал усатый. — Ничего страшного с тобой не будет... и ничего нового. Такие девочки должны быть общественным достоянием, а не принадлежать какому-то одному эгоисту... Радость моя, слушай расклад: мы сейчас пойдем в спальню и пару часиков побалуем по полной программе. ...Можешь не беспокоиться: резинка будет. Вот попке она ни к чему... Если будешь послушной, мной и ограничится. Начнешь барахтаться или во все кусаться и царапаться — пропустят все. А потом заберем с собой. Есть возможность тебя переправить в уютный тихий бордель, откуда ты уже не выйдешь. При таком раскладе твоего дружка, конечно, придется пристукнуть, чтобы не наболтал лишнего дядькам в форме... Ну, ты можешь соображать в темпе? Решай давай.

— Вы правду говорите? — задыхающимся голосом спросила Яна. — Что — вы один? И уйдете потом?

— Святую правду, крошка.

— Хорошо...

— Ну вот и умница. Стой спокойненько, а мальчик тебя для начала немного погладит... — Он чуть отступил, расстегнул ремень, пару верхних пуговиц, грубо схватил Яну за кисть и запихнул ее ладонь к себе в брюки. — Изучи-ка как следует... Ну?

Ни малейшей тревоги Сварог не испытывал — в любой миг могла повториться финальная сцена инцидента в таверне «Рог единорога». Злости, в общем, тоже — происходящее можно было назвать издержками производства, досадным промахом, который легко поправить. Ему просто-напросто чертовски хотелось побеседовать один на один с этим скотом в ближайшем темном переулке — и непременно с голыми руками, без всякого оружия...

— Ну, как тебе?

— Впечатляет... — почти прошептала Яна со слезами на глазах.

— Не тебя первую, не тебя последнюю... Посолиднее будет, чем у твоего фраерка, а? — Он расстегнул на Яне шортики, запустил туда руку, досадливо поморщился. — Что ж ты ножки так сжала, глупая... ничего, в спальне раздвинешь. А пока... — Он мельком посмотрел на Сварога. — Прелюдию сыграем прямо здесь, пусть посмотрит. Очень хочется мне этого барана легонько наказать. За то, что сидел в кабаке как пуп земли и с хозяйским видом цедил: «Дама больше не танцует». Ничего, станцует... — Он отступил на шаг, стал расстегивать последние пуговицы на брюках. — Ну, становись на коленки, сладкая. В жизни не поверю, что такую красоточку мужики не научили в рот брать. — и выпростал свое немаленькое хозяйство. — Ну, давай на коленки, и ротик разевай, да выплевывать не вздумай...

Сварог громко произнес в пространство:

— А не пора ли кончать?

— Пора, — отозвалась Яна уже совершенно другим голосом. — Надоел, хам дешевый...

Ее очаровательное личико во мгновение ока стало собранным, жестким, волевым. В следующий миг троих словно прошел электрический разряд, и они замерли — двое как стояли, так и остались стоять, а усатый оказался в нелепой позе, так и держа обеими руками свое любострастное хозяйство. Сварог не видел, что произошло с четвертым у него за спиной, но не сомневался — то же самое, торчит истуканчиком. Вот так, ребятаки. Долго ли умеючи...

Яна преспокойно привела в порядок одежду, подошла к Сварогу, чиркнула указательным пальцем по моткам липкой ленты, на миг пахнуло сухим жаром, и они распались надвое, оставив лишь разрезы с опаленными краями. Сварог вырвал руки из раздавшихся в стороны толстых полуколец. Яна прыснула.

— Что смешного? — проворчал Сварог.

Проследил ее взгляд и сам не удержался от улыбки — очень уж потешно выглядел усатый главарь, так и застывший в крайне нелепой позе, по-прежнему держа обеими руками свое достоинство... Лицо у него было таким же тупым, лишенным всяких эмоций, как и физиономии остальных (за креслом Сварога, точно, стоял раженный посыльный).

Подойдя к главарю, Яна сказала без малейшей злобы:

— Ты бы убрал и застегнулся. Малоэстетичный из тебя с т а т у й, горе луковое...

Он произвел все необходимые манипуляции механическими движениями робота и застыл, подобно остальным, в позе стойкого оловянного солдатика. Сварога так и подмывало качественно заехать ему под глаз, но он сдержался — не по-мужски бить человека в таком состоянии — все равно что связанного пинать...

— Как выяснилось, ты и на здешних бандитов убойно действуешь, — фыркнул он.

— Я же не виновата, что я красивая, — сказала Яна.

Она ничуть не выглядела рассерженной — и правда, с чего бы вдруг? Похоже, небольшое скверное приключение со вполне ожидаемым финалом ее лишь забавляло.

— Я вот прикидываю... — сказал Сварог. — Вряд ли они стали широко оповещать братьев по разуму, куда собрались. Считали тебя своей личной добычей.

— Вот и мне так кажется... Ну что, я их отправляю напиться до беспамятства, чтоб оказались под столом.

— И память... — заикнулся было Сварог.

— Ну, конечно, — сказала Яна. — Все, как в Саваджо...

Глава VI

ОДИН, МЕЛАНХОЛИЧНЫЙ

Она, сложив руки на груди, смешливо оглянулась на Сварога и скомандовала тоном старого фельдфебеля:

— Всем построиться в одну шеренгу!

Четверо добросовестно выполнили приказ, поставшись даже принять некое подобие военной стойки.

— Слушайте внимательно и исполняйте в точности, — сказала Яна наставительно. — Сейчас вы все четверо поедете в ближайший кабаk, лучше всего такой, что работает до утра... знаете какой-нибудь поблизости?

— «Пьяный осьминог», — граммофонным голосом отозвался главарь. — Два квартала отсюда, открыто круглосуточно...

— Отлично. Денег хватит, чтобы просидеть до упора?

— Достаточно, — ответил главарь тем же жестяным голосом.

— Совсем хорошо... Поезжайте туда и пейте, пока не отправитесь под стол, — продолжала Яна. — О нас забыть начисто. Вы нас никогда не встречали, никогда не видели, ничегошеньки о нас не знаете. Все понятно?

— Понятно, — ответили нестройным хором четверо.

— Шагайте, корявые, можно не в ногу...

Они гуськом направились к двери, вскоре со стуком захлопнувшейся за ними. Выйдя ради интереса в прихожую, Сварог смотрел, как они тем же механическим шагом заводных игрушек проходят по дорожке, как садятся в фургончик, и он отъезжает с нормальной скоростью, без всякой спешки, не вихляя.

Вернувшись в гостиную, Сварог сказал:

— Вообще-то это нам урок, Яночка. Непозволительно расслабились. Поверили рекламе, как будто рекламе можно верить. «Полнейшая безопасность, преступность на нуле...»

— Но ведь дело не только в рекламе, — сказала Яна. — Элкон копался в полицейских компьютерах...

— Думается мне, такие вот случаи, когда речь идет об организованной преступности, в полицейские сводки не попадают. Особенно если верно то, что курорт, то бишь концерн, как раз здешним «рыцарям ночи» принадлежит.

Вечно эти ушлепки понабирают себе красивых названий, подумал сердито. На Земле в Карибском море когда-то резвились «джентльмены удачи», на Таларе до недавнего времени вольготно себя чувствовали «тарабарские короли», здесь, извольте ли видеть, «рыцари ночи». Которым, правда, в чем есть небольшое утешение, суждено через три с лишним месяца стинуть в Шторме и возродиться тысячелетия спустя далеко не в столь авантажном виде, как здесь...

— Прав ты, согласна, — сказала Яна. — Расслабились что-то, — ее лицо стало озабоченным. — Что, еще больно? Я могу...

— Да нет, все прошло, — сказал Сварог. — Прилетало и серьезнее... Обидно просто, что попался, как сопливый кадет, на примитивный пинок ниже пояса... Расслабились, вперехлест через клюз... Ничего, я сей-

час выпущу Шмелей в дозор. Пригодились неожиданно, не зря я их все же прихватил...

— Тоже неглупо. А я схожу в ванную. Все равно собиралась принять душ, а теперь просто необходимо после хамских лап, да и это... — Она брезгливо встряхнула правой рукой.

Белая дверь ванной захлопнулась за ней. Ни малейшего волнения Сварог из-за случившегося не испытывал — какие волнения, если финал был известен заранее? — но некоторое раздражение присутствовало — вот уж не думал, что вновь придется когда-нибудь увидеть чужие наглые лапы на ее теле. А потому применил испытанное лекарство — достал из буфета бутылку выдержанного батьяна, купленного уже здесь, налил себе чарочку и употребил. Как обычно, на душе стало чуточку веселее.

Извлекши из гардероба свою небольшую спортивную сумку (у Яны такая же, не было необходимости себя отягощать лишним багажом), Сварог достал футляр, замаскированный под коробку дорогих здешних сигар, вполне уместную в вещах толстосума. Приложил большой палец справа, к изображению одного из веселых верблюдов (понятное дело, попробуй кто-то посторонний коробку вскрыть, содержимое моментально самоуничтожилось бы), двумя пальцами извлек из аккуратных гнезд полдюжины Золотых Шмелей, положил их на ладонь, вышел в неосвещенную переднюю и приоткрыл одну из оконных створок. Недолгий инструктаж, короткий приказ — и Шмели вереницей уплыли в ночную темень.

Вернулся в комнату. Одному Шмелю предстояло, висая в темноте, уардах в десяти выше уличных фонарей, контролировать исключительно их жилище — и соседний домик с охраной заодно. Остальные на той же высоте рассредоточились, прилежно наблюдая за прилегающей территорией.

Вскоре пошли первые донесения, убедительно доказавшие, что беспокоится пока не о чем. В радиусе полулиги вокруг не происходило никаких подозрительных перемещений подозрительных групп. Обычная ночная жизнь дорогого гостиничного поселка: подъезжали припозднившиеся, другие, наоборот, уезжали в город — несомненно, чтобы вдоволь поразвлечься до утра, на террасе одного из ближайших домиков расположилась за щедро накрытым столом развеселая компания, судя по составу участников, толстосумы с подружками весьма даже нетяжелого поведения. На шпионивших за Сварогом и Яной они никак не подходили — в первую очередь оттого, что их домик от пристанища Сварога с Яной отделял добрый десяток других.

Из ванной появилась Яна, свежая, совершенно спокойная, в коротеньком шелковом халатике, желтом в черный горошек. Села в кресло, беззаботно закинула ногу на ногу (тем самым вводя Сварога в неприкрытое искушение), налила себе ликера в пузатый бокал из алого хрусталя — они давно пришли к выводу, что именно в таких бокалах кофейный ликер смотрится наиболее красиво. Пригубила, поинтересовалась:

— Ну что там?

— Тишина и благолепие, — сказал Сварог. — На пол-лиги вокруг — никакого подозрительного шевеления. Похоже, мы больше никого не интересуем...

— Вот и отлично, — сказала Яна. — Значит, остаток времени проведем по намеченной программе... Знаешь что? Древний Ветер, тебе прекрасно известно, мысли читать не позволяет, но чувства и эмоции дает с р и с о в ы в а т ь. Так вот, в этом визите сексуально озабоченных бабуинов присутствовала некая странность...

— Какая? — насторожился Сварог.

— Словно бы некая театральность. Пьеса по заданному сценарию.

— Хочешь сказать, они актерствовали?

— Трудно сформулировать точно — эмоции и чувства все же не мысли. Но именно на это и походило... В этом типе не ощущалось н а с т о я щ е й похоти, понимаешь? Конечно, когда он меня лапал, чуточку возбуждался, как любой нормальный мужик, доведись ему лапать не самую страшенькую женщину на планете... Но все равно, на втором плане присутствовала именно что некая театральность. Словно разыгрывался некий спектакль. Ничего общего с той историей в «Роге единорога» — вот там от тех подонков самой что ни на есть натуральной похотью так и п ы х а л о. Здесь было что-то совсем другое.

— Что-то мне это не нравится, Яночка, — сказал Сварог, чуть подумав. — Когда нахальные бандиты хотят силком добиться благосклонности красивой туристки — дело, можно сказать, житейское, незатейливое. Но спектакль, неизвестно кем разыгранный с неизвестными целями... Тут уже следует легонько обеспокоиться — и никакая это не мания преследования, просто разумная предосторожность. Тебе не кажется?

— Пожалуй... — сказала Яна, глядя уже серьезно.

— Мы в ситуации, когда любая странность должна настораживать, — сказал Сварог. — Давай все же немедленно свяжемся с пилотом, пусть запросит новый полетный коридор — и едем в аэропорт. Все равно делать нам здесь совершенно нечего, так что уберемся подалее от неразгаданных странностей. Что скажешь?

Яна пожала плечами:

— На этот раз вновь ты командуешь, а я лишь рабочий инструмент. Поступай, как тебе кажется нужным. Мне тоже что-то не нравятся неразгаданные странности, а они безусловно присутствовали... Будем собираться?

— Да, — сказал Сварог. — Я сейчас свяжусь с пилотами... Черт!

— Что такое?

— погоди минутку... — Он откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза — Ага... Возле нашей калитки остановилась машина. Двое так и остались сидеть, третий вышел и идет к крыльцу. Во всем остальном — по-прежнему никакого подозрительного шевеления. Ни на одного из наших не похож, но впечатление такое, будто я его уже где-то видел, мельком... Похоже, начинаются некие события, а? Времени почти полночь, по пустякам в такое время незваными гостями не заявляются...

Мелодично мяукнул звонок.

— Один — это пустяки, — спокойно сказала Яна. — Да и те двое в машине — не проблема... Иди открой, пожалуйста.

Сварог вышел в прихожую и распахнул входную дверь, на сей раз держась так, чтобы ни за что не пропустить внезапного удара любой конечностью — спасибо, хватило одного раза, чтобы отныне не благодушествовать...

На крыльце стоял человек лет сорока, в светло-синем костюме, в такой же рубашке и голубом галстуке в белую полоску. На классического «ночного рыцаря» он нисколько не походил, скорее уж на университетского преподавателя — впрочем, у «ночных рыцарей» и такие встречаются, занятые исключительно какой-то умственной работой — всевозможные советники, финансисты, юристы...

В правой руке у него была тощая папочка канцелярского вида, без эмблем и надписей. Он вежливо осведомился:

— Далер Рогон Септам?

— Собственной персоной, — сказал Сварог. — С кем имею?

Незнакомец вынул из бокового кармана пиджака удостоверение в бордовой обложке и поднял его на уровень глаз Сварога. Точно такие же лежали у них с Яной в карманах: эмблема напоминает геральдику незабвенного КГБ, только щит другой формы, и за ним не меч рукояткой вверх, а двулезвийный топор-лабрис топориком вниз. Ну, и соответствующая надпись, тоже золотым тиснением.

Незнакомец спокойно сказал, распахивая ксиву:

— Лорт-генерал Тонит Гарн, начальник Следственного Департамента. Удостоверение настоящее.

Да, так там и было написано. Здешние генеральские звания делятся на три степени, «лорт-генерал» — вторая...

— Занятно, не правда ли? — сказал незванный гость со скупой улыбкой. — Мое удостоверение подписано мною же самим. Такая уж у нас бюрократия — все удостоверения СД подписываю я, в том числе и свое собственное...

— Занятно, — сказал Сварог без улыбки.

Теперь он вспомнил — и в самом деле видел раньше это лицо. Как-то ему проформы ради пришлось посмотреть с полсотни снимков здешней верхушки — политики, высокопоставленные гражданские, военные и спецслужбистские чины, главари гангстерских кланов, воротилы бизнеса. Если это и не Гарн, то его убедительнейший двойник — в какое предположение плохо верится. Ох, неспроста такой визит — глава СД собственной персоной навещает в полночь парочку ничем не примечательных туристов...

— Я бы хотел поговорить с вами и с вашей очаровательной спутницей. Думаю, беседа будет взаимовыгодной для обеих сторон.

— И о чем же?

— О загадочных пришельцах из неведомых миров, в последнее время прямо-таки заполонивших наши города. — Он скупой улыбнулся. — Как по-вашему, это тема, заслуживающая разговора в столь поздний час?

— Безусловно... — медленно сказал Сварог. — Ну что же, входите...

«Выходит, мы все же где-то прокололись, — подумал он. — И серьезно».

Гарн поднял свободную ладонь:

— Должен вас предупредить, прежде чем войду... Я, как и вы на моем месте, принял меры предосторожности. Никаких спецгрупп со мной нет, никто не собирается устраивать на ваш домик лихой налет. Но если вы с моим сознанием что-то сделаете, если я выйду отсюда таким ходячим манекеном, те двое, в машине, поднимут тревогу. Если вы н а к р о е т е и их — в полулиге отсюда стоит вторая машина с моими людьми, а еще в полулиге — третья. Чутьочку примитивно, но ничего лучшего в голову не пришло. В общем, если что-то с л у ч и т с я, автоматически будет запущена крупномасштабная акция против ваших людей, вас конкретно, вашей штаб-квартиры. Кстати, ваш аэродром оцеплен, вам в случае чего ни за что не улететь. Возможно, у вас разработаны и другие пути отхода, но все равно, вашей работе здесь придет конец... Разумеется, это не угроза, просто разумное предостережение. Вы на моем месте наверняка вели бы себя примерно так же.

— Вполне возможно, — проворчал Сварог, посторонился. — Заходите. Ничего с вами здесь не случится. Не потому, что мы такие гуманные, а из насковзь практических соображений: я не знаю пока что, чего следует от вас ждать...

— Ну, это взаимно... — усмехнулся Гарн.

Войдя следом за ним в гостиную, Сварог сказал:

— Позволь тебе представить...

— Я все слышала, — с совершеннейшим хладнокровием сказала Яна. — Садитесь, генерал. Хотите ликера? — Она усмехнулась: — Я вам налью из нашей бутылки, так что ничего не бойтесь...

— И не подумаю, — в тон ей ответил Гарн, принимая у нее бокал. — Благодарю вас, далеретта Миэлла, вы очень любезны...

Он медленно осушил бокал до дна — хотя, по наблюдениям Сварога, готов был опрокинуть его залпом. Волновался, конечно, — а кто бы на его месте не волновался?

— Итак? — спросила Яна. — Как явствовало из вашей реплики на крыльце, к о е-ч т о вы о нас знаете...

— И довольно много, — ответил Гарн.

Он чем-то напомнил Сварогу Гаудина — то ли узким умным лицом, то ли этой скупой улыбкой, то ли явственным налетом меланхолии.

Гарн продолжал:

— Прежде всего я хотел бы определиться, кто из вас старший. Если военных или разведчиков более одного, всегда есть старший. Я за вами двумя наблюдаю давно, но так до сих пор и не определил, кто у вас главный...

— В данный момент — он, — сказала Яна, легким движением подбородка указав на Сварога. — Но это не значит, что я лишена права голоса...

— Вот теперь понятно. В первую очередь, господа, я вынужден извиниться за несколько неприятных минут, которые вы пережили только что. К сожалению, мне пришлось поступить именно так. Контрразведка, что поделаешь, не всегда блещет изяществом манер. В конце концов, вы тоже не воспитанники лица для благородных...

— Да, — сказала Яна. — Значит, это были ваши люди...

— Ну разумеется, — спокойно сказал Гарн. — Я за вами наблюдаю достаточно давно, чтобы сделать вывод: вы не только напарники, но и любовники. Соответственно, нужно было поставить вас в ситуацию, когда вы, далеретта, вновь пустили бы в ход Древний Ветер. Ну да, мы знаем, что вы им владеете в полной мере.

Увы, мы, признаюсь, так и не смогли определить, какую магию используете вы, далер Рогон, что в ней нет ничего ч е р н о г о, установили точно, но никогда прежде с такой не встречались...

«Ничего удивительного, — фыркнул про себя Сварог. — Этой магии еще попросту не существует...»

— Я долго думал, как построить беседу... — продолжал Гарн. — И пришел к выводу, что прежде всего вы наверняка захотите узнать, на чем прокололись и попали в поле нашего зрения. Вам ведь наверняка интересно? Мне на вашем месте было бы страшно интересно...

Сварог переглянулся с Яной, и она едва заметно кивнула. Действительно, это было чертовски интересно. Благо Шмели по-прежнему не отметили в пределах наблюдаемой зоны никакого подозрительного шевеления, ничего похожего на штурмовые группы.

— Все началось в тот вечер в Саваджо, у «Лотереи-Грации» под номером семнадцать, — начал Гарн. — Видите ли, мы давно в е д е м прекрасно известного вам субъекта по кличке Удав, вот только взять не удается даже на пустыке. «Лотерея-Грация» под этим номером — его излюбленное место, где его мальчишки форменным образом отлавливают красивых девушек для главаря. Мы хотели попытаться взять его хотя бы на этом — попытка похищения человека, точнее, похищение — а это уже преступление. Если бы мы сумели разговорить его подручных, а мы сумели бы... Но пока что не за что зацепиться — никто не подавал заявления в полицию, людей запугивали, да вдобавок затыкали рот деньгами, пока что не нашлось достаточно смелых и самолюбивых...

— Минутку, — сказал Сварог, вспомнив ту тихую улочку. — Дайте-ка мне возможность проявить проницательность... Там, напротив, жилые дома... Вы установили в одной из квартир стационарный пост?

— Даже в двух, — с той же скупой улыбкой сказал Гарн. — Сильная оптика, видеоаппаратура, все снабжено приборами ночного видения. В один прекрасный вечер мы записали примечательную сцену с вашим участием, господа. Когда они попытались затащить вас в машину, далеретта Миэлла, вы с ними что-то сделали, превратив в ходячие манекены. На всякий случай на дежурстве постоянно присутствует и консультант из Огненного Купола... полагаю, вам не нужно объяснять, что это за учреждение? Прекрасно. Он и отметил позже, что это как две капли воды похоже на применение Древнего Ветра. Сам по себе Древний Ветер не представляет ничего нового или загадочного, им владеют около двухсот человек в Дорлиорне, еще некоторое количество — в других странах Котейра и на других планетах. Гораздо интереснее было другое: Огненный Купол впервые столкнулся с н е з а р е г и с т р и р о в а н н ы м умельцем Древнего Ветра.

— Ого! — сказала Яна. — Они что, все у вас на учете?

— И в Огненном Куполе, и у нас. Само по себе владение Древним Ветром преступлением не является, но все, кто им владеет, — на строгом учете. Причины? Вы, далеретта, прекрасно знаете: хотя Древний Ветер и не относится к черной магии, он с равным успехом может быть использован как для добрых, так и для злых дел. Собственным интеллектом — и уж тем более собственными моральными принципами — он не обладает. Неразумное орудие, и не более того. Как кухонный ножик, которым можно и порезать хлеб, и убить по пьянке жену...

— И что, были... печальные примеры? — спросила Яна.

— За последние восемьдесят лет — дважды. В первом случае одна ревнивая дама обрушила загородный домик, где предмет ее обожания развлекался с дру-

гой — им на головы. Два трупа. Во втором, лет восемь назад, человек польстился на о ч е н ь большие деньги и с помощью Древнего Ветра прикончил главаря одного из гангстерских кланов. Конкуренты несколько раз пытались до него добраться, но он так отладил систему охраны и передвижений, что им никак не удавалось... Так что ничего удивительного в этой системе строгого учета. Система отлажена давно, она, нам казалось, идеальна. К моменту получения паспорта, к семнадцати годам, мы уже можем вынести о человеке неопровержимое решение: владеет он Древним Ветром или нет. А начинается все гораздо раньше, даже не в школах, в детских садах — детишки, особенно маленькие, иногда неосознанно демонстрирую то или это... Вы уже поняли, в чем главная причина нашего беспокойства?

— Понятно, думаю, — хмыкнул Сварог. — Сегодня кто-то обрушил крышу на голову двум безвинным людям или убил бандитского главаря, а завтра, чего доброго, президента прихлопнет или атомную станцию на воздух поднимет?

— Совершенно верно, — кивнул Гран. — И вы зря иронизируете, теоретически такое вовсе не исключено, согласитесь...

— Согласен, — буркнул Сварог.

— Система никогда прежде не давала, осечек. И вот, внезапно мы обнаруживаем нигде не зарегистрированную совершеннолетнюю особу, владеющую Древним Ветром... Шок и переполох были немалые. Вам в тот же вечер сели на хвост — о, без вульгарной агентурной слежки, которую вы могли и легко обнаружить. Есть другие методы. Многие наши города буквально набиты уличными камерами наблюдения, а над некоторыми — как, например, над чертовски криминогенным Саваджо — в немалом числе патрулируют беспилотники, полицейские и наши. Либо вы об этом не знали, либо не предполагали, что эти средства могут быть

использованы для наблюдения за вами, считали, что вас не замечают. Может быть, уточните, в чем именно дело? Это не такая уж страшная тайна... Или самолюбие мешает?

Сварог вновь переглянулся с Яной, и она вновь чуть заметно кивнула.

— Ладно, — сказал Сварог. — Мы полагали, что остаемся незамеченными.

— С каждым может случиться... — сказал Гарн без всякой насмешки. — Особенно когда действовать пришлось в чужом мире, о котором вы наверняка первое время очень мало знали... В общем, наблюдение за вами уже не прекращалось. Вас проследили до гостиницы «У баронского замка»... откуда вы, как обнаружилось утром, таинственным образом исчезли ночью. Человек, которому это было поручено, допустил серьезный промах — отозвал беспилотник до утра. Впрочем, он не так уж и виноват — тогда еще никто не предполагал, что мы имеем дело с пришельцами откуда угодно, только не из нашего мира. Вот к середине дня настроения изменились — когда обнаружилось, что загадочным образом оказался разрушен автомат контроля на полицейском посту при въезде в город. Это, конечно же, была ваша работа. Вы только не знали, что все данные с этих автоматов что ни час передаются в центральный полицейский компьютер. Мы быстро установили: ваши паспорта, как и все данные в них, поддельные. Одни фотографии настоящие. Вот с фотографиями, как потом оказалось, тоже обстояло крайне интересно, но об этом чуть позже... Потом вы появились во второй раз, уже не вдвоем, вас было гораздо больше. Вы подставили мальчикам Удава очаровательную девушку, потом стреножили их и заставили ехать к Удаву... Кстати, должен вас поблагодарить: исключительно благодаря вам мы засекли одно из его загородных лежбищ. Вполне возможно,

еще пригодится... а на обратном пути с вами приключилась крайне интересная история — вас атаковал гаутар, но вы, далеретта, ухитрились с ним разделаться, что не каждому обладателю Древнего Ветра удастся...

— Ага, — сказала Яна. — Значит, вам эта тварь прекрасно известна... Что она такое? Или это секрет?

— Да никакого секрета... — поморщился Гарт. — Некий реликт из прошлого, владеющий черной магией. Их давно уже изрядно подистребили, но две-три разновидности прячутся по углам до сих пор. Их осталось всего-то несколько десятков, но хлопоты доставляют. Гаутар — это нечто вроде вампира, питающегося в первую очередь Древним Ветром. Стаями они не живут, в Саваджо он был один. Кстати, по этому поводу вам выражает благодарность Огненный Купол. Вот, извольте. За уничтожение черного создания у них медаль полагается...

Он достал из кармана пиджака небольшой плоский футляр и с поклоном протянул Яне. Она с неприкрытым любопытством его открыла. Сварог заглянул. Что ж, медаль была красивая, золотистого цвета, и на ней красовалось пронзенное мечом какое-то неприятное чудище. Ленточки, правда, не имелось — следовательно, держать на столе или вешать на стену.

Гарн любезно разъяснил:

— Они оставили пустую графу для вашего имени, чтобы вы потом вписали настоящее — ясно ведь уже, что никакая вы не Миэлла Карбай. Конечно, если вас это интересует...

— Интересует, — заверила Яна. — Первый раз...

Она благоразумно не закончила. Сварог понимал, о чем она думает: первый — и наверняка последний — раз в жизни не она награждала, а ее награждали, к тому же за уничтожение нечисти. Собственно говоря, ей, как императрице, полагались высшие ордена всех земных королевств, но если Диамер-Сонирил отно-

сил ся к земным наградам трепетно и со всем пиететом, Яна их считала не более чем мишурой и все полученные складывала в дальний ящик одного из комодов ее спальни в Келл Инире и никогда не носила. А вот эта, сразу видно, доставила ей искреннее удовольствие — ну, в конце концов, заслужила...

Гарн столь же любезно продолжил:

— В последнее время приняты дополнения к статусу. При желании можете приделать ушко и носить на груди. Подвеска с ленточкой — там же, в коробке.

«Какая милота! — Подумал Сварог. — Как-то плохо верится, что этот тип появился сюда исключительно затем, чтобы пряники раздавать и благодарности выносить...»

— Ну, за награжденную можно и выпить, — сказал он, наполняя бокал. — И что же было дальше? Все это и в самом деле чертовски интересно.

— Вас вновь проследили до гостиницы, — сказал Гарн спокойно. — Но на сей раз оставили на ночном дежурстве беспилотник. Он заснял поразительную сцену: вся ваша компания подошла к балкону на задней стене музея и... исчезла там. Все карабкались по веревочной лестнице, а вот вы, далеретта, попросту взлетели — ну понятно, Древний Ветер... — Он усмехнулся. — Вот тут-то и начался... переполох. С н а ш е й стороны это самый обычный балкон, но оказалось, если подойти к нему снаружи, он служит проходом в некие, безусловные, и н ы е миры.

— И вы туда, конечно, не полезли, — сказал Сварог утвердительно.

За все эти полтора года дежурные не отметили ни единой попытки проникнуть с Той Стороны на балкон или пустить в ход какую-то электронную аппаратуру.

— Конечно, — сказал Гарн. — Была парочка горячих голов, но их успокоили, убедили, что последствия могут оказаться самыми непредсказуемыми, было

решено пока что ограничиться наблюдением... вот оно и растянулось на полтора года. И любую научную аппаратуру мы поостереглись пускать в ход — из тех же соображений. Такие, как вы, в нашей истории появляются впервые. Байки старинных книжников не в счет, было решено соблюдать величайшую осторожность. Естественно, секретность установили максимальную. Штаб проекта «Балкон» — есть старая дурацкая привычка непременно давать названия операциям и проектам — то есть посвященные в тайну, все эти полтора года сохраняется в прежнем составе: президент, премьер, я, военный министр, глава Огненного Купола, военной контрразведки и Главного Разведывательного Департамента, одиннадцать особо доверенных специалистов из разных ведомств. Вы до сих пор не сделали ничего, в чем мы усматривали бы угрозу для нашего мира, это лишь укрепило позиции тех, кто стоял за наблюдение, и разоружило тех, кто придерживался других точек зрения — ну, скажем, тихонечко взять одного из ваших и вдумчиво с ним побеседовать обладателю Древнего Ветра — в штабе такой есть, последствия опять-таки могли оказаться непредсказуемыми... Вы расширяли свою деятельность у нас — купили отель и переделали его в частный закрытый санаторий... где, я уверен, никого и никогда не лечили, просто там ваша штаб-квартира. Началось прямо-таки массированное вторжение в наши компьютерные сети, причем на уровне, нам недоступном. У нас такое существовало и прежде — разведки других стран вторгаются к нам, мы — к ним, дело давнее, можно сказать, житейское... Вот только с в а м и обстоит совершенно иначе: ваши люди преодолевают защиту любой степени сложности, на что з д е ш н и е «компьютерные пираты» далеко не всегда способны. И вас невозможно отследить — хотя нет сомнений, что работает ваша штаб-квартира. Правда, до «локалок» вы еще не добра-

лись — значит, не всемогущи и не превосходите нас в технике настолько уж значительно. Месяца через два мы решили упростить себе задачу — вместо беспилотников подвесили прямо над музеем и вашей штаб-квартирой суточный спутник*. Не знаю, если ли у вас спутники-шпионы, поэтому поясню: они сейчас оснащены столь совершенной аппаратурой, что могут...

— Прочитать газету в руках прохожего, — прервал Сварог.

— Да, совершенно верно. Значит, у вас тоже есть такая техника... Я просмотрел несколько записей. Вы очень быстро усовершенствовали свою «тропу»: теперь вместо вульгарной веревочной лестницы неведомо откуда появляется и неведомо куда исчезает настоящая лестница, по ней, всегда ночью, спускаются и поднимаются люди... гораздо чаще спускаются, чем поднимаются. Пробыв какое-то время в «санатории», уезжают в Саваджо, а уж оттуда разъезжаются в основном по Дорлиорну, хотя некоторые отправляются в другие страны, а то и на другие планеты. — В его голосе промелькнуло легкое самодовольство. — И могу вас заверить: никто из них не остается незамеченным. Прибытие очередных «гостей» фиксирует спутник. За «штаб-квартирой» наблюдают из крайних домов Саваджо с помощью самой мощной оптики, которой мы только располагаем. Ваши люди, как и все прочие туристы, при въезде предъявляют паспорта — ну, ясно, безупречно исполненные подделки. На сегодняшний день в нашем мире, включая вас, действуют три тысячи одиннадцать ваших агентов. Там, куда они отправляются, наблюдать за ними крайне легко. Те, кто отправился за границу и на другие плане-

* «Суточный спутник» — спутник, скорость обращения которого вокруг планеты равна скорости вращения самой планеты. Таким образом, суточный спутник постоянно «висит» над какой-то точкой поверхности планеты.

ты, нас не интересуют: выражаясь со здоровым цинизмом, пусть это будет головной болью тамошних спецслужб. А за теми, кто ведет сбор информации у нас, повторяю, следить очень легко. Их все же не так уж много. Не нужно объявлять никакой всеобщей мобилизации или вводить чрезвычайные меры безопасности: наши отделения либо полиция получают данные с указанием — за этим человеком нужно поставить круглосуточное наблюдение. Они обязаны в таких случаях выполнять приказ, не задавая вопросов: если начальство не считает нужным посвящать в детали, значит, на то есть веские причины. Обычная практика, существовавшая задолго до вашего появления здесь. Так что к сегодняшнему дню мы имеем практически полное... не буду излишне самоуверенным, п о ч т и полное представление о вашей деятельности здесь. Хотя не всегда понимаем, в чем тут дело. Вот взять, например, ваш нынешний приезд в Кардоталь... Судя по всему, вы выполнили, что хотели, и преспокойно улетаете сегодня ночью... Но! Как мы ни ломали голову, не можем понять, какого, простите, лешего вы летели сюда из Саваджо, чтобы п р и л и п н у т ь ненадолго к Анелле Сабиташ. В некоторых смыслах совершенно ничем не примечательная особа. Ну, талантливая — но подобных молодых начинающих художниц немало. Ни она сама, ни ее родственники никаким боком не причастны к каким бы то ни было государственным или военным тайнам. Ну да, у нее пылкий роман с занимающим не такой уж малый пост военным моряком — но никаких попыток вербовочного подхода к нему не было. Вы вообще никогда и ни к кому не делали вербовочных подходов — исключая разве что случай с Удавом, но там все обстояло совершенно иначе: вы явно внедрили к нему своего человека, очередного неведомо откуда взявшегося субъекта с безукоризненными под-

дельными документами. Вероятнее всего, опять-таки для сбора информации — «ночные рыцари» знают много интересного. Правда, вот что еще любопытно... Когда вы еще не развернулись на всю катушку и ваш с далереттой визит был если не первым, то одним из самых первых посещений нашего мира, у вас были документы на имя как раз Тогира Горонеро. Совпадение? Плохо верится. Вы почти ничего не знали еще о нашем мире, но вот имя Тогир Горонеро уже знали. — В его голосе на миг прорвались нотки не профессионального, а чисто человеческого любопытства. — Ну зачем вам понадобилась Анелла Сабиташ?

— Нам очень понравились ее картины, — сказал Сварог с улыбкой. — Вот и хотели познакомиться с художницей...

— Может быть, и картины купить?

— А что в этом противозаконного?

— Значит, правды вы не скажете, — убежденно сказал Гарн. — А вот насчет покупки картин вы мне соврали... Один из наших аналитиков совсем молодой, но голова золотая — подметил любопытную особенность: вы из нашего мира н и ч е г о не берете. Совершенно ничего, даже малой безделушки. Это установлено совершенно точно. Не знаю почему, но вы не берете н и ч е г о. Какая там покупка картин...

«Подловил, зараза, — подумал Сварог без всякого раздражения. — Ну конечно, они не засняли наш с Яной самый первый визит в Саваджо — когда обнаружилось, что незримый барьер не пропускает ничего, сделанного здесь. Но как же мы качественно прокололись... Правда, особенно виноватить себя не следует — ну кто бы знал заранее, что они следят за "Лотереей-Грაციей", и у них там есть владеющий Древним Ветром? Н-да. Вот что значит связаться с цивилизацией, в научно-техническом развитии пусть и уступаю-

щей империи, но далеко не так отставшей от нее, как земные королевства. А кое в чем и превосходящей — Крепость Королей, Дальний Прыжок...»

— Пойдем дальше... — сказал Гран. — Как, вероятно, и вы на нашем месте, мы в первую очередь озаботились вопросом: о т к у д а вы? Довольно быстро остались три версии: пришельцы из Большого Космоса, из параллельных миров, иных измерений — что, впрочем, как некоторые теоретики полагают, одно и то же — визитеры из будущего. Все три версии официальной наукой не признаны. Существование пришельцев и параллельных миров до сих пор не доказало и не опровергнуто. О возможности путешествий во времени давно уже идут дискуссии среди кучки узких специалистов, в последнее время крайне вялые, — потому что основные аргументы «за» и «против» давно высказаны, осталось спорить о частностях. Признаться, мне совершенно наплевать на позицию официальной науки: я не ученый, я практик, и передо мной встала конкретная проблема, вполне вещественная, материальная, осязаемая. Куда уж материальнее... Так что я за неимением лучшего руководствуюсь версиями, наукой не признанными. Так вот, первая версия полностью отпала уже через два месяца. Вам известно о досадном инциденте, приключившемся с одним из ваших людей в Балерате?

— Известно, — сказал Сварог.

Ему, как куратору, докладывали обо всех ЧП, случившихся с заброшенными сюда агентами. Нельзя сказать, что их было очень уж много, — три раза в разных городах случались нападения уличных грабителей, и всякий раз агенты одерживали решительную победу благодаря неизвестным здесь приемам рукопашки. Однажды агент подхватил в приморском городе какую-то кишечную инфекцию и был быстро переправлен на Нашу Сторону, где такие хвори лечили не в пример быстрее и качественнее, чем здесь.

Еще пара случаев была чуточку посерьезнее — и один из них с о в с е м серьезный. Но Балерата это не касалось. Там то ли пьяный, то ли обкуренный байкер (их и здесь хватало) вылетел на тротуар и, прежде чем сам навернулся с мотоцикла, сшиб четырех человек, в том числе агента Проекта, чувствительно приложившегося на газон правой стороной лица. «Скорая помощь», клиника... В соответствии со здешней медицинской практикой травмированного продержали на больничной койке неделю, пока не убедились точно, что сотрясения мозга нет. Люди из его группы доложили о случившемся, и было решено паники не устраивать и побег из клиники не организовывать. Нecessности не было: человек оставался в полном сознании, не было никакого бреда, при котором он мог бы что-то выболтать, ему не назначали лекарств, способных развязать язык не хуже, чем «эликсир правды». Ничего страшного, что пришлось бы полежать в больнице недельку — пущей конспирации ради. Так что к ушибленному вскоре явился «родственник» и передал приказ: смирнехонько лежать и болеть, пока не выпишут. Ну, и выписали через неделю.

— Так-так-так... — сказал Сварог, заметив этакий хитрый блеск в темных глазах Грана. — Значит, это были ваши штучки?

— Каюсь, каюсь... — Гран, ничуть не походивший на кающегося, развел руками. — Удобнейший подвернулся случай. Все было разработано самым тщательным образом, мы вовсе не хотели, чтобы ваш человек погиб или получил тяжелые травмы. Место, обстановка — все было проработано до мелочей. На мотоцикле сидел мастер своего дела. Как и рассчитывали, все обошлось — ваш человек всего-навсего немного ободрал кожу на лице, да на пояснице от удара рулем остался синяк. Вы наверняка не интересовались, к чему это вам — но остальные трое пострадавших

тоже не получили серьезных травм. Ну, а далее — понятно. В любой больнице в таких случаях всегда берут анализы и проводят разные процедуры. Ваш человек в медицине определенно не разбирался и, я уверен, так и не понял, что две трети анализов и процедур ничего общего не имеют со стандартными, а предназначены для него лично. Исследовали его скрупулезнейше, в том числе и, выражаясь суконным языком медиков, отходы жизнедеятельности организма — первые четыре дня его держали на строго постельном режиме, — он усмехнулся. — Некоторые из этих процедур были для вашего человека приятными. Через четыре дня к нему подвели очаровательную медсестру, с которой он тут же принялся заигрывать, а она не ломалась — и три дня они предавались маленьким радостям в кладовке, ключ от которой был только у нее. Еще один из экспериментов, показавших, что вы абсолютно ничем не отличаетесь анатомически и физиологически от нас...

«Вот стервец, — беззлобно подумал Сварог о жертве "пьяного байкера". Отчет составил обширный и обстоятельный, о пребывании в больнице написал подробно, но вот о приключении с медсестричкой умолчал. Коллега и старый приятель Брагерта, тоже выставленный из восьмого департамента за излишний авантюризм, такой же ветрогон, хотя работник толковый...»

— В конце концов был сделан вывод: вы не какие-то суперсущества нечеловеческого облика, мастерски замаскированные под людей. Вы совершенно такие же люди, как и мы. И даже более того... Я нисколько не разбираюсь в науках, мне достаточно выводов, изложенных в доступной для меня форме. А все эти антигены, ДНК, прочее — совершенно ненужные мне детали, в которые нет необходимости вникать. Вывод был таков: образно выражаясь, организм вашего человека связан сотнями неких незримых ниточек с биосферой

Котейра. То есть вы — словно бы именно отсюда. Вы не можете происходить отсюда, но вы — именно что отсюда. Что дало дополнительную подпитку сторонникам версий о параллельных мирах и пришельцах из будущего. А еще через месяц мы получили в свое распоряжение на несколько дней труп вашего человека. Гатарейская Мясорубка, да... В конце концов, как мы и предполагали, явились «родственники», забрали тело для похорон — но наши специалисты успели провести исследования, невозможные на живом человеке. С тем же результатом, что и в первом случае: и этот человек был словно бы отсюда...

Сварог досадливо поморщился. Это был первый и единственный, будем надеяться, случай, когда агент погиб. Гатарей — приморская местность, печально знаменитая своими туманами — в силу каких-то специфических природных условий они совершенно неожиданно возникают буквально за несколько минут. Вот автостраду и накрыло длинной полосой густого тумана — так, что далеко не все водители успели что-то предпринять, и на полной скорости столкнулось более тридцати машин (что в тех местах происходило далеко не впервые). Газеты и телеведущие окрестили этот случай Гатарейской Мясорубкой — по числу жертв она была самой крупной за последнее десятилетие. Погибло девятнадцать человек, в том числе и агент Проекта, благородный лар из восьмого департамента. Разумеется, похоронили пустой гроб, а тело со всеми предосторожностями переправили на Нашу Сторону, для приличествующего лару погребения.

— Вам по-прежнему интересно меня слушать? — вежливо осведомился Гарн.

— Чертовски, — усмехнулся Сварог. — Готовы хоть до утра. В конце концов, мне ничего не стоит перенести отлет...

— Думаю, мы управимся, так что вы улетите в срок, — уверенно сказал Гарн. — И еще одно крайне любопытное обстоятельство. Хранить его в секрете нет необходимости, потому что вы при желании сами до всего докопались бы, — и добавил загадочно: — А то и увидели бы, многие ваши люди такими журналами интересуются, например, тот рыжий и веселый ваш здешний резидент... Вот, посмотрите.

Он достал из своей папочки и протянул Яне цветную фотографию. Как она ни владела собой, а изумление на лице все же появилось. Взяв у нее снимок, Сварог искренне надеялся, что у него самого рожа насквозь непроницаемая.

Платье у девушки на снимке было незнакомое, зеленое в красный цветочек, и волосы подстрижены короче, чем у Яны, — так, что чуточку не достигают плеч. Но во всем остальном — сходство поразительное. Вторая Яна, как две капли воды похожая на ту, что сейчас сидела рядом с ним.

— Интереснейший случай, — сказал Гарн оживленно. — Видите ли, где-то через месяц после первого зафиксированного вашего визита мы стали прогонять фотографии с паспортов наших людей через соответствующий компьютер Департамента полиции. Проформы ради. Вы, наверное, знаете: бывают ситуации, когда делать совершенно нечего, но и сидеть сложа руки тягостно. Во всех случаях несколько раз встречалось отдаленное сходство с реально существующими нашими людьми — но именно что отдаленное. Единственное исключение — снимок, который держите в руках, дилетта Миэлла. Сходство полнейшее, заверяет компьютер. Снимок сделан всего месяц назад, когда девушке исполнилось двадцать два, и она меняла паспорт.

Ну конечно, мимоходом отметил Сварог. Именно на паспортных фотографиях у людей такие серьезные, сосредоточенные лица... столько лет прошло, когда он

в последний раз держал в руках советский документ с фотографией, а паспорта, как всякий военный, он лишился после поступления в училище.

— Кто это? — спокойно спросила Яна.

— Вилорена Тагераш, младшая герцогиня... точнее, бывшая герцогиня, дочь адмирала Тагераша... вам ведь нет нужды объяснять, кто это такой? Вы и ему, и его ведомству уделяете постоянное внимание...

Как же не уделять... Адмирал Тагераш возглавляет в Космическом департаменте управление, которое ведаёт орбитальными станциями, теми самыми, с которых и взяла начало Империя. Более того — теперь уже нет никаких сомнений, что именно он, герцог старинного рода, и стал первым императором. Не только состоящий при Проекте историк (один-единственный из собратьев, кто посвящен в тайну), но и Яна, и Марлок, и даже Канцлер потерял свое всегдашнее самообладание, узнав, что есть возможность собрать немало данных об основании Империи. Сварог их понимал — это была их история, о которой до сих пор известно чертовски мало...

— На контакт с ним самим вы никогда не пытались выйти, — продолжал Гарн. — Видимо, не ставили перед собой такой задачи. Просто-напросто постоянно держите под наблюдением и его, и его ведомство. А дочь выпала из вашего поля зрения по вполне понятным причинам — во-первых, явно нисколько вас не интересовала, а во-вторых, она уже больше года не живет с отцом, и фамилия у нее теперь другая. Вам интересны подробности?

— Конечно, — быстро сказала Яна. Она тоже должна была все понять.

Гарн улыбнулся чуточку шире, чем прежде:

— Обстоятельства ее ухода из дома словно заимствованы из старинных романов о великосветской жизни. Собственно, это был не уход — изгнание

блудной дочери. По всем старым канонам. Конечно, после крушения монархии очень многое изменилось, но осталась кучка аристократов, которая до сих пор скрупулезно эти каноны соблюдает. Поскольку это ни в малейшей степени не нарушает общественных интересов и законов, на них попросту не обращают внимания — ну разве что порой репортеры бульварных газет хватаются за очередной курьез... Так вот, адмирал, подобно многим отцам, хотел, чтобы дочка пошла по его стопам — и определил ее в университет Келейна, на факультет, где готовят космических инженеров. Там немало девушек. Вот только ваша очаровательная копия, далеретта Миэлла, оказалось, не испытывает ни малейшей тяги к точным наукам и к наукам вообще. Университет она бросила в начале третьего курса и подалась сначала в манекенщицы, а потом и в фотомодели. Вот, посмотрите, это ее дебют, журнал еще не поступал в продажу, мы его раздобыли в типографии.

Он раскрыл папочку и подал Яне журнал в цветной обложке. На нем пониже исполненного затейливым старинным шрифтом названия «Цветущий сад» красовалась Вилорена в одних узеньких белых трусиках из тонкого кружева — да и их с одной стороны она, поддев большим пальцем, приспустила до крайних пределов приличия. Другой рукой делала вид, что стыдливо прикрывает грудь, но улыбка у нее была отнюдь не стыдливая. Действительно, сходство совершеннейшее — и лицо, и тело, уж кому, как не Сварогу, это знать...

Яна, не выглядевшая рассерженной, полистала журнал. Сварог не удержался, чтобы не заглянуть. Два десятка фотографий Вилорены в весьма фривольных позах — но всегда с соблюдением должного минимума приличий.

Сварог этот журнал покупал пару раз во время здешних командировок — а Брагерт и еще несколько ветрогонов не пропускали ни одного номера. Нравы

здесь царили достаточно раскованные, и вполне приличные девушки, включая звезд эстрады, кино и других знаменитостей, не видели ничего зазорного в том, чтобы сниматься для журналов класса «Цветущего сада» (подобные издания четко делились на «респектабельную эротику» и «неприличную порнографию»). Вопреки мнению пресловутых бабушек у подъезда, среди девушек, снимающихся в «респектабельных» журналах и танцующих стриптиз в заведениях высшего класса, крайне мало шлюх и проституток. Вспомнивая иные развлечения Яны, не удивляешься тому, что респектабельный журнал ее ничуть не рассердил.

— С точки зрения общества — ничего шокирующего, — сказал Гарн. — Такие уж времена на дворе. А вот с точки зрения старой королевской аристократии, живущей вековыми старинными традициями... Адмирал — вполне современный человек, хороший администратор и космический инженер. Но в данном случае... Дочь он торжественно, по всем правилам, проклял, отрекся — есть старинная пышная церемония, какую он, к немалому интересу репортеров, и проделал на лужайке перед особняком в компании двух десятков друзей по касте. Объявил, что у него больше нет дочери, сжег изображение своего герба, украшенное дополнениями, присущими именно что младшей герцогине. Поскольку никаких законов эта забава не нарушала, власти и полиция ее просто проигнорировали. Он хотел, как полагалось в королевские времена, лишить ее еще и фамилии — но тут уж власти воспротивились, тут уж было прямое нарушение закона... Впрочем, фамилию вскоре она поменяла сама, разобидевшись на отца. Самое смешное, что эта история послужила Вилорене лишь дополнительной рекламой, не стоившей ей ни гроша, — чего суровый отец совершенно не брал в расчет... А теперь — самое интересное... Да, журнал вы можете оставить себе на память. Вы, далеретта Миэлла,

конечно, уже и забыли, как больше года назад в Саваджо заходили в одну из дорогих парикмахерских, чтобы чуточку подровнять волосы. Для женщин это пустяк, о котором они обычно забывают...

— Смутно помню что-то такое, — кивнула Яна. — И то только потому, что впервые ходила в парикмахерскую з д е с ь.

— Ну разумеется, ничего удивительного, — сказал Гарн. — Кто держит в памяти такие мелочи? Парикмахерская была из лучших, заказ вы делали заранее... и мы успели подготовиться. Пол блистал чистотой, как операционная. На нем оказались только в а ш и волосы — которые еще при вас тщательно собрала пылесосом служанка — что у вас не вызвало ни малейшего удивления, так всегда поступают в дорогих заведениях. Только попали они прямиком в нашу лабораторию. Обнаружилась интереснейшая вещь. Генетики клянутся и божатся, что с вероятностью сто процентов из ста вы состоите в родстве с герцогами Тагераш — т а к и х совпадений ДНК и еще каких-то нескольких факторов в природе просто не существует... Еще одна неразгаданная загадка. Вы, конечно, ее не раскроете?

— С вашего позволения, не раскрою, — обворожительно улыбнулась Яна.

— Ну что с вами поделаешь... Вы не очень обидитесь, если я поделюсь кое-какими сокровенными мыслями? — Его лицо стало исполнено натуральной и нешуточной мечтательности. — С каким удовольствием я вколол бы вам — и вашему спутнику — «сыворотку правды»... Здесь нет ничего извращенного или садистического — вполне понятное профессиональное желание. Но это ведь не удастся сделать...

— Ну конечно, — сказала Яна, все так же улыбаясь ничуть не обиженно. — Ваши доктора со шприцами ни ко мне, ни к нему подойти бы просто не смогли, а вот сами себе запросто вкололи бы сыворотку...

— Я знаю, что такое Древний Ветер.. — кивнул Гарн, вновь приняв меланхолический вид, делавший его похожим на Гаудина. — И все равно чертовски жаль... Вы не обиделись?

— Ни капельки, — сказала Яна. — Что поделать, если профессия у вас такая — и профессиональные стремления соответствующие... Вот кстати. Интересно, зачем вы подослали к нам ваших ребят, изображавших сексуально озабоченных бандитов? Вы ведь сами говорили, что у вас есть видеозапись из Саваджо, где я продемонстрировала кое-какие свои умения...

Гарн поморщился с некоторой досадой:

— М н е хватило бы и той записи. Но я ведь говорил — в игре и Огненный Купол. Им в рамках каких-то своих исследований позарез понадобились в качестве подопытных кроликов люди, подвергшиеся вашему воздействию. Поскольку не я заправляю проектом, мне пришлось взять под козырек и выполнить приказ... — Он усмехнулся. — Правда, я предложил людям из Купола самим извлекать моих парней из кабака, куда вы их отправили. Предвидел последствия. Они ведь получили твердую установку упиться до того, чтобы оказаться под столом, — и твердо намеревались ее выполнять. В конце концов их, конечно, победили какой-то парализующей химией, но до того несколько посланцев Купола были чувствительно биты. Ребята у меня хваткие, выучены на совесть, даже в этом состоянии навыков не потеряли...

Ну, понятно, подумал Сварог, глядя на его удовлетворенную, даже веселую физиономию. Межведомственные трения, ага — это во всех мирах во все времена присутствует...

Он разлил по бокалам ликер. Гарн, пригубив из своего, сказал словно бы небрежно:

— Ну вот, я рассказал вам все, что считал нужным... разумеется, с санкции руководства. Какие-то вопросы

у вас будут? Нет? Отлично. Теперь можно поговорить о вещах посерьезнее...

«Ну разумеется, — подумал Сварог. — Теперь держи ухо востро. Как писали классики, это была преамбула, а сейчас начнется амбула. Он выложил третьестепенные секреты в рамках дозволенного, даже медальку Яне вручил, шутил, держался вполне дружелюбно — а сейчас к бабке не ходи, начнется г л а в н о е, то есть дипломатия с прощупыванием оппонента и плохо завуалированными угрозами. Плавали, знаем, не первый год троны протираем и спецслужбами руководим... Его прислали парламентаром, это очевидно. Предпринимать что-то против нас при столь скудной о нас информации они не рискуют. Я на их месте тоже бы не рискнул...»

— Речь пойдет о вашей деятельности здесь, — сказал Гарн. — Вот, кстати, как вы ее называете? Обычно в ходу термины «проект» или «операция». Так было бы гораздо короче, чем всякий раз говорить: «Ваши мероприятия», «Ваша деятельность здесь». Рассказав, какой именно применяется термин, вы бы не выдали никаких секретов...

— Проект, — ответил Сварог не раздумывая.

Во-первых, он и в самом деле не выдавал никаких секретов, во-вторых, свою роль должна сыграть и психология: слово «проект» выглядит гораздо более мирно, создавая впечатление о чем-то, носящем чисто научный характер, — а вот термин «операция» в первую очередь ассоциируется с чем-то военным или шпионским...

— Я вам даже могу сказать название, — непринужденно продолжил он. — Проект «Изумрудные тропы». Я, правда, совершенно не представляю, при чем тут изумруды, но те, кто выбирает названия, порой вписывают самые дурацкие, и поди поспорь с ними...

(Поспорить, конечно, в свое время было можно, но он не стал — какая разница, в конце концов, как предприятие именуется?)

— Да, и я не раз с этим сталкивался, — кивнул Гарн. — Ну что же... Я не зря пришел именно к вам. Конечно, вы двое — не руководители проекта... как и я не вхожу в число руководителей нашего. Вы разведчики — но, по некоторым наблюдениям, довольно высокопоставленные. Вы хотите выслушать те соображения, которые нас привели именно к такому выводу, или в этом нет нужды?

— Совершенно никакой, — сказал Сварог. — Ну что же... Вы правы. Мы и в самом деле не руководители, но и далеко не рядовые агенты.

— Другими словами, мы с вами люди примерно одного ранга. Возможно, поэтому и послали именно меня именно к вам... Давненько уже искали подходящий случай. Посылать к Балкону классического парламентаря с соответствующим флагом и в сопровождении трубача было бы чуточку смешно, не правда ли? Не говоря уж о том, что цвета флагов парламентаров у нас с вами наверняка разные... Давайте сразу к делу? Вы ведь прекрасно понимаете, любезный далет Септам, что должно чувствовать наше высшее руководство, узнав о вашем проекте? О том, что на нашей территории внезапно открылся проход в иные миры, и оттуда заявилось уже более трех тысяч агентов, да вдобавок вы обладаете возможностями компьютерного шпионажа, значительно превышающими наши? И полтора года проникаете в наши самые защищенные сети, исключая разве что «локалки»? Что вы чувствовали бы на нашем месте?

— Дайте подумать... — сказал Сварог. — Ну, вряд ли страх. Но, безусловно, тревогу и беспокойство.

— В точку. Разумеется, я не беру крайние точки зрения. В свое время нашелся один паникер, всерьез предлагавший сбросить на вашу резиденцию атомную бомбу. Пусть даже при этом серьезно пострадал бы Саваджо. Его успокоили с помощью чисто

практических аргументов: во-первых, нет гарантии, что при таком обороте дел вскоре где-то не откроется новый «балкон», во-вторых, неизвестно, чем вы можете ответить, в-третьих, бомба может просто не взорваться. У нас сейчас ведутся засекреченные исследования, ученые пытаются создать поле, в зоне действия которого ядерные реакции невозможны. Я не выдаю никаких секретов — этот проект частично был подключен к глобальной компьютерной сети, и точно известно, что ваши там уже побывали. Не исключено, что такие поля у вас уже есть. Человек унялся.

— Подозреваю, это был военный? — спросил Сварог. — Генерал?

— Ну конечно. Военным свойственна порой прямолинейность и пренебрежение просчетом последствий... Так вот, вы совершенно правы. Страха, пожалуй что, и нет — оттого, что уже ясно: мы имеем дело вовсе не с некими сверхсущностями, всезнающими, всеведущими и всемогущими. Вы — примерно такие же люди. И наши с вами возможности не столь уж разительно отличаются. Это дает основания не чувствовать себя ягнятами, столкнувшимися в лесу с волком. Но все равно — тревога и беспокойство. Массированный сбор информации обычно означает подготовку к вторжению. Мало ли какие у вас могут быть причины для широкомасштабного вторжения — ну, скажем, нехватка жизненного пространства, какая-то предстоящая глобальная катастрофа, например, экологическая... Сразу уточню: я сейчас высказываю версии экспертов. Собственной точки зрения мне сейчас иметь не полагается.

— Но, может быть, вы можете высказать свое частное мнение? — спросил Сварог. — Вот лично повашему: похоже то, что вы наблюдаете, на подготовку к вторжению?

— Не вполне, — подумав, медленно произнес Гарн. — Это не только мое мнение — мнение определенной части руководителей Проекта «Балкон». И некоторых экспертов, даже военных. Сбор информации вы ведете масштабный, но довольно специфический. Планируй вы подготовку вторжения, главное внимание уделите бы нашим военным объектам — но ничего подобного не наблюдается все эти полтора года. Военные объекты вы обозрели, можно сказать, мельком, для порядка — словно пробежали мимо, бросив лишь беглый взгляд. Едва ли не все ваши агенты занимаются совершенно другим: снимают на видео наши города, особенное внимание уделяя памятникам и достопримечательностям архитектуры, снимают скульптуры и картины в музеях, копируют наши книги, старинные и современные. Кто-то высказал даже, пусть и шутливо, мысль: такое впечатление, что вашим проектом руководят и играют в нем первую скрипку искусствоведы, которых в первую очередь интересует наша культура. Есть только три объекта, которым вы уделяете неусыпное внимание все это время, не имеющие отношения к культуре. Один чисто военный — корабли Дальнего Прыжка. Другие два из разряда тех, которые можно использовать двояко — и для военных целей, и для гражданских: орбитальные станции — но не космические корабли! — и установка по управлению климатом в глобальных размерах. Высказывалось мнение, что вы так интересуетесь этими тремя позициями оттого, что по ним мы вас опережаем — как вы опережаете нас в компьютерных технологиях и кое-чем еще...

«Он ни словечком не упомянул о наших орбитах, которых вокруг планеты уже насчитывается более двадцати, — подумал Сварог. — Значит, эксперты оказались правы: у них попросту нет возможности эти орбиталы засечь. Когда же будут угрозы? Пора бы...»

— Словом, ваши действия и в самом деле не в п о л н е напоминают подготовку к вторжению, — сказал Гарн. — А по моему личному мнению, в о о б щ е не напоминают. Но я сейчас, я уже говорил, не имею права руководствоваться личным мнением. Я — парламентар, посредник... Так вот, беспокойство и тревога остаются. С е г о д н я подготовка к вторжению не просматривается. А что будет завтра? Мы не знаем не только всех ваших возможностей, но и вашей системы правления. Допустим, там у вас она во многом напоминает нашу. Выборы президента и парламента, гражданские свободы... Допустим, у вас там нет диктатора. Но и система демократических выборов — палка двух концов. Скажем, ваш сегодняшний лидер — человек мягкий и не склонный к агрессии. Ну, а если на следующих выборах его сменит кто-то настроенный проводить более жесткую линию? В нашей истории подобные примеры нередки — и когда речь шла о монархии, и о выборности лидера. Есть основания подозревать, что то же самое наблюдалось и у вас — очень уж мы во многом похожи, и даже, как оказалось, генетически родственны. В общем, беспокойство и тревога нисколько не ослабли, даже усилились, хотя и не особенно. Или на нашем месте вы держались бы иначе? Ну, скажите откровенно! Признайте за нами право на подозрительность, беспокойство, тревогу.

— Признаю, — медленно сказал Сварог. — Полностью согласен: на вашем месте мы, пожалуй, вели бы себя точно так же. Подозрительность, беспокойство, тревога...

Гарн прекрасно владел собой, но видно было безо всякой магии, что он волнуется.

— Рад, что вы понимаете, — сказал он тихо. — Быть может, вы поймете и то, что сложившееся положение лишь усиливает все эти чувства, потому что з а т я н у л о с ь. Продолжается полтора года

практически без малейших изменений. Ж д а т ь неведомой опасности гораздо тяжелее, чем готовиться противостоять опасности известной. В конце концов наши решили сделать первый шаг.

— И в чем же он заключается?

— В моем визите, — сказал Гарн. — В том, что я пришел с предложением начать переговоры. Коли уж вы увидели, что мы знаем о вас достаточно, переговоры необходимы. В противном случае... В противном случае верх могут взять сторонники жесткого подхода к делу...

«Порядок, — подумал Сварог. — Сейчас угрозы пойдут... Это нормально».

— Разумеется, я не имею в виду ту идею одного из генералов, о которой только что говорил, — бросать бомбы на вашу резиденцию. Пытаться захватывать в плен ваших людей тоже не стоит. Однако мы можем до предела о с л о ж н и т ь работу вашего проекта, и отнюдь не прямыми военными методами. У нас достаточно сил, чтобы взять ваших людей под постоянное демонстративное наблюдение. Кое-кому из них это значительно осложнит работу. Мы можем блокировать вашу резиденцию, установить в Саваджо кордоны, которые попросту не будут пропускать к нам новых визитеров. А тем, что здесь уже работают, можно устроить массированные проверки документов — и, соответственно, многочисленные возбуждения уголовных дел из-за проживания по поддельным документам. Сами мы в это вмешиваться не будем — хотя и уголовная статья, но мелкая. Бросим на эту операцию ничего не подозревающую обычную полицию. Работа вашей агентуры будет практически парализована. Да, вдобавок, полицейские, обнаружив, что человек возник словно бы ниоткуда, начнут с превеликим удовольствием эти дела спихивать и в контрразведку, и нам... Ваши

документы сработаны идеально, но выдерживают лишь чисто органолептическую проверку... вы в курсе, что это такое?

Сварог молча кивнул. Гарн продолжал столь же бесстрастно:

— Научно-техническая экспертиза их к о л е т быстро. Вот извольте...

Он вновь потянулся к своей папочке и подал Сварогу большую цветную фотографию — поддельные удостоверения СД, его и Яны, в раскрытом виде. Был только один случай, когда они не держали ксивы при себе, и произошел он всего несколько часов назад...

— Зал хранения? — уверенно спросил он.

— Ну конечно, — кивнул Гарн. — Пока вы купались в море и нежились на солнышке... Кто бы из охраны нам отказал... У нас стоял поблизости фургончик с техниками. Достаточно оказалось лазерного анализатора, он у нас есть и портативный, размером с кофемолку, заметных следов не остается. Состав бумаги другой. Как и химический состав типографской краски, штемпельных красок, чернил. Мы еще до этого тем же способом проверили с десятков паспортов ваших людей — та же картина. Вы не стремились к полному совершенству — не подозревали, что дела обернутся, как обернулись. Наконец... Поскольку ситуация чрезвычайная и затрагивает не только Дорлиорн, а весь наш мир, мы передадим сведения о вас другим странам континента и Лиге Четырех Миров. Это именно та ситуация, когда перед лицом серьезной внешней угрозы смыкаются единым фронтом прежние конкуренты, недоброжелатели, соперники. Наконец, армия у нас мощная по сравнению с вашими агентами, к тому же безусловно не военными. Не знаю ваших возможностей, но вряд ли они н а м н о г о превосходят наши. К тому же... Если у вас есть только один проход в наш мир, Балкон, вы заведомо проигрываете в военном отношении...

— А вот в чем-то другом можете проиграть как раз вы, — сказал Сварог и улыбнулся насколько мог обаятельно. — Что, если в один далеко не прекрасный день в ваши глобальные компьютерные сети хлынут неведомо откуда полчища вирусов и нанесут непоправимый ущерб? Очень уж многое у вас компьютеризовано — и наличие «локалок» ничего не поправит...

Замолчал и спокойно закурил. Прошло с полминуты, потом Гарн ответил не без хорошо скрытого волнения:

— Ну что же... Выяснилось, что мы с вами способны причинить друг другу, скажем деликатно, серьезные хлопоты... Так не выгоднее ли договориться миром?

— Что вы под этим понимаете?

— Переговоры, — сказал Гарн. — Обстоятельные, не просто на высоком, а на высшем уровне. Кстати, наш президент к ним готов. Кто у вас является «номером первым»? Ответив, вы не выдадите таких секретов, которыми мы можем воспользоваться. Монарх? Президент? Премьер? Что-то еще?

— Президент, — преспокойно соврал Сварог. — Премьер на вторых ролях, парламент тоже не всемогущ. Н а ш президент пока не высказывал намерения вести переговоры, но готов и к такому варианту развития событий.

Гарн сказал твердо:

— Я вынужден выдвинуть некие условия, соблюдения которых мы намерены требовать без малейших уступок. П р о с т о явившейся к нам делегации веры не будет никакой. Мы в неравном положении — вы, конечно, знаете в лицо наших политиков, а вот мы ваших — ни одного. Где гарантия, что это будут настоящие высокопоставленные политики, а не изображающие таковых разведчики? Ведь резонно?

— Резонно, — согласился Сварог. — И что же вы предлагаете? Есть какой-то выход из тупика?

— Есть, — сказал Гари. — Благо никакой это не тупик. Условия простые: прежде чем начать переговоры, мы отправим в ваш мир делегацию. Состоящую сплошь из людей, владеющих Древним Ветром, — уж им-то, вы, несомненно, в курсе, вы никак не сможете заморочить голову, отвести глаза, обмануть... Он и увидят ваш мир именно таким, какой он есть. Постараются немного его изучить — ну конечно, не станут совать нос в ваши секреты. Думаю, это будет справедливо? В конце концов, вы ведете разведку у нас полтора года... И после заключения этой делегации можно будет начинать переговоры.

— Этого никак нельзя допустить, — сказала Яна по-русски. — Обладатели Древнего Ветра на Нашей Стороне будут абсолютно неуязвимы.

— Сам знаю, — ответил Сварог. — Не беспокойся, предоставь все мне, уже есть задумки...

Навостривший уши Гарн понятиливо кивнул:

— Да, вновь тот самый язык... Мы уже фиксировали пару раз ваши разговоры на нем. Лингвисты, увы, так его пока что и не расшифровали, говорят — мало исходного материала.

— Это обстоятельство чему-то мешает? — небрежно спросил Сварог.

— Ничему, — сказал Гарн. — Вполне естественно, что язык у вас другой. У нас тоже когда-то были разные языки, но лет пятьсот как слились в единый... Итак? У вас есть полномочия уже сейчас вносить какие-то предложения, как вношу их я?

Повернувшись к Яне, Сварог спросил опять-таки по-русски:

— Я ему навешаю лапшу на уши?

Вместе со знанием русского Яна обрела и знание жаргонных словечек (и, что печальнее, маты-перематы), так что поняла Сварога без труда. Преспокойно ответила:

— Конечно. У тебя же большие права в Проекте, ты куратор от моего Кабинета, то есть от меня, многое можешь решать сам. Лишь бы это выглядело достаточно убедительно.

— Будет выглядеть, — сказал Сварог. — Уже есть идеи... — повернулся к Гарну: — Ну что ж... Определенные полномочия у меня есть. Имею некоторое отношение к руководству Проекта. Еще один секрет, знание которого вам не дает ни выгод, ни преимуществ — я генерал разведслужбы. Увы, вам придется поверить на слово, у меня, в отличие от вас, нет должных документов...

— В принципе, я верю, — кивнул Гарн. — Есть в вас нечто... Я бы сказал, спокойная властность человека, не один год просидевшего в генеральском кресле.

«И на троне, да не на одном», — мысленно дополнил Сварог с мысленной же ухмылочкой.

— Насколько я понимаю, далеретта Миэлла — ваш ближайший помощник и тоже состоит в немалом чине, полученном исключительно за деловые заслуги?

— Вот именно, — сказал Сварог. — Как обладательница Древнего Ветра — из наших доверенных. А потому, несмотря на молодость, уже полковник.

Самое забавное, что он сейчас нисколько не врал — он и в самом деле согласно одной из должностей был генералом разведслужбы, а Яна согласно старинной традиции — полковник своей роты лейб-гвардии и двух особо привилегированных гвардейских полков.

— Ваши условия резонны, — продолжал Сварог. — Естественно, вы хотите получить гарантии того, что игра будет честной. Ничего не возразишь, я на вашем месте примерно так и действовал бы... Положение таково: полномочия у меня обширные, но окончательное решение будет принимать совет Проекта во главе с президентом. Подозреваю, у вас обстоит точно так

же. Очень уж наши миры похожи, у вас наверняка при осуществлении секретных проектов используются примерно те же методики, что и у нас...

— Да, все, о чем вы говорили, и у нас присутствует...

— Поэтому вы прекрасно понимаете: мне придется составить обстоятельный доклад руководству проекта, лично доложить президенту. Это займет какое-то время.

— Я понимаю, — кивнул Гарн.

Сварог придал себе самый сокрушенный вид, на какой только был способен, и заговорил исполненной некоей неприкрытой грусти голосом:

— К великому моему сожалению, есть одно существеннейшее обстоятельство, которое затян timer окончательное решение вопроса... У нас в скором времени предстоят президентские выборы. Предвыборная кампания стартовала вчера. Вам ведь не нужно объяснять, что это такое? Что предстоит?

Гарн усмехнулся (именно усмехнулся, а не улыбнулся):

— Прекрасно представляю. Какое-то время политики и высшее руководство будут всецело поглощены одной-единственной проблемой... Какое? У нас президентская предвыборная кампания занимает месяц с несколькими днями.

— Везет вам, право, говорю как спецслужбист спецслужбисту, — усмехнулся и Сварог. — У нас — два месяца с несколькими днями (он как нельзя более кстати вспомнил о системе выборов в США и решил, что не грех именно эти знания применить). Такова уж наша система, гораздо сложнее вашей. У вас народ избирает непосредственно президента — ну, возможен в некоторых случаях второй тур... У нас все сложнее. Два этапа. Сначала проходит голосование в каждой провинции. Избираются несколько выборщиков — представители кандидата, получившего в данной провинции большинство голосов. Ну, а потом уже собрание выборщиков определяет президента. Процесс этот происходит

не автоматически — всегда бывают подковерные интриги, закулисные торги, часть выборщиков имеет право изменить позицию, что нашей конституцией не запрещено. В подробности я вдаваться не буду, они сейчас несущественны, да и вам они наверняка знакомы. Я не интересовался деталями ваших выборов, но крепко подозреваю, что закулисных интриг хватает и у вас...

— Складывать некуда, — с той же ухмылочкой сказал Гарн.

— Вот видите... — сказал Сварог. — Вы должны прекрасно понимать: даже если бы наш президент есть и спать не мог от горячего желания как можно быстрее начать с вами переговоры, он на два с лишним месяца будет сосредоточен на одной-единственной цели: остаться на второй срок. И ни на что, абсолютно ни на что другое отвлекаться не будет, не сможет себе этого позволить. — Он подпустил в голос доверительно: — Как и я, как и многие другие. Обстоятельства, знаете ли... Два соперника президента на выборах — мелочь политическая, заведомо непроходные фигуры. А вот третий... Можно сказать, они с президентом пойдут голова в голову. Я тоже буду вынужден на это время забросить все свои здешние дела. Если президент проиграет, мы вынуждены будем дать его преемнику всю информацию о Проекте — который сейчас сохраняется от него в тайне, он всего-навсего лидер фракции в парламенте, пусть и крупной. Более того... Своего поста в разведке я вряд ли лишусь, — он усмехнулся со здоровым цинизмом. — Прочно сижу, так просто не скovyрнешь... А вот из руководства Проекта меня убьют очень быстро. Вообще, не сомневаюсь, руководство Проекта сменят полностью, за исключением ученых экспертов. Оно, как вы, может быть, догадываетесь, состоит исключительно из людей президента, а его преемник обязательно постарается отдать столь серьезный Проект в руки своей команды. Вы же понимаете...

— Прекрасно понимаю, — кивнул Гарн. — Эти политики... Я не сторонник какой бы то ни было диктатуры, но порой парламентская демократия, выборы и прочий разгул свобод лишь вредят делу...

— Рад, что вы понимаете, — сказал Сварог. — В общем, где-то два месяца с неделей все у нас будут заняты одним... Лишь бы ваше начальство поняло ситуацию должным образом...

— Я думаю, поймет... — раздумчиво произнес Гарн. — Все почти то же самое...

— Я думаю, наши люди смогут в течение этого срока нормально работать по-прежнему?

— Я полагаю, на это пойдут, — кивнул Гарн. — Но хочу сразу предупредить вот о чем... Если вы вдруг начнете массовую эвакуацию ваших людей, у нас это непременно расценят как попытку вести нечестную игру, и могут быть пущены в ход те меры, о которых я говорил...

— Никакой массовой эвакуации не будет, — твердо сказал Сварог. — Мы пришли н а д о л г о. И, коли уж дело обернулось именно так, склонны идти на переговоры. — Для пущей надежности он добавил: — Конечно, ситуация эта не означает, что я в о в с е перестану интересоваться здешними делами. Здесь остаются мои особо доверенные люди... Вы можете дать какие-нибудь засекреченные телефоны, по которым с вами при нужде можно будет быстро связаться?

— Конечно. — Гарн двумя пальцами извлек из нагрудного кармана некое подобие визитной карточки. — Здесь два моих номера и два — дежурных, обязанных немедленно меня уведомить, если начнут искать по этим номерам. Пусть назовутся мастерами по ремонту балконов — нехитрый код, но надежный. Полагаю, мы все обговорили? У вас не так уж много времени до самолета...

Проводив его в прихожую и закрыв за ним дверь, Сварог еще какое-то время постоял, принимая доклады неустанно патрулировавших Золотых Шмелей. Все было в порядке: Гарн сел в машину, и она отъехала, в окрестностях по-прежнему никакого подозрительного шевеления, никакого перемещения, способного сойти за маневры штурмовых групп.

Вернувшись в гостиную, он предупредил с порога:

— Яночка, пока не сядем в самолет, говорим исключительно по-русски. Мало ли какую подслушку они могли придумать...

— Я понимаю. Ты всю эту убедительную ерунду импровизировал на ходу?

— Ага, — сказал Сварог.

— Ну, ты молоток... — покрутила она головой. — В который раз приходится быть тобой очарованной и восхищенной.

Сварог фыркнул:

— Посидела бы на троне в моих королевствах — и не тому бы научилась... Он поверил?

— В значительной степени. Легкое недоверие осталось, но, по-моему, это уже чисто профессиональная черта. Во-первых, ему очень х о ч е т с я верить, что дело кончится миром. Во-вторых, та залепуха, что ты ему преподнес, во многом согласуется с их реалиями... Что ты улыбаешься?

— Яночка, я тебе как-то уже говорил... Ты сплошь и рядом, когда изъясняешься по-русски, употребляешь и вульгарные словечки, и ругательства...

— С кем поведешься, от того и наберешься, — сказала Яна с мимолетной улыбкой. — Язык я взяла у тебя, не у кого-то другого... — Она стала серьезной. — Значит, вот так? Тянем время?

— Самая выгодная для нас тактика, — кивнул Сварог. — Два месяца... и, скажем, неделю мы уже отыграли. Остается месяц с небольшим. Придумаем

что-нибудь еще. Думается мне, нужно не устраивать долгие переговоры, в этом случае они могут потерять терпение. А допустить к нам обладателей Древнего Ветра нельзя...

— Никак нельзя, — сказала Яна. — Гарн прав: мы никак не сможем на них воздействовать, как они здесь не в состоянии воздействовать на меня. И они очень быстро разберутся в наших реалиях. После чего здешние могут повести себя абсолютно непредсказуемо... Кстати, всеобщая эвакуация наших людей достаточно проработана? Я как-то не интересовалась еще, не до того было.

— Все проработано, — сказал Сварог. — Базовый вариант, теперь, в свете последних событий, придется отвергнуть, но есть два столь же проработанных запасных, и ни одному они не в состоянии помешать. Чтобы их раньше времени не вспугнуть, эвакуация намечена за сутки до того, как объявится Багряная Звезда. А что до этого месяца с небольшим... Ты права, не стоит затягивать все посредством «долгих переговоров». Придется пустить в ход именно что вариант «победившего соперника». О чем я с превеликой грустью и сообщу Гарну, явившись сюда самолично. Последует «смена руководства Проекта», «новое» — и «новый президент» будут осваиваться в ситуации, принимать какие-то решения, к тому же, как у всяких победителей, в такой ситуации у них будет масса других, более насущных забот и хлопот... Пожалуй, мы д о т я н е м. Даже если у них и останется какой-то запас времени, они просто не успеют ничего предпринять... да и что они смогут предпринять? Если наши люди будут эвакуированы, а большая часть аппаратуры в резиденции уничтожена? Через «завесу» они к нам могут попасть только голыми, с пустыми руками, а это не угроза, это даже не смешно... Вот кстати! Гарн придержал в рукаве кое-какие козырные

тузы, как игроку его полета и подобает. Он ни словечком не упомянул о том эксперименте, когда ребята Родрика к нам притащили здешнего голого. А ведь должен знать, их спутник за балконом бдит круглосуточно. Впрочем, это неважно... Сколько у нас осталось до отъезда? Ага, минут сорок... Есть еще время кое-что обсудить заранее... Ты ведь сказала, что права у меня большие во всем, что касается Проекта?

— Конечно.

— Так вот, я твердо намерен и з ъ я т ь и Гарна. Как и других намеченных, чуть ли не в самый последний момент. На большую Историю это вряд ли повлияет: три столетия Хаоса слишком многое поглотят и сгладят... Соображения самые практические: он шесть лет возглавляет СД, должен чертовски много знать о том, чего мы ни за что не раздобудем компьютерным поиском. Кажется, у него есть семья... Ну, вывезем и семью. Методика уже рассчитала на тех девятых.

— Как решишь, — пожала плечами Яна.

— А вот на д р у г о е изъятие, пожалуй, придется просить твоего разрешения... — Сварог взял со столика оставленный Гарном журнал (по поводу которого он твердо решил, что прикажет Родрику его отсканировать и отправить на Нашу Сторону — ну, в чисто эстетических целях). — Вилорена Тагераш... точнее, с некоторых пор Вилорена Рейт. Вероятнее всего, не твой предок по прямой линии, но уж несомненно твоя двоюродная или троюродная бабушка с длиннейшей приставкой из «пра». Я собираюсь и ее вытащить. Мотивы... Как бы тебе объяснить... Мне невыносимо будет знать, что погибла девушка, как две капли воды похожая на тебя.

Он не стал говорить (и никогда не скажет), что однажды видел своими глазами мертвую не просто девушку, как две капли воды похожую на Яну, не просто родственницу-прапрабабушку — с а м у Яну, жившую

в одной из Соседних Страниц. В т о р о й раз пережить почти то же самое было бы и в самом деле мучительно.

— Мне и самой как-то не хочется, чтобы она погибла, — сказала Яна, взяла журнал со столика и долго разглядывала обложку. — Вылитая я, к тому же прапрабабушка — будем уж для краткости ее так называть. Вот только... Ты уверен, что отец все же не станет ее спасать?

— Совершенно уверен, — сказал Сварог. — Все, что я о нем от Гарна услышал, позволяет думать, что кое в чем он нисколько не отличается от упертых дворян в моих королевствах, помешанных на чести, старинном этикете и фамильных традициях. Ты с ними практически не общалась, а вот мне нередко приходилось, крайне специфическая публика, знаешь ли. Не знает ни полумер, ни компромиссов, ни человеческой жалости — в случаях вроде этого. Уж коли он ее по всем правилам проклял, отрекся, лишил герба и пытался лишить фамилии — она для него все равно что умерла. В жизни не слышал, чтобы земные блюстители фамильной чести давали задний ход. Вряд ли он и знает ее нынешний адрес...

— Но все равно, есть вероятность... Перед лицом такого катаклизма может и смягчиться...

— Вот только о катаклизме узнает не раньше, чем он разразится, — сказал Сварог. — Тебе ведь докладывали, ты должна знать... Багряная Звезда их нисколько не встревожила. Те астрономы, что ее все же засекли, считают обыкновенным небольшим метеоритом, который пусть и пройдет в опасной близости, но атмосферу не заденет. Если они наконец поймут, что здесь что-то не то, и начнут пускать в нее ракеты, это случится слишком поздно, да и никакие ракеты ее не остановят — у н а с мы ее ничем не смогли остановить даже несказанно более мощным оружием. Ну, а когда

Шторм г р я н е т, после него будет просто нереально найти на земле, в царящем там хаосе, конкретного человека. Ну конечно, для пущей надежности мы ее изыщем в с а м ы й последний момент. Судя по всему, Багряная Звезда уже не изменит скорости, мы рассчитали время, когда она войдет в атмосферу с точностью едва ли не до минут. Я заранее поставлю за ней наблюдение, а потом пошлю Брагерта с Родриком и парочку таких же сорвиголов. Такое дело им будет только по вкусу. Риск, конечно, есть, но не особенно большой. Они полетят не на здешнем самолетике, а на замаскированной под него вимане — мы ее сделаем там и увеличим здесь, с орбитами это прекрасно работает. В самый последний момент, когда Шторм будет гнаться едва не по пятам... И все же твое разрешение думается мне, в данном случае необходимо...

— Вот только как мы ее у н а с устроим... — задумчиво сказала Яна. — Девушка, как две капли воды похожая на меня...

— Что-нибудь придумаем, — сказал Сварог. — Времени достаточно.

— Тогда действуй, — сказала Яна. — В конце концов, это моя прабабушка, да к тому же похожа так, что отличить невозможно... что ты как-то загадочно ухмыляешься?

Сварог кивнул на столик с журналом:

— Теперь я, кажется, поднимаю, откуда берут начало некоторые... проказы императрицы Агнеш и твои. Это у вас наследственное...

Яна сделала вид, что собирается швырнуть в него журналом.

— Не порть памятники культуры прошлого, — сказал Сварог.

Яна лукаво прищурилась:

— А что, если и мне как-нибудь вот так же сняться? Ну, понятно, исключительно для себя... И для тебя, конечно.

— Говорю же, это у вас наследственное, — ухмыльнулся Сварог...

— Но ведь красиво, согласись? Ни капли порнографии.

— Кто ж спорит, — сказал он. — Ничего не имею против, в свободную минутку мы к этой идее вернемся... А сейчас, пожалуй что, пора собираться. Мы еще кофе успеем в аэропорту выпить...

...Д о м о й они попали часа через полтора. Как порой случалось и здесь, и на Земле, с того момента, когда они вышли из домика с невеликими сумками, и до минуты, когда их самолетик приземлился в Саваджо, прошло гораздо меньше времени, чем понадобилось присланной за ними машине, чтобы добраться до резиденции. Это на курорте толстосумы позаботились о собственных удобствах и аэропорт для своих самолетов построили буквально в десяти минутах езды до роскошного поселка из небольших уютнейших домиков. В Саваджо все три частных аэродрома размещались на окраине в противоположном от резиденции конце города.

Все проходило, как обычно: они подошли к балкону, опустили лестницу и поднялись, беспрепятственно миновав «завесу», в свой мир. Переоделись в костюмы, не способные удивить никого во дворце, и вышли в коридор. Его давным-давно перегородили уже капитальной стеной с солидной дверью — по эту сторону дежурили двое спецназовцев из девятого стола, а по ту стоял на страже гланский гвардеец, ни во что не посвященный и веривший, как его сменщики, что прилежно сохраняет «алхимическую лабораторию короля».

Они вышли в Сапфировый коридор. Слева, у колонны, помещался лакей в раззолоченной ливрее с шитьем на левом предплечье, означавшим, что он состоит при личных королевских покоях, — а вот справа, у колонны, расхаживал Интагар с озабоченным лицом, при виде Сварога прямо-таки воспрянувший.

— Подожди-ка... — сказал Сварог Яне и быстрыми шагами направился к верному бульдогу. (Интагар знал, когда они должны вернуться, и коли уж дожидался у двери, что-то серьезное произошло...)

— Ну наконец-то, ваше величество!

— Докладывайте быстро и коротко, — распорядился Сварог. — Что-то ведь случилось?

— Вот именно...

Он посунулся к уху Сварога и прошептал одну короткую фразу. Выслушав его, Сварог энергичным жестом подозвал лакея и в полный голос распорядился:

— Моего коня! КORTEЖ ликторов! Живо!

Чувствуя, как цепенеет лицо, становясь застывшей маской, он вернулся к Яне и сказал, не узнавая собственного голоса:

— Я уеду ненадолго, ты располагайся...

Она глянула озабоченно:

— Что-то случилось?

— Грельфи умирает... — сказал Сварог.

И быстрыми шагами направился к лестнице, не отвечая на поклоны придворных, несмотря на ранний час уже появившихся во дворце.

За высокими стрельчатыми окнами стояло ясное солнечное утро.

Глава VII

ПОТЕРИ И ЗАГАДКИ

Копыта гремели по гранитной мостовой. Семь ликторов, как всегда, ухитряясь опережать на несколько корпусов, неслись впереди клином, хриплый рев бронзовых буцин форменным образом разбрасывал к обочинам всадников, повозки, экипажи. Сварог пустил Рыжика карьером, пригнувшись к длинной конской гриве, в свою очередь, на добрый корпус опережая четырех ратагайцев во главе с Барутой.

Возле нужного поворота он не без труда умерил бег разогнавшегося коня, свернул на неширокую улочку вслед за ликторами, уже даже не галопом, крупной рысью проехал мимо лавок и невысоких, этажа в три, жилых домов. Въехал в высокие распахнутые ажурные ворота — два привратника проворно отскочили в стороны — рысью двинулся по аллее изрядно запущенного парка. Несколько раз предлагал прислать сюда дворцовых садовников и навести благолепие, но Грельфи всякий раз отвечала: именно такая запущенность ей по душе, чем меньше

кирпича, черепицы и всякого такого прочего, тем ей здесь уютнее. В конце концов он привык и более не настаивал.

Вовремя пригнулся, увидев опасно нависший над аллеей сук, — еще неделю назад его не было, кренился дерево, срубить пора, пока не упало... Все равно сухая толстая ветка сбила с него бадагар. Сварог и не подумал останавливаться. Спрыгнул с коня на за-
дах к о н т о р ы, у неширокого каменного крыльца с тронутыми ржавчиной коваными железными перилами, чертовски старыми — Грельфи и эта ржавчина была по душе, красить перила она не давала...

Взбежал по лестнице, распахнул дверь и оказался в небольшой прихожей, обитой потемневшими от времени деревянными панелями с нехитрой старинной резьбой. Увидел стоящих у окна отца Алкеса, в своей всегдашней темно-коричневой мантии с крестом Едино-го на груди и молодого человека в плаще и берете Сословия Чаши и Ланцета. Спросил отрывисто:

— Что?

— Она примирилась с Господом, — сказал отец Алкес. — Теперь не отойдет нераскаянной душой...

Сварог нетерпеливо повернулся к врачу — не земному лекарю, а одному из постоянно приставленных к Грельфи с некоторых пор врачей восьмого департамента:

— Что там?

Врач с чуточку растерянным, такое впечатление, видом пожал плечами:

— Право же, я немного теряюсь... Не могу поставить диагноз, такое со мной впервые... — Он помедлил, потом все же решился: — Возможно, это и ненаучно, но я не в силах отделаться от впечатления, что она просто-напросто не х о ч е т больше жить... она у х о д и т...

Сварог уже взбежал на второй этаж по узкой витой лестнице. Распахнул дверь так, что она ударилась

о стену, вошел в небольшую спальню Грельфи. Старая колдунья лежала на постели у окна под излюбленным ею цветастым лоскутным одеялом. Попахивало лекарствами — столик рядом с кроватью был уставлен склянками — в точности такими, что пользовали земные лекари, вот только снадобья там были не земные...

В изголовье на табурете примостилась сиделка, пожилая монахиня-виталинка в серой рясе и темно-синем платке — на сей раз настоящая земная монахиня, без всяких маскардов. Нетерпеливым властным жестом отправив ее за дверь, Сварог уселся на ее табурет и, стараясь, чтобы его голос звучал бодро, сказал:

— Что тут стряслось? Нашли время болеть, уважаемая. На носу новые хлопоты, а вам слечь вздумалось...

— Дурень ты все же, твое величество, — отозвалась Грельфи. — Что поделаешь, если срок подошел...

Сварог собрал в кулак все самообладание, чтобы выглядеть спокойным. За ту неделю, что они не виделись, Грельфи изменилась до неузнаваемости: обтянутое кожей лицо напоминало лицо мумии, щеки ввалились, глаза запали. Правда, взгляд остался прежним — умным, пытливым, не лишенным властности и непреклонности. И голос остался прежним, разве что звучал тише.

— Все обойдется, — сказал Сварог. — Я вызвал врачей, они уже летят...

Грельфи чуть приподняла голову:

— Разверни их назад, дубина стоеросовая. Все равно ничем не помогут — что бы ни делали, а срок подошел. У нас в семье всегда точно знали, сколько жизни отмерено — как на ювелирных весах. И проживу я ровнешенько столько, сколько отведено. Как бы твои врачи ни извращались. Разверни их, кому говорю! Зачем людей попусту от дела отрывать?

В ее голосе, пусть ослабевшем, было столько упорства и уверенности в своей правоте, что Сварог, скрепя сердце, смирился с неизбежным. Поднял ко рту браслет и приказал медикам возвращаться назад.

— Так-то лучше, — сказала Грельфи, внимательно слушавшая разговор. — Я тебе никогда не врала и теперь не вру: ничего бы они не добились, только опаскудили бы мне последние минуты своей дурацкой возней и высокой наукой... — Она повернула голову, не открывая затылка от подушки, окинула презрительным взглядом склянки, теснившиеся на столике, как зеваки на пожаре. — В том шкафчике, что справа — бутылка «Кабаньей крови» — на свои деньги куплено, не на казенные... Налей мне добрую чарку, теперь уже все равно. И себе плесни, если хочешь, я пикета не держу...

Сходив к шкафчику, Сварог принес бутылку и две серебряных чарки. Грельфи чуть приподнялась, выпростала из-под одеяла исхудавшую руку, больше похожую на птичью лапу, цепко ухватила чарку. Сварог помог старухе поднести ее к губам и бережно придерживал, пока она не осушила до дна. Налил себе до краев и проглотил, как воду, не чувствуя вкуса и букета.

— Очень мне не хочется тебя оставлять без присмотра, дурня, — сказала Грельфи, чуть-чуть раскрасневшись после доброго вина. — Тебе, чует мое сердце, еще столько хлопот и невзгод уготовано... Но что ж поделать, если срок подошел... Ты вот что... Не вздумай меня хоронить пышно — скромненько все сделай. И не вздумай ставить монумент какой, наподобие того, что Странной Компании воздвиг, — а то у тебя хватит ума... Они-то, ничего не скажешь, монумент заслужили, и величественнее чем тобой поставленный. А я вот — нет. Много лет прожила п у т а н о, только в последние годы жить начала п р а в и л ь н о — из-за тебя ведь, орясина, в первую голову... Ладно, на мне белый свет клином не сошелся, у тебя и без меня останутся толковые сподвиж-

ники. Что еще? Вердиану не отталкивай — она девочка добрая, жизнь ее п о ж е в а л а так, как не с каждым в ее невеликие года случается. Котику моему не дай пропасть, ему еще жить да жить. Департамент мой не вздумай разгонять, а вместо меня поставь киларна Гилема, он, я уже убедилась, дело знает, и польза от него будет нешуточная... Яне от меня кланяйся, поблагодари — не приюти она меня в свое время, еще неизвестно, чем для меня на земле кончилось бы. Ребеночка бы вам... — Она облизнула пересохшие губы, невероятно бледные. — Все вроде бы, ничего не забыла. Особенно-то с последней волей рассусоливать и нечего... Наклонись.

Сварог склонился к ней, не почувствовав того запаха болезни или смерти, что частенько исходит от умирающих. Глядя ему в глаза, Грельфи четко произнесла:

— Нигде ведь не написано, что Гремилькар непременно должен быть мужеска пола...

И уронила голову на подушку. В следующий миг ее глаза стали гаснуть, тускнеть. Все произошло очень быстро — словно задули свечу. Какие-то мгновения — и она лежала неподвижная, вытянувшаяся, уставя в потолок невидящий взгляд. Постояв немного над постелью, Сварог деревянными шагами спустился вниз, отмахнулся от посунувшегося к нему врача, вышел на лестницу и, наплевав на королевское достоинство, сел на нижнюю ступеньку, уже немного нагретую восходящим солнышком. Уронил руки меж колен, понурил голову. Осторожно приблизился племянник Баруты, почтительно подал бадагар. Небрежно его нахлобучив, Сварог так и сидел, не видя и не слыша ничего вокруг.

Как часто бывает, печаль и тоску оттеснили холодные деловые мысли — в первую очередь кружившие вокруг последних слов Грельфи.

В самом деле, нигде не написано, какого пола Гремилькар. Как ничего не написано о его облике (монстр? человек? что-то еще?), о его возможностях, способностях,

образе действий. Всего несколько строчек — однажды он может и появиться, попытается уничтожить Серого Ферзя. И это все о нем... Если допустить, что он и впрямь не обязательно должен оказаться «мужеска пола»...

Не было ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего озарение. Просто-напросто оформились в четкую версию смутные размышления, подозрения, раздумья о странностях...

Очаровательная Дали?! А почему бы и нет — как одна из возможных кандидатур. Появилась словно бы ниоткуда, с кучей неизвестно откуда взявшихся денег, черной магией не владеет — но нигде не сказано, что Гремилкар умеет ею владеть. Магическими способностями в р о д е б ы не обладает — н о з а к р ы т а н аглухо от магических вторжений со стороны, обладает интересной способностью поглощать магические посылы... В любом случае — создание незаурядное. Ничего не утверждая определенно, следует все же внести ее в список возможных кандидатов на роль Гремилкара — состоящий пока что из нее одной. В конце концов, она под круглосуточным неусыпным наблюдением, и пока что — ни одного подозрительного поступка, ни одного подозрительного словечка. Орк, правда, в конце концов с ней все же расстался, покинул Шалуат и болтается сейчас по Каталауну — по недостоверной информации, вроде бы пытается выяснить, как можно вступить в контакт с Лесной Девой. Если это правда, непонятно, зачем она ему понадобилась, — ну, некоторые эскапады Орка объяснения не получили до сих пор. Одно можно утверждать точно: разрыва с Дали не случилось, прощались они с прежним пылом...

Сварог поднял голову. В нескольких шагах от крыльца стоял в выжидательной позе (лишенной и подобострастия, и страха) седой старик, чем-то неуловимо напоминавший фельдмаршала Суворова: в солидных годах, но ни тени дряхлости, подтянутый, крепкий,

жилистый. Тот самый Гилем, киларн, то есть деревенский каталунский колдун, не так давно разысканный Грельфи и приставленный к делу.

— Подойдите ближе, — королевским голосом распорядился Сварог. — Киларн Гилем, я так понимаю? Ну что же, мы остались без Грельфи... Вам придется возглавить департамент. Она так хотела, а я привык полагаться на ее мнение... Согласны?

— Придется, ваше величество, — ответил Гилем со свойственным каталаунцам полным отсутствием угодливости. — Дело нужное, бросить его никак не годится...

— Ну, тогда принимайте дела, или как там это называть, — сказал Сварог. — Сколько вам понадобится времени?

— Думаю, день до вечера, ваше величество.

— Отлично, — сказал Сварог. — Я в ближайшее время буду чертовски занят, но непременно с вами свяжусь, как только появится возможность... Идите. Да, насчет похорон... Я пришлю человека, он все устроит...

Гилем поклонился и, деликатно обойдя Сварога, вошел в дом. Сварог сунул руку в карман, почувствовав вибрацию «портсигара». Прочитав сообщение, вскочил на ноги и махнул рукой, чтобы ему подвели коня.

Наконец-то последовал срочный вызов от Канцлера, которого Сварог ждал с той самой минуты, как вернулся с Той Стороны: самая пора полностью доработать планы — завтра в полдень начнется Агора...

...Похоже было, что Канцлер с трудом скрывает нетерпение. Сварог его прекрасно понимал: в зале совещаний уже с квадранс как ожидали все, кто входил в «кризисный штаб»: гвардейские генералы и полковники, спецслужбисты, профессор Марлок, Элкон, отвечавшие за связь и боевые орбиталы люди, несколько специалистов в самых разных областях.

А Яна медлила, полное впечатление, думала о чем-то своем. Наконец она стряхнула отрешенность, встала. Сказала уверенным тоном:

— Я на совещание не пойду. Там не будет дискуссий и диспутов, для которых я бы требовалась в роли арбитра, наделенного правом выносить окончательные решения. В разработке таких планов вы все разбираетесь гораздо лучше меня, так что я с ним ознакомлюсь, когда он будет готов. Не думаю, что мне придется вносить какие-то поправки... а вот я должна сейчас одну крайне существенную поправку внести. Заранее. Господа, при разработке плана не учитывайте роты лейб-гвардии — и мою, и любезно предоставленные мне в полное распоряжение обоими моими дядьями. У меня на их счет свои планы. И даже более того: у меня готов план с о е й операции, которую я намерена провести непосредственно перед вашей... если только у вас будет необходимость ее начать. У меня-то точно такая необходимость будет. — Она решительным жестом подняла руку. — Никаких вопросов, Канцлер. Это мое дело, и только мое. Слово чести, это не взбалмошная выходка — необходимая мера. Потом сами убедитесь...

Она направилась было к двери. Остановилась, обернулась. Улыбнулась не особенно весело, но и никак не печально:

— Да, вот что еще, Канцлер: когда я уйду, не набрасывайтесь с расспросами на лорда Сварога. В э т о т р а з я ему абсолютно ничего о своих планах не рассказала, он в таком же неведении, как и вы. Желаю удачи! Следуя вашему совету, улетаю в Хелльстад.

Когда дверь кабинета Канцлера закрылась за ней, Канцлер и Сварог чуть оторопело уставились друг на друга.

— Сюрпризы в самый последний момент... — протянул Канцлер. — Не беспокойтесь, я верю, что вы ничегошеньки не знаете. Она ни за что не стала бы лгать,

коли уж дала слово чести. Но какво! Некий собственный план, который непременно должен предшествовать нашему, три роты лейб-гвардии... У вас есть какие-нибудь соображения? У меня, признаюсь, никаких. Вы ее знаете лучше...

— Мне казалось, лучше знаете ее как раз вы — с младенчества.

— Крупно ошибались, если так думали, — вздохнул Канцлер. — Я всего-навсего знаю ее д о л ь ш е, а это разные вещи. Вы, как близкий человек, должны знать ее лучше. Итак?

— Не знаю даже, что и сказать, — пожал плечами Сварог. — В одном не сомневаюсь: во всем, что касается серьезных дел, она давно покончила с любыми взбалмошностями. Вы ведь в этом не сомневаетесь?

— Не сомневаюсь, — угрюмо бросил Канцлер.

Сварог сказал медленно:

— Если попытаться подыскать объяснения... Вполне возможно, она задумала что-то такое, в чем мы ей ровным счетом ничем не способны помочь. Потому она и не хочет грузить нас лишней информацией, по ее мнению, совершенно нам сейчас ненужной. В чем, быть может, совершенно права...

— Что-то в этом есть... — задумчиво сказал Канцлер. — Как ни ломаю голову, не могу доискаться, что она задумала...

— Ну, я тоже, — сказал Сварог. — Уж не связано ли это как-то с Древним Ветром? Она — единственная на планете, кто им владеет всецело. Но только я никак не могу сообразить, чем в нашей ситуации поможет Древний Ветер...

— Я тоже, — кивнул Канцлер. — Ну, пойдемте? Они там сгорают от нетерпения...

...Как часто случалось, Вентордеран стоял у самой границы Хелльстада, с некоторых пор не особенно много отнявшими сил трудами Сварога обозначен-

ной по всем правилам: через каждые пол-лиги — пограничные столбы, полосатые, в две краски, здешних геральдических цветов, украшенные обращенным к внешнему миру гербом Хелльстада. Несмотря на это, в Хелльстаде все еще объявлялись незваные гости, но организованная Сварогом (точнее, измененная и дополненная им) пограничная служба поступала с ними одинаково: за теми, в ком были основания подозревать искателей кладов, с самого начала следили неотступно — вполне могло оказаться, что у них есть сведения о неизвестных Сварогу кладах (коими Фаларен не интересовался совершенно, его богатое наследство просто-напросто не содержало каких-либо устройств, позволявших бы исследовать земные недра). Понятно, найди они клад, его у них моментально отобрали бы — это в других королевствах найденный клад делится пополам меж нашедшим и владельцем земли, а Сварог, когда, понукаемый Диамер-Сонирилом, составлял здешний кодекс законов, предусмотрительно вписал: все, что таится в недрах земных, является безраздельной королевской собственностью (правда, там было прописано и денежное вознаграждение нашедшему).

Увы, до сих пор ни одного клада незваные гости не откопали — и всякий раз, когда становилось ясно, что их усилия ни к чему не привели, а их карты оказались неточными или поддельными, их вышвыривали за границу, предварительно допросив и конфисковав все бумаги, если таковые имелись. Ну, а простых искателей приключений, заявлявшихся подраться с разными хелльстадскими обитателями или просто побродить по более-менее безопасным местам, чтобы потом хвастать перед дамами и собратями по классу («приключенцы» почти наперечет состояли из благородных ларов) вышибали едва ли не моментально — Сварог не собирался превращать Хелльстад в пристанище туристов и экскурсантов...

До ярко освещенного разноцветными фонарями крыльца Вентордерана Сварогу пришлось пройти несколько шагов. У верхней ступеньки, как и следовало ожидать, дежурил стоявший на задних лапах Мяус, тут же прилежно доложивший:

— Ваше величество, за время вашего отсутствия не произошло ничего, заслуживающего вашего внимания или вмешательства. Обычная ежедневная сводка происшествий готова. Ее величество пребывает в Аметистовой башенке.

— Мирно живем, спокойно живем... Это нормально, — проворчал Сварог себе под нос и сказал громче: — Благодарю за службу Мяус. Ночевать я не буду, часа через два улечу, а то и раньше...

И направился напрямик в Аметистовую башенку. Входная дверь никогда не запиралась изнутри, но он даже распорядился оборудовать звонок — чтобы у Яны были все основания считать башенку с в о и м владением. Вот и сейчас он положил ладонь на один из хрустальных медальонов справа от двери и, когда тот почти сразу же налился изумрудно-зеленым сиянием, вошел.

Яну он обнаружил в малой гостиной — в своем любимом халатике из золотистых кружев забралась с ногами в большое кресло, при виде Сварога закрыла толстую книгу, заложив страницу золотой закладкой в виде старинного меча, отложила ее на столик, улыбнулась Сварогу.

Он устало плюхнулся в другое кресло, вытянул ноги и закурил. Покопался в книге — ну разумеется... Толстый том в темно-красной обложке, рисунок, имя автора и название заключены в обрамленные рамками картинки — летящий воздушный пар, ракета, кит, еще много всякого. Так называемая «виньетка». А на рисунке — три мушкетера и д'Артаньян, весело шагающие по улице после очередной из побед

над кардинальскими супостатами, и один из них высоко поднял на всеобщее обозрение четыре трофейных шпаги.

Ага, вот именно. «Три мушкетера», изданные в год, когда он родился, — и книга, по которой он научился читать. Безукоризненная копия, ничем не отличавшаяся от оригинала.

И снова — Яна с ее уникальными умениями. С некоторых пор Сварог стал замечать, что из всего, оставленного на Земле, он сожалеет только об одном — о читанных прежде книгах, которые теперь хотелось бы перечитать. Как-то он поделился этой мыслью с Яной. Яна насмешливо фыркнула и легонько попрекнула за то, что молчал так долго...

В точности так, как извлекла из его памяти русский язык во всем его богатстве, от ученых терминов до солдатских матов, Яна проделала то же самое с книгами, и с содержанием, и с оформлением. Дальнейшее уже было делом техники — и на полке у Сварога встали десятка два книг.

Из любопытства и Яна принялась их читать. Те, что описывали современность, из которой пришел Сварог, и близкие к ней времена, у нее сразу же не пошли — она попросту не понимала, о чем идет речь. А вот романы Дюма и приключения капитана Блада осваивала с увлечением, почти не задавая вопросов, — то, что там описано, крайне напоминало хорошо ей знакомый нынешний Талар — brave гвардейцы и пираты, дуэли, любовные истории, интриги, погони, козни при королевских дворах...

Судя по закладке, она одолела добрую половину.

— Ну и как? — поинтересовался Сварог, кивнув на книгу.

— Увлекательно, — призналась Яна. — Интересно, в конце концов д'Артаньян и Констанция поженятся? Нет-нет, не вздумай рассказывать, читать будет неинтересно!

— Я и не собираюсь... — успокоил Сварог.

— Ну что? — спросила она уже гораздо серьезнее. — Составили план?

— Подробнейший, — ответил он. — С помощью компьютеров. Рассказывать?

— Конечно!

Он говорил около получаса. Яна слушала внимательно, за все время задала только два вопроса, и то о второстепенных деталях.

— Неплохо, — сказала она, выслушав до конца. — Комментировать и вносить исправления с предложениями по недостатку опыта не буду. Вам всем виднее. Я бы только напомнила, что порой идут вразнос самые проработанные планы...

— Мы все помним, — сказал Сварог. — Для шести «ключевых точек» есть запасные варианты, а на некоторые и по два — на случай, если случится сбой, если что-то пойдет не так... Рассказывать?

— Не надо, — сказала Яна, прямо-таки небрежно, словно отмахнулась. — Я профессионалам вполне доверяю...

Чем больше Сварог к ней приглядывался, тем больше убеждался: она выглядела с о в е р ш е н н о спокойной, ни тени волнения или тревоги. Хотя и Канцлер, многоопытный боец на фронтах всевозможных дворцовых интриг и борьбы с заговорами (или внезапно нагрянувшими серьезными напастями вроде Багряной Звезды и Радианта), сейчас порой недвусмысленно проявлял и беспокойство, и тревогу, и волнение — не говоря уж обо всех остальных, в том числе и Свароге. Очень уж серьезное предприятие ждало их всех завтра...

Да и Яна в поминавшихся случаях никогда не оставалась ни беспечной, ни бесстрастной. А сейчас она держалась совершенно иначе — такое впечатление, что заранее, без малейших сомнений, уверена в своей завтрашней безоговорочной победе. Легкомыслием

это никак не объяснить — во всем, что касается особо важных дел, она давно избавилась и от тени легкомыслия...

— Яночка, — осторожно сказал он. — Ты мне так и не расскажешь, что задумала?

— Уж извини, нет, — сказала она достаточно твердо. — Первый раз в жизни такое — и, надеюсь, в последний. Понимаешь... И ты, и кто бы то ни было из вас не способен мне абсолютно ничем помочь. К чему же вас сейчас грузить ненужными знаниями, когда у вас достаточно будет своих забот? Ты только пойми меня правильно. Я тебе доверяю, как никому другому, ты самый близкий мне человек, но тут чистой воды деловой прагматизм. Ты должен понять, ты сам такой...

— Да ладно, все я понимаю, — сказал Сварог и встал. — Увы, не могу остаться. Выполняю совет Канцлера, в иных случаях имеющий силу приказа, — как и ты. Тебе предписано ночевать сегодня в Хелльстаде, а мне — на земле...

Яна подошла вплотную, заглянула в глаза:

— Ты, правда, не обиделся?

— Глупости, Вита, — ответил он искренне. — Когда это я на тебя обижался? Все правильно: деловой прагматизм, я и сам такой... До завтра...

Легонько притянул ее к себе, поцеловал в щеку, бережно отстранил и пошел к двери, не оглядываясь — плохая примета, и здесь тоже...

Глава VIII

ИНТЕРМЕДИЯ С НОЧНЫМИ ТАНЦАМИ И НОЧНЫМИ ТВАРЯМИ

В зале, где обычно собиралась Ассамблея Боярышника, стоял полумрак. И оттого, что танец был медленным, и оттого, что проявила себя во всей красе беззастенчиво привезенная из империи Каниллой невиданная здесь новинка — цветомузыка. По стенам и потолку мигали, вытягивались цепочками, сплетались в сложные узоры и загадочные знаки, разноцветные огни, мерцали, проплывали сверху вниз и справа налево, и слева направо, и снизу вверх столь же яркие, блиставшие всеми цветами спектра фигуры, похожие то ли на колдовские замки, то ли на неведомые здесь иероглифы, — но ровным счетом ничего не означавшие. Первое время земные члены Ассамблеи довольно долго не танцевали, не занимались ни играми, ни флиртом — только стояли и, как замороженные, любовались невиданным прежде зрелищем. Потом малость пообвыклись. Собственно говоря, Канилла и этой

выходкой безбожно нарушала какой-то из мелких, третьестепенных законов Империи, касавшийся поведения ларов на земле, но к таким мелочам она относилась с восхитительным пренебрежением, сказавши Сварогу с лукавой улыбкой: цветомузыка не на площади играет огнями для всеобщего обозрения, а в закрытом для посторонних доме, для небольшого числа людей, не склонных болтать о том, что они здесь видели. И вряд ли Канцлер, даже если прознает, будет понимать шум из-за такой ерунды. Особенно если учесть, что его собственная дочка, вот уже полгода живущая во дворце своего земного друга графа из Латераны, привезла с собой кое-какую бытовую технику заоблачного производства...

Сварог считал, что она совершенно права — коли уж Канцлер (ну, в интересах дела) закрывал глаза и на вещи посерьезнее — компьютер у Интагара, замаскированные под земные самолеты виманы, еще кое-что...

Он танцевал с Вердианой — сам приглашать не стал бы, пожалуй, чтобы лишний раз оба не вспоминали об однажды случившемся на Сильване, но так уж вышло, что пригласила как раз она — когда Канилла объявила «белый танец», в силу символики некоторых цветов именовавшийся здесь «сапфировым». Сама, разумеется, напрямик пошла к Гаржаку, а Вердиана — к Сварогу. Не отказывать же было?

Музыка, богатством тонов неизмеримо превосходившая все, что могли дать земные музыкальные инструменты, была сочинена за облаками, а вот стихи, как здесь часто случалось, когда-то были написаны Асверусом:

*— Запомни этот миг, и молодой шиповник,
и на твоём плече прививку от него.*

*Я — вечный твой поэт и вечный твой любовник,
И больше — ничего...*

*Запомни этот миг, пока ты можешь помнить,
а через тыщу лет иль более того
ты вскрикнешь, и в тебя царапнется шиповник,
и — больше ничего...*

Вердиана, положив руки ему на плечи, размеренно колыхалась в ритме танца — и все время, закинув голову, неотрывно смотрела Сварогу в глаза. Это его чуточку обеспокоило (помнил, что однажды у Томи случился очередной *нахлыв*, и на сей раз объектом оказался именно он. К счастью, это потом прошло). Однако вскоре ему все сильнее стало казаться, что тут что-то другое — глаза Вердианы право же, были полны тревоги. Что обеспокоило его еще больше — неужели что-то случилось? Но что могло случиться? Герцог Латери, к радости не только Вердианы и многих от него зависимых, но и могильных червей, давненько уж пребывает ниже уровня земли, или, по немецкой пословице, смотрит, откуда растет картошка (пословицу как-то рассказал на больших совместных учениях знакомый капитан-десантник из ГДР). А с какой-либо другой стороны опасностей для нее не предвиделось никогда. В конце концов, что ей может грозить *здесь*? И если бы ей понадобилась помощь, непременно сказала бы, Сварог с нее давно взял обещание: немедленно обращаться к нему при любых житейских неприятностях. И все же ее глаза, сомнений нет, исполнены нешуточной тревоги...

Она за время танца так и не произнесла ни слова, только смотрела неотрывно большими красивыми глазами, полными нешуточной тревоги, — а он не стал пока что ничего спрашивать. Когда танец кончился, вспыхнул свет и цветомузыка погасла, стали выкатывать столик для очередной игры, какой-то новой, уставленный загадочными фигурками из черного дерева и хрусталя, дисками, разбитыми на разноцветные секто-

ры, стеклянными полушариями с разноцветными узорами. Все сгрудились вокруг него. Сварог, к подобным играм не питавший ни малейшего интереса, предался одному из своих любимых развлечений — устроился на диванчике в углу рядом со столиком, где красовалась вычурная бутылка «Золотого ревения».

С приятностью смотрел, как в бокал из марранского хрустала с наведенным золотом вензелем Вердианы и искусной гравировкой льется искрящаяся, золотисто-зеленая струя отличного вина. Наступила краткая передышка перед предстоящей завтра схваткой — все обговорено, противник не делает пока никаких неожиданных ходов, видимо, целиком полагается на завтрашний день.

И совет Канцлера — из тех, что порой имеют силу приказа — он выполнил в точности...

После того как участники совещания разошлись, Канцлер сказал ему, хмурясь:

— Императрица будет сегодня ночевать в Хелльстаде. Я ей это предложил, — он скупое усмехнулся. — И она не имела ничего против, наоборот... Ей там что, так уютно?

— Гораздо, чем в Келл Инире, — сказал Сварог. — Прилетайте как-нибудь в гости, сами посмотрите. Я вас давно приглашал. Когда мы отправлялись в Крепость Королей, по замку прошли быстрым шагом, и вы ничего толком не видели...

— Когда-нибудь выберу время... — не в первый раз сказал Канцлер. — Так вот... Вам тоже сегодня не ночевать ни в вашем маноре, ни в девятом столе... пожалуй, и в Латеранском замке тоже. У вас наверняка найдутся надежные места — с вашей-то тайной полицией... Только, сразу уточню, не в Хелльстаде. В Хелльстаде я не смогу с вами связаться, если вдруг понадобится — мало ли как может обернуться. Не смотрите так. Это не какие-то персональные меры безопасности для

императрицы и вас. Я тоже буду ночевать в... месте, о котором мало кто знает. И все остальные члены штаба — тоже.

— Какая-то реальная угроза? — спросил Сварог напрямую.

Канцлер поморщился:

— Знать бы точно... А мы до сих пор знаем о противнике далеко не все. Возможны покушения. Ничего с уверенностью утверждать нельзя, но покушения не исключены. В таких случаях лучше принять повышенные меры безопасности, чем недосмотреть...

Вот так и получилось, что Сварог в качестве пристанища на ночь выбрал «Медвежью берлогу» — где не менее сотни его людей, поголовно вооруженных, изображающих лакеев, привратников и прочую прислугу, — чем-то карманным, охрана Флигеля — оружием и посерьезнее. В полном соответствии с названием старого кинобоевика — чужие здесь не ходят. К тому же второй месяц исправно работает привезенная из Хелльстада установка, накрывшая «Медвежью берлогу» невидимым и неосязаемым куполом, который не только защищает от любых средств наблюдения ларов, но и пропускает только те летательные аппараты, что снабжены разработанной в Технионе опознавательной системой «свой — чужой». А когда разъедутся последние гости, станет и защитным полем. Даже если Канцлер об установке узнал (никогда нельзя предсказать заранее, что он знает, а что нет — и порой сам не знает, знает он или нет), Сварог не упомянул о ней ни словом.

Так что убежище надежнейшее. К тому же девятому столу на всякий случай объявлена боевая тревога, тамошний спецназ готов к любым неожиданностям, как и кое-какое габаритное оружие, предназначенное, употребляя термины Земли, для противовоздушной обороны. Коменданта голыми руками не возьмешь. Вряд ли покушения, если они все же состоятся, бу-

дут проводиться силами больших групп — а малые его бравы ребятушки пустят клочками по закоулочкам. Канцлер, несомненно, хотя ни словечком о том не заикнулся, принял схожие меры по охране своего х о з я й с т в а — и не только его. Вот разве что восьмой департамент представления не имеет о принятых в эту ночь мерах предосторожности — пока не выяснено совершенно точно, кому там можно доверять безоговорочно, а кто работает на противника, знать ничего не должны...

Подошла Вердиана, присела рядом, положив ладони на круглые великолепные коленки. Как истый джентльмен, Сварог принялся наливать ей вино. Она остановила жестом, когда набралось полбокала, поблагодарила взглядом, отпила глоток, тихо спросила:

— Что-то случилось? Или... что-то происходит? Причем не на земле, а т а м?

И взглядом указала на потолок, за которым был третий этаж, крыша, небо, облака, Империя.

С наигранной бодростью Сварог спросил:

— С чего ты взяла?

— Я по лицам вижу, — ответила она просто. — Н а ш и, как всегда, безмятежно веселятся — за единственным исключением. А и з в а ш и х приехали только двое. Раньше такого никогда не случилось, их всегда было больше. И маркиза Томи приехала без Лемара — а я не слышала, чтобы они поссорились. Обе притворяются беспечными, но изо всех сил стараются скрыть напряжение и тревогу. Как и Гаржак. Канилла сказала, что они с маркизой скоро уедут, гораздо раньше, чем кончится вечеринка, — такое тоже впервые. Да и ваше лицо... На нем те же хорошо скрытые напряжение и тревога...

Дернул же черт поехать к ней, хотя преспокойно можно было переночевать на одной из конспиративных квартир Интагара, их в Латеране немало. Поневоле

вспоминаются стихи Асверуса, посвященные молодой тогда, но уже достаточно знаменитой актрисе, с которой у него случился пылкий роман — из легких, мимолетных, завершившийся вполне мирно по обоюдному согласию, собственно, всего четыре строчки.

*Суеверная актриса, чуткая как нерв,
ты, пожалуйста, на радуге удержишься.
В пересчете на премьеры — сто премьер.
В пересчете на года — просто жизнь.*

Можно не в первый раз подумать о прихотях Судьбы, частенько склонной к злой иронии. Актриса удержалась на радуге, перешла из театра одного из Сословий в Королевский, играла еще долго, немало не растеряв зрительской любви, и умерла в неполных семьдесят лет от сердечного приступа в своей гримерной. А вот Асверус навсегда остался молодым...

Но не время об этом рассуждать. Суть в другом. Вот именно, чуткая, как нерв... Никакими о с о б ы м и способностями Вердиана не обладала (что проверено в «Лазурной бухте») — но у нее обнаружилась редко встречающаяся чуткость к эмоциям и чувствам других, она это читала, как книгу на родном языке...

— Или это что-то из того, чего мне знать не полагается? Я понимаю, таких вещей множество...

— Да какой там секрет... — сказал Сварог. — Идет сложный и серьезный научный эксперимент. Моя служба к нему частью причастна. Вот все и на нервах...

— Научный эксперимент... — повторила она с грустной улыбкой. — Вы могли бы сказать прямо, я нисколько не обиделась бы — кто я такая, чтобы претендовать на знание государственных тайн?

«Умница все же, — подумал Сварог. — Изящный оборот подыскала. Не сказала в лицо прямо: "Все-то вы врите, государь" — но высказала именно эту мысль».

— Ну ладно, — сказал он. — Это государственная тайна. Которую тебе знать не полагается, несмотря на вся мое к тебе расположение...

— Это опасно?

— Все государственные тайны так или иначе опасны.

— Значит, опасно, — вздохнула она. — Я беспокоюсь за вас. Никто не сделал мне столько хорошего, как вы, и мне тревожно...

— Ну, если откровенно, — сказал Сварог. — Хватало у меня в жизни опасностей, иногда смертельных, но, не считая похвальбу, всегда как-то справлялся. Меч для меня еще не выкован...

— Мне рассказывали, что на Вишневой площади — как раз памятник вашим лучшим друзьям и соратникам. Они тоже считали, то мечи для них еще не выкованы, но однажды погибли, все шестеро в одной переделке...

— Обойдется, — сказал Сварог. — Вот что, Диана... Мне бы хотелось у тебя переночевать. Пустишь?

В ее глазах явственно читался немой вопрос: «Зачем вам ночевать у меня, если вы один?» — но она его, разумеется, не задала. Воскликнула:

— Ну разумеется! Как это я в а с не пущу? Распорядиться прямо сейчас?

— Да, если тебе не трудно, — сказал Сварог. — Я пока что не собираюсь спать, мне нужно просмотреть кипу донесений...

Она встала, подошла к двери, и по ее жесту моментально возник лакей. Вердиана что-то ему начала говорить, наставительно покачивая указательным пальцем. А к Сварогу подошла Канилла, не садясь, спросила тихо:

— Ничего нового, командир?

— Ничего пока что, — сказал Сварог. — Похоже, все начнется только завтра, как кое-кем и спланировано...

— Не заводите себя, — сказала Канилла уверенно. — Янка клялась, что у нее все получится, хотя представления не имею, что она задумала. А она слов на ветер не бросает, я ее давно знаю, можно сказать, закадычные подруги...

Столпившиеся вокруг столика что-то ей весело кричали, призывно махали руками.

— Иди веселись, — сказал Сварог. — Свой маневр для завтрашнего дня ты знаешь...

Она ободряюще кивнула, направилась к столику, где что-то мелодично позванивало и стучали переставляемые фигуры. Подошла Вердиана, кивнула:

— Все готово, слуга вас проводит...

— Спокойной ночи, — сказал Сварог. — И не надо беспокоиться. Знаешь, я терпеть не могу, когда обо мне тревожатся...

К некоторому его удивлению, лакеи привели его не в ту комнату, где они два раза ночевали с Яной, а в незнакомые покои, которые Сварог осмотрел, оставшись в одиночестве. Роскошная спальня и кабинет. Неизвестно, кому он принадлежал раньше, но все показывало, что прежний хозяин работал здесь долго и серьезно: удобный, огромный письменный стол, книжный шкаф (судя по заголовкам, никакой беллетристики, в основном исторические труды), еще две пустых полки, судя по высоте, предназначавшиеся не для книг, а для папок с документами, на столе подставка для полудюжины стилосов и стопа чистой бумаги, пролежавшая здесь довольно давно) верхний лист выцвел от солнечных лучей, и его края чуточку загнулись...

Усевшись за стол, Сварог достал «портсигар» и стал методично просматривать донесения — Вердиане на счет них он нисколько не соврал. Правда, исходившие исключительно от Золотого Обезьяна, занятого наблюдением за Шалуатом, а заодно и за Орком.

Все обстояло благолепно. Орк по-прежнему болтался по Каталауну по одному из вольных Маноров, маркизату, собственно, в данный момент не болтался, а остановился переночевать в таверне. Никаких подозрительных контактов или разговоров. Очаровательная Дали удалилась в спальню в обычное время и сейчас мирно спала в одиночестве, явно не собираясь изменять Орку, пока он в отъезде — вот где, черт побери, нашло приют постоянство, пробормотал Атос... В общем, тишина и симметрия, никаких причин для беспокойства. Вот только нет никакой возможности определить точно, Гремилкар она или нет...

Тихонечко скрипнула дверь. Вошла Вердиана в синем халате до пят, отделанном алыми кружевами, остановилась у порога:

— Я вам не помешала?

— Ничуть, — сказал Сварог чистую правду. — Я все закончил...

Ее лицо прояснилось, она подошла к столу. Сварог встал, чувствуя что-то вроде безнадежности. Положительно, не стоило сюда приезжать на ночлег, он уже был прекрасно знаком с этим шалым взглядом больших серых глаз — по «Лазурной бухте»...

— Что же ты гостей бросила? — спросил он.

— А они уже все разъехались, — сказала Вердиана. — Канилла уехала с маркизой Томи и Гаржаком, без нее стало как-то скучновато, остальные тоже отклялись...

Подошла вплотную, как уже однажды случилось, положила руки на плечи, прижалась щекой к груди. Сказала тихонечко:

— Ну да, мне самой себя стыдно, не знаю, как я в глаза Аленте смотрю... Но не могу я ничего с собой поделать. Не могу без ваших рук, ваших губ, ваших глаз... Как говорили наши крестьяне в таких случаях, напрочь запала девка...

Чертов Латрок, подумал Сварог, чертова медицина. Исцелили, называется, на мою голову, и без того жизненными сложностями забитую...

Вердиана продолжала тем же ровным голосом, без тени истерических ноток, но с явным волнением:

— Вы знаете, я пыталась отвлечься. У меня был во дворце любовник. Офицер, хороший человек, и любовник хороший, но я с ним выдержала только неделю — это было не то, не то... Это были не вы. Я с ним порвала. Он не давал поводов, ничего не понимал, случилось тягостное объяснение... собственно, объяснить я ничего не могла, он ушел сердитый, в совершеннейшем недоумении. Но что я могла поделать, если не могу без вас. Напрочь запала девка... Не отталкивайте меня, пожалуйста... делайте со мной что хотите — отлучите от двора, сошлите куда-нибудь, но я не могу без вас жить...

Сварог глубоко, тихо вздохнул — не мысленно, а по-настоящему. И перед Яной стыдно, хотя она ни сном ни духом, и хочется эту девушку, что греха таить. Он вспомнил, что Яна тогда говорила: что не стала бы ревновать к Вердиане, случись меж ними что-то. А ведь она говорила серьезно, нисколько не шутила...

Она подняла голову, посмотрела ему в глаза:

— Вы меня, конечно, не любите... Но разве я вам полностью безразлична?

— Нет, — сказал Сварог.

— Что — нет? — спросила она совсем тихонько.

— Не безразлична, — сказал Сварог. — Никак не безразлична.

Она счастливо улыбнулась:

— Мне хватит и этого... Согласитесь, я все это время нисколько вам не навязывалась, никоим образом. Я это не ставлю себе в заслугу, просто говорю, как было. Смотрела на вас издали и понимала, что это не пройдет...

Закрыла глаза и потянулась к его губам, все так же счастливо улыбаясь, как ребенок, потерявший люби-

мую игрушку и после долгих поисков все же нашедший. Ну что тут оставалось делать? Только обнять ее покрепче...

...Он давно уже приучил себя просыпаться, когда под подушкой завибрирует «портсигар». Вот и сейчас одним прыжком поднял себя из сна. Вердиана безмятежно спала, улыбаясь — ей явно снилось что-то хорошее. Запустил руку под подушку. Не так давно он чуточку модернизировал «портсигар», точнее говоря, усложнил сигналы вызова извне. Размерно мигал «сапфир», гораздо чаще, почти непрерывной чередой — «бриллиант», ровным светом горел один из «рубинов». Все это, вместе взятое, означало: «Ничего особенно срочного, но если есть время, свяжитесь со мной». Маркиз Оклер, ага. Ему-то что не спится в такую пору?

Чуть подумав, Сварог тихонечко выбрался из постели, извлек из воздуха халат, накинул его и, шлепая босыми ногами, прошел в кабинет, уселся за стол, подав вызов.

Над столом вспыхнул экран. Оклер стоял в спокойной позе, на нем была черная кожанка с единственным знаком различия — золотой адмиральской касаткой повыше правого нагрудного кармана. А за спиной его, в некотором отдалении, пылали пожарища — горели дома, по виду крестьянские. Пламя понемногу унималось — его то и дело перечеркивали клубящиеся струи, похожие на дым. Но Сварог знал, что это пена — работали небольшие, невидимые сейчас на фоне ночного неба киберы-пожарные (у Оклера на «Ящерах» помещалось изрядное количество всевозможных аппаратов, не на все случаи жизни, но на многие).

— Что там у вас стряслось? — спросил Сварог.

— Очередная тварь из моря, — с досадой сказал Оклер. — Мы прибыли довольно быстро, но все равно чуточку опоздали...

— Это что, она наворотила?

— Нет, огнедышащие до сих пор не появлялись, и в этот раз тоже. Тут другое... Когда мы летели, оно ни на кого не нападало и ничего не рушило, ползало вокруг деревни. А вот жители словно с ума посходили, — люто дрались меж собой, кто кулаками, кто баграми. Это рыбацкая деревушка на полуострове Тайри, там у них полно багров. Дрались насмерть... Поджигали дома... Пришлось забросать «соняшницей» из газометов. Одного взяли, вкатили успокаивающего и попытались допросить, но он держался, как невменяемый, пришлось и его усыпить... Какое-то массовое помешательство...

«Как и в случае с недавним крестьянским мятежом, — подумал Сварог. — Вот только это случилось в местности, удаленной от моря лиг на тысячу. Однако там...»

— Вы связывались с дежурным Мистериора?

— В первую очередь, — сказал Оклер. — Они не фиксировали черной магии, ее тут не было ни следа. Что до твари — я запрашивал Палеонтологический архив, но там такой твари не знают. Ничего странного, такое однажды уже случалось, им далеко не все виды ископаемых тварей известны. Я просил послать вам сообщение — как-никак первый случай массового помешательства при появлении очередного юрского монстра. Его мы быстро прикончили... показать вам его?

— Ну, покажите, — сказал Сварог.

Оклер исчез с экрана, появилось компьютерное изображение на фоне масштаб-сетки из тонких черных линий. В общем, ничего особенно примечательного: длиной уардов десять, больше всего похоже на громадного рака без клешней, передвигавшегося на множестве маленьких ножек. Пасти, как и у рака, практически нет — лишь небольшое ротовое отверстие, окруженное какой-то бахромой, то ли усиками, то ли щупальцами. Что-то не походило оно на хищника...

За спином раздалось удивленное ойканье. Сварог обернулся без всякой поспешности. В дверях стояла Вердиана в небрежно запахнутом халате, круглыми от удивления сонными глазами взирала на морского монстра. Спихватилась:

— Я вам не мешаю?

— Нисколечко, — сказал Сварог. — Я уже закончил...

Он послал сигнал отбоя и выключил экран.

— Что это? — изумленно спросила Вердиана.

— В принципе, ничего интересного, — сказал Сварог. — Морская тварь. Они иногда вылезают на берег, но их быстренько утихомиривают...

— Мерзость какая...

— Да уж. Не обаяшка...

— Хорошо, мы живем не на морском берегу. У отца в библиотеке есть книга про морских чудовищ, там много ужасов описано...

— Мне-то показалось, ты спишь без задних ног...

Вердиана подошла, уселась на широкий мягкий подлокотник его кресла, обняла за шею, прижалась щекой к щеке. В ее голосе прозвучали нотки легкого испуга:

— Страшный сон приснился. Словно вы сели на коня — и я откуда-то знаю, что уезжаете навсегда, что мы никогда больше не увидимся. Вы ехали шагом, я бежала за конем, но никак не могла вас догнать. Стало так страшно, что я проснулась — а вас и в самом деле рядом нет. Сначала не поняла, кошмар это продолжается, или явь, но потом увидела вашу одежду, свет в кабинете...

— Глупости, — сказал Сварог, обняв ее за талию. — Вот кстати, чей это был кабинет?

— Дедушки моего... покойного супруга. Он был, говорили, заядлый книжник, что-то писал и сам для университетского журнала, насчет истории. Тут было

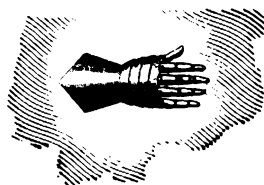

еще много старинных документов, но после его смерти согласно завещанию отдали университету. С тех пор здесь мало кто бывал, только пыль слуги вытирали...

— Понятно, — сказал Сварог. — Иди ложись, я сейчас приду. И не бери в голову всякие глупости, я никуда не собираюсь уезжать навсегда. И видется мы будем изредка, слово короля...

Она сговорчиво встала и вышла. Сварог встал у застекленных дверок книжного шкафа, прочитал несколько названий, потускневшей золотой краской вытесненных на толстых кожаных корешках. Они ему ровным счетом ничего не говорили: «Полная история Урканлайского мятежа», «История торгового флота Брандара», «Подробные сведения о заговоре Черари», «Курьезы и анекдоты из жизни Прогератского двора, как печальные, так и веселые». И тому подобное — совершенно незнакомые имена и названия. Быть может, поручить мэтру Анраху осмотреть книги? Порой в библиотеках книжников прошлого попадают крайне полезные уникамы. Впрочем, будь здесь уникамы, старый книжник и их бы завещал университету, как сделал со старинными бумагами. Подождет, сейчас есть дела поважнее...

Он забрал со стола «портсигар», погасил лампу и пошел в спальню, где Вердиана, уже не обремененная халатом, лежала поверх алого покрывала и улыбалась ему.

Глава IX

СИНЕГЛАЗЫЙ БЛИЦКРИГ

Он спал в эту ночь мало, но чувствовал себя бодрым — видимо, оттого, что нервы были на взводе...

Этой части дворца Сварог не знал совершенно — он вообще знал Келл Инир плохо, места, где он здесь бывал, заняли едва-едва, если прикинуть, десятую часть громадной системы из нескольких зданий. В силу своих постов он располагал подробнейшим планом дворца — но это чуточку не то...

Он в раззолоченном мундире камергера стоял у перил высокой галереи, протянувшейся вокруг огромного зала, смотрел сверху на «народных избранников», один за другим степенно выходивших из соседнего зала, где происходила жеребьевка. Еще одна старинная традиция, во многом напоминавшая жеребьевку перед схватками за королевскую корону в Сегуре. Все триста мест (десять рядов по тридцать кресел) пронумерованы, и кресла и ряды в точности как в кинотеатрах на Земле. «Народные избранники» вынимали золотые номерки из огромной низкой бочки (гораздо более роскошного вида, чем довольно простецкая бочка на турнире

в Сегуре), которую время от времени изрядно встряхивал специальный механизм, чтобы в очередной раз перемешать номерки. Что называется — демократия на марше: никто не должен обладать какими-то особыми привилегиями, все равны и места занимаете исключительно по воле жребия. Вот и получалось, что какой-нибудь седовласый герцог, весьма авторитетный в светском обществе, оказывался в последнем ряду, а человек без всяких заслуг, постов и должностей, считавшийся «молокососом», — в первом. Что до этой традиции, Сварогу с Канцлером она была только на руку — заговорщики лишены возможности посадить своих людей в первом ряду. А игры пошли серьезные: арка, через которую проходили избранные, была оборудована детекторами, отметившими наличие оружия у семи человек. К величайшему сожалению, те же традиции не позволяли немедленно их обыскать, взять за шкирку и вдумчиво расспросить, зачем им понадобилось на Агоре оружие под полой, — вот тут старые императоры что-то недосмотрели. Правда, до они пор не бывало, чтобы кто-то из Агоры стрелял в монарха — но зачем-то же им оружие понадобилось?

Облокотившись на вычурные перила, он смотрел на «депутатов», коротавших пока что время в степенных беседах. Иные кучки состояли человек из десяти, а то и дюжины. Ничего непонятного: главы «оппозиционной фракции» давали последние инструкции рядовым... Все, и мужчины, и женщины, щеголяли в традиционных одеяниях Агоры — лазурно-синих тогах с широкой золотой каймой. Женщин оказалось примерно раз в десять раз меньше, чем мужчин — впрочем, это Сварог определил гораздо раньше, когда получил полный список избранных. Женщины здесь формально вот уже около трех тысяч лет были совершенно равноправны с мужчинами (а до того были в правах несколько ущемлены), но и тут действовала очередная

старинная традиция, члены Золотых Собраний выдвигали в первую очередь мужчин и голосовали в основном за мужчин. Что женщин отнюдь не радовало — и многих делало невольными сторонницами «партии власти», то бишь Яны, Канцлера и Сварога. Точно так же невольными союзниками стала изрядная часть молодежи — по той же неписаной традиции в члены Агоры никогда не попадали люди моложе четырехсот (по земным меркам — сорока), какие бы заслуги перед Империей они ни имели, какие бы посты ни занимали. Выдвигать их кандидатуры не возбранялось — но их всегда проваливали. Как провалили Каниллу и Элкона — правда, мать Каниллы, баллотировавшаяся в другой Золотой Сотне, в члены Агоры как раз попала, в своей Сотне ее крепко уважали...

Время от времени к нему или стоявшему рядом в той же позе Канцлеру подходили неприметные (но одетые придворными) люди и докладывали о новостях — не особенно и важных. И не только неприметные — подошел маркиз Оклер в парадной адмиральской форме, явно не настроенный на пустую светскую болтовню. Сказал негромко:

— Боевые машины Серебряной и Морской Бригад, Первая и Вторая эскадрильи гвардейских корветов выстроили с ф е р у вокруг Келл Инира радиусом в лигу. Противник впервые предпринял д е й с т в и я — командир армейского полка «Дакреон» посадил весь личный состав на виманы и в сопровождении шести драккаров вылетел в направлении Келл Инира — не имея на сей счет никаких приказов. В пяти лигах от Келл Инира их блокировала Третья эскадрилья корветов: взяла в клещи и, угрожая применением всего боевого оружия, отконвоировала назад в расположение. Там уже высадились группы, командир полка и все офицеры временно арестованы, следствие ведется в хорошем темпе...

Кивнул и отошел, сохраняя на лице самое безмятежное выражение.

— Вряд ли они собирались что-то предпринимать с р а з у, — сказал Канцлер. — Должны понимать, что одного армейского полка для этого маловато. Видимо, хотели иметь поблизости вооруженную силу... Кстати, командир полка ранее в числе заговорщиков не был замечен.

— Думаю, он не один такой... — сквозь зубы сказал Сварог.

Через несколько минут появилась и Канилла, в парадной форме девятого стола и фуражке, при кортике (правый карман бриджей чуть-чуть оттопыривал бластер, что было не особенно и заметно). Отставая на шаг, ее сопровождал Гаржак, граф на сей раз объявился в роскошном мундире Когорты Стражи — отряда личных телохранителей Яны.

Козырнув, Канилла прилежно доложила:

— Непредвиденный фактор, командир. На горизонте объявился принц Элвар с тремя виманами, по данным наблюдателей, набитых вооруженными каталаунцами. С ф е р а их тормознула на подлете, уже прошли переговоры, принца заверили, что в случае необходимости его отряд непременно будет использован в деле, о чем ему немедленно сообщат. Он не перечил. Его виманы барражируют в полулите от сферы. — Она ухмыльнулась: — Как сообщил отправленный на переговоры офицер, его высочество п о ч т и трезв.

— Ну, не может же он быть трезвым с о в е р ш е н н о, — проворчал Канцлер. — Давненько уж за ним такого не водилось... У вас все?

— Нет, — сказала Канилла. — Когда я к вам шла, по пути меня перехватил один из ваших людей, Канцлер, просил, если уж вышла такая оказия, вам передать... Эту часть дворца, держась на расстоянии от Зала Агоры, заняли лейб-гвардейцы всех трех рот. Они только

что арестовали Мажордома Дворца и заменили его другим человеком. Их офицеры в ответ на любые вопросы отвечают одно: они выполняют личные распоряжения императрицы и ни перед кем отчитываться не намерены, да и не обязаны... Вот теперь — все пока.

— Идите, — сказал Канцлер бесстрастно.

Она козырнула и удалилась не парадным шагом, но откровенно щеголяя выправкой («Комендант их все же хорошо вышколил, — подумал Сварог, — все время я забывал наградить его Бронзовым знаком, как только все закончится, надо наконец озаботиться, заслужил»). Гаржак остался, стоял в нескольких шагах в выжидательной позе.

— Восхищен вашей предусмотрительностью, Канцлер, — сказал Сварог. — Честное слово. Вы предсказали действия принца во всех подробностях.

— Никакой особенной проницательности не требовалось, — усмехнулся Канцлер. — Хорошо его знаю, да и был не так уж и давно один известный вам прецедент. Суверенностью можно было сказать, что он и на этот раз пустит в дело самовольно своих головорезов. Рад, что у него хватило ума остаться на месте, а не пробиваться в Келл Инир нахрапом. Вообще-то, я заранее отвел и его отряду местечко в плане — если начнется какая-то заваруха, его молодчики окажутся отнюдь не лишними — они, надо полагать, оружием владеют хорошо, а меч для лара смертелен, как и для обитателя земли... Значит, в игру вступила лейб-гвардия... А значит это только одно: императрица осуществляет с в о й план. Арестовали Мажордома? Интересно, интересно. Он у меня тоже не числился среди подозреваемых — получается, о чем-то императрица знает больше нашего, но с нами не соизволила поделиться. Только бы ее действия не помешали нашим. Она ручалась честным словом, что этого не произойдет, но в таких делах нельзя распланировать наперед абсолютно все... Что ж, у вас есть время поговорить со своим человеком...

Сварог поманил Гержака. Граф приблизился, старательно попытался принять стойку «смирно». Нельзя сказать, чтобы это у него получилось на пятерку — на земле он в армии никогда не служил и строевой подготовки у коменданта девятого стола не проходил, не было такой необходимости.

— Ну, как настроение, граф? — спросил Сварог. — Не испытываете некоторой робости? Она была бы вполне понятна и простительна...

— Никакой, командир, — блеснул Гаржак своей фирменной хищно-обаятельной улыбочкой. — Ежели в принципе, все ничем не отличается от иных событий, случавшихся на земле, в том числе — один раз на моей памяти...

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Инструкции прежние. Ваша задача — д е р ж а т ь половину трех первых рядов. Если какая-нибудь сволочь выхватит оружие — бейте наповал без колебаний (он покоился на Канцлера, но тот безмолвствовал, не считал нужным что-то добавлять). Идите, скоро начнется церемония...

— Волнуетесь? — спросил Канцлер.

— Конечно, — сказал Сварог. — Не изрядно, но все же. Как наверняка и вы — в такой ситуации только круглый идиот не волнуется...

— Все верно...

Больше никаких докладов не последовало — это означало, в частности, что никаких непредвиденных событий не произошло, а это прибавляло уверенности. «Значит, и Мажордом, — подумал Сварог, — а ведь и на него у нас ничего не было — но определенно нашлось у Яны». Мажордом Дворца совмещает функции коменданта здания и главного завхоза. Пост этот — весьма немаловажный: Мажордом, кроме прислуги, распоряжается еще и внутренней охраной дворца (кроме Когорты Стражи и гвардейцев), отнюдь не ма-

лочисленной. При любых переворотах, что здесь, что на земле (где в королевских дворцах существуют аналогичные должности), любым заговорщикам крайне выгодно иметь Мажордома Дворца на своей стороне...

Он еще раз прокрутил в голове перечень предпринятых мер (вряд ли Канцлер от него что-то скрывал). С ф е р а выстроена, вылазка армейского полка пресечена — как будут пресечены другие подобные попытки, если произойдут. Келл Инир защищен надежно: в усиленные караулы встали Бриллиантовые Пикинеры и Яшмовые Мушкетеры — два старейших гвардейских полка (играющих ту же роль, что некогда в Российской империи — Преображенский и Семеновский), только у них полковником состоит Яна. Ни малейших подозрений это у заговорщиков не вызовет — согласно очередной старинной традиции, в такие дни как раз и положено для пущего почета выставлять на постах весь личный состав обоих полков. Изрядное число слуг заменено спецназовцами. Неприятных сюрпризов стоит ожидать с одной-единственной стороны: если среди вовлеченных в операцию все же окажутся люди заговорщиков и устроят какие-то свои игры — но и на сей счет приняты меры.

Камень преткновения и главная головная боль в другом — если Агора большинством голосов примет решение вернуться к «славным обычаям благородных предков», то есть осуществить планы заговорщиков, все осложнится — и соглашаться на это никак нельзя, и, пустив в ход гвардию, разогнать, называя вещи своими именами, Агору, последствия будут скверные. Беспрецедентный случай в истории Империи. Вряд ли случится гражданская война, чересчур несопоставимы силы «партии власти» и «оппозиции», но настроения в обществе изменятся резко. Даже те, кто вполне лоялен к «партии власти» и не намерен протестовать против реформ, ну, или значительная часть таких людей,

обо всех говорить не будем, преисполнится к Яне крайнего недоброжелательства — на сей раз она нарушит чересчур уж старинную традицию, посягнет на некие основы основ. А при таких настроениях в обществе гораздо труднее будет работать и Яне, и всем остальным. Штыками взять власть иногда совсем нетрудно, но вот усидеть на штыках гораздо труднее — старая избитая истина, проверенная и опытом Земли, и здешним. Остается надеяться...

Звонкий удар гигантского гонга, з а л и в-ш и й зал, — началось... Распахнулись шесть высоких, широких двустворчатых дверей, и делегаты Агоры степенно потянулись в зал. Там в конце концов осталось человек тридцать в придворных, военных и гражданских парадных мундирах — камергеры, руководители ключевых учреждений (в том числе процессор Марлок и директор Магистериума). Среди них выделялись рядами двое — мэтр Тигернах в усеянных золотыми звездами колпаке и мантии и Главный Герольдмейстер Геральдической Коллегии, по традиции облаченный в пышный наряд, вышедший из моды тысячи четыре лет назад. Кстати, давний доброжелатель Сварога, не один раз помогавший воспользоваться прорехами в законах писанных и неписанных, преклонных лет старичок, но крайне энергичный и жизнерадостный.

Увы, никто из них (включая и Канцлера) ничем не мог помочь — все они должны только присутствовать на Агоре, но права голоса и выступлений им не полагалось: а вот отчитываться любому из них пришлось бы, если последует «парламентский запрос»...

Оказавшись наконец в зале минут через десять после того, как «народные избранники» расселись и малость потешили свое самолюбие, вынудив «бесправных» немного подождать за дверьми, Сварог, конечно, не вертел головой, как деревенщина, но с любопытством оглядывался, насколько позволяли приличия.

Впрочем, так вели себя без исключения (и часть Агоры из тех, кто помоложе) — все они, здесь присутствующие, оказались на Агоре, в этом зале впервые в жизни.

Роскошью он не блистал — видимо, в силу очередной старинной традиции. Ни лепнины, ни позолоты, ни прочих архитектурных излишеств — пол и подиумы из досок, отшлифованных, но не крашенных, лишь покрытых прозрачным лаком, по которому не скользили ноги. Стены до половины покрыты панелями с незатейливым узором, а потолок лишен их вовсе, все кресла — из дерева, без каких бы то ни было мягких сидений, спинок и подлокотников (правда, дерево везде использовано самое ценное, таларских, сильванских пород — ну, конечно, не стоит доводить аскетизм до абсурда).

Триста кресел для участников Агоры расположены полукруглым амфитеатром. Напротив — такой же амфитеатр, но кресел гораздо меньше и расположены они на добрый уард ниже, чем те триста — мягкое и ненавязчивое напоминание, кто здесь народный избранник, а кто не более чем чиновник. Между ними — круглый подиум, разделенный на две части неравной высоты. Половина, на которой стоял императорский трон, во всем своем великолепии, заметно выше кресел Агоры — избранники избранниками, а монарх монархом. Трон оказался единственной здесь роскошной мебелью — сиял множеством драгоценных камней всех цветов, золотом, высокую спинку венчал императорский герб, опять-таки весь в самоцветах. Над троном свисало с потолка знамя Империи (оно же — личный штандарт Яны) — лазурно-голубое, со множеством золотых пчел. Сварог, уже неплохо разбиравшийся в здешней геральдике, давно знал: лазурь символизирует небеса, в которых обитали лары, а золотые пчелы — нешуточные труды предков по созданию и укреплению Империи. Историческое

зная, смело можно сказать: введено первым императором, тем самым герцогом — адмиралом Тагорешем и оставшееся с его времен без малейших изменений.

Нужно признать, что первые императоры не были такими уж доверчивыми прекраснодушными растями... Как Сварог ни шарил пытливым взглядом по трем стенам у потолка, не смог высмотреть ни единой из великолепно замаскированной полусотни амбразур, за которыми располагались снайперы — хотя прекрасно знал об их существовании, треть стрелков была его людьми.

Увы, зал не был оснащен аппаратурой, позволившей бы определить, где сидят обладатели оружия, идентифицировать их среди трехсот «народных избранников». Ну, тут уж приходилось полагаться на выучку стрелков и шестерых телохранителей, стоявших по обе стороны трона шеренгами по три (Гаржак — на правом фланге). Некоторые древние традиции можно обернуть и себе на пользу: телохранители стояли с короткими гуфами немногим выше их голов — и никто не знал, что на сей раз у них в руках не безобидные муляжи, а боевые лучеметы из тех, что смертельны и для ларов...

Одно из кресел в первом ряду чуточку отличалось от остальных — в нем заседал Глава Агоры. Правда, все отличия свелись к тому, что спинка кресла была всего-то на пару ладоней выше остальных. Еще одно мягкое и ненавязчивое напоминание — на сей раз о том, что Глава не более чем первый среди разных (да здравствует демократия, гип-гип ура, виват, ле хаим, бояре...).

Ну, еще это кресло было единственным, не подлежащим жеребьевке. А с Главой здесь обстояло как на Земле в дипломатическом корпусе — им автоматически становился самый старший годами из присутствующих. Вот и сейчас там восседал величественный, седовласый герцог Уинрет (состоявший, кстати, в родстве с императорской фамилией), умудрившийся

родиться на несколько часов раньше из десятка своих ровесников. В общем, от него «партии власти» не будет никакой пользы, но и заговорщикам ни малейшей — он не был ни сторонником, ни противником новшеств и реформ, на жизнь, подобно Сварогу, смотрел грустно-философски: что происходит, то и происходит, никогда так не было, чтобы никак не было, и вообще, любой благородный лар не имеет права обсуждать решения монарха, даже столь молодого, как Яна, не говоря уж о том, чтобы им как-то противодействовать... Правда, неизвестно, как он себя поведет, когда начнут запугивать собравшихся призраком новой Вьюги. Но, в конце концов, никаким влиянием на собравшихся он не обладает, выполняет чисто протокольные обязанности...

Прозвучали фанфары, распахнулась седьмая дверь, тоже двустворчатая, но ниже и уже остальных — поскольку предназначалась для одного-единственного человека — в данном случае для Яны. По рядам прошло движение, все, кто сидел в обоих амфитеатрах, поднялись на ноги, включая Главу Агоры, — демократия демократией, а монарха извольте, дамы и господа, приветствовать стоя...

Когда появилась Яна, по рядам прошелестело тихое оханье и аханье — в первую очередь удивленное, но, если сравнивать с симфонией, кое-где вплетались нотки откровенного испуга. Было от чего...

Сварог, конечно, не испугался нисколько — а вот удивился не менее остальных: Яна с надменным и величавым видом, в некоторых случаях, включая сегодняшнюю церемонию, прямо предписанным этикетом, шествовала в алой мантии хелльстадской королевы и серебряной митре. Мало того, следом за ней бесшумно ступала Фиалка, давным-давно повзрослевшая — так что ее жизнерадостная морда располагалась чуть-чуть повыше верхушки митры.

Сюрпризец... И неплохое средство психологического воздействия. Сварог прекрасно видел испуг не на одном лице в первых рядах — с хелльстадским нарядом Яны, в общем, свыклись, она далеко не впервые появлялась в нем во дворце, в том числе и на торжественных церемониях — а вот живого гарма все присутствующие (не считая Сварога, Канцлера и профессора Марлока) видели впервые. И у многих это зрелище не вызвало особого воодушевления, наоборот.

«Ну что же, — весело подумал Сварог. — Нет ни неписанных традиций, ни писанных законов, регламентировавших бы одежды императрицы для данного случая. Или запрещающих приводить с собой каких бы то ни было животных. Достоверно известно, что в старинные времена иные императоры появлялись на Агоре в сопровождении любимых охотничьих собак — так что прецеденты имеются...»

Яна, сев на трон, произнесла каноническую фразу:

— Приветствую высокое собрание, все могут сесть. Дальнейшее, согласно древним и нерушимым традициям, возлагается на Главу Агоры.

Фиалка легла справа от трона, положив морду на лапы, взирая на «народных избранников» спокойно, равнодушно — поскольку пока не получила мысленного приказа Яны оторвать кому-то голову — каковой приказ выполнила бы моментально и качественно.

И началось шоу...

Взошедший на трибуну из темно-коричневых досок сильванского бука Глава словоблудием, как и в жизни, не увлекался: короткое приветствие, надежда на то, что Агора и в этот раз проявит высшую государственную мудрость, здравомыслие и заботы о благе Империи, на трибуну приглашается первый оратор из числа тех, что записались заранее (реплики с мест и чьи бы то ни было попытки потребовать слова до того, как выговорятся все ораторы из списка, не допускались).

И понеслось...

Канцлер, сутки перед Агорой не спавший ни минуты, говоривший все это время с теми, кого смело можно было считать сторонником «партии власти», поступил, на взгляд Сварога, совершенно правильно: решил сначала дать высказаться исключительно оппонентам, а уж потом в игру вступят сторонники и постараются разделить под орех услышанные идеи и предложения...

Косяком пошли те претензии, о которых они уже знали по, выражаясь казенно, оперативным материалам. Крайняя эмоциональность тут не приветствовалась — но кое-какие проявления эмоций все же допускались. И они последовали в немалом количестве. Не задевая императрицу прямо (сие не допускалось), сменявшие друг друга оппозиционеры витийствовали вовсю, в рамках разрешенной им вольности речей протестуя против многих вопиющих нарушений старых традиций — тех, кто, оставив маноры, обосновался на земле, недопустимого повышения технического уровня обитателей земли, роспуска Тайного Совета и Палаты Ларов, словом, всего, о чем канцлер со Сварогом звали заранее. Новых обвинений как-то не прозвучало.

Добрая половина выступавших открытым текстом обрушивалась на Сварога — то, что он пользовался на земле имперской техникой и даже доверил ее образцы некоторым из тамошних подданных (прознали, сволочи. Что ж, не было законной возможности запретить им держать на земле своих агентов и использовать средства наблюдения). За то, что он нисколько не препятствовал ларам устраиваться на земле — наоборот, всячески способствовал. За то, что он принял земные короны, в том числе хелльстадскую. Ну, и за все прочее, нарушавшее древние традиции. Едва ли не каждый оратор (кто спокойно, кто вплотную подойдя к предписанным рамкам выражениям эмоций) пугал присутствующих Новой Вьюгой — которая при таком

положении дел непременно разразится и, вполне возможно, в отличие от предыдущей, затронет и ларов (некоторые в подтверждение ссылались на мнение «авторитетных ученых из Магистериума»). Словом, атака была массовой и проработанная в деталях.

Мимоходом, один-единственный раз прилетело и Канилле, но Сварог был уверен, что на сей раз заговорщики решительно ни при чем — утвердившийся на трибуне замшелый старец, герцог Филеас, обрушился на Каниллу за то, что она ввела во всеобщий обиход «развратные наряды». Что у многих присутствующих вызвало лишь иронические улыбки, а то и смешки. Задолго до появления Сварога Филеас был известен как ярый консерватор во всем, что касалось морали и нарядов. Даже прежние «срамные вырезы» и «куцы платишки», вошедшие в моду лет пятьсот назад, во времена юности герцога, сурово им осуждались. О чем он имел возможность сокрушаться лишь в частных беседах — но, впервые в жизни получив возможность заполучить столь высокую и официальную трибуну, он выложил по полной программе. Успех его взгляды имели лишь у подобных замшелых ревнителей традиций, коих можно было по пальцам пересчитать. Остальные относились к нему как к безобидному городскому сумасшедшему (в первую очередь, как легко догадаться, женская половина Империи).

Регламента не было, и всякий оратор имел возможность витийствовать сколько душе угодно. Ни аплодисменты, ни свист и шиканье протоколом не дозволялись. Однако средство воздействия на очередного оратора все же имелось, на правом подлокотнике каждого кресла с полдюжины кнопок. При нажатии любой из них над макушкой сидящих вспыхивали шары света, размером с апельсин, цветом выражавшие отношение слушателя к речам оратора — от полного одобрения до категорического неприятия. Примерно

через квадранс над головами добрых девяти десятых присутствующих зажглись зеленые в красную полосу шары — не просто неодобрение, а недвусмысленное пожелание оратору закругляться и слезть с трибуны к чертовой матери. Что было вполне понятно: такая вот художественная самодеятельность в равной степени мешала как «партии власти», так и оппозиции.

По очередной неписаной традиции оратору полагось эти сигналы учитывать — и вскоре герцог с превеликим сожалением на лице трибуну покинул. И на нее поднялся очередной критикан, дополнивший критику предложением запретить привозить в Империю любого рода «обитающих на земле животных». Мишенью в первую очередь были, понятно, гармы, но этого оратор не мог высказать прямо, ибо непременно задел бы этим императрицу. А потому и он получил изрядную порцию зелено-красных шаров — предложенный им запрет был сформулирован так, что касался и привезенных с земли породистых кошек, и комнатных собачек, а они, за редкими исключениями, обитали во всех манорах...

Настал момент (мысленно сверявшийся со списком ораторов Сварог его четко отметил), когда были высказаны все претензии и внесены все предложения. Сводившиеся к тому, что они с Канцлером уже знали: уничтожить земные пароходы, паровозы, самолеты и электрические устройства, «законсервировать» земную жизнь в неизблемом состоянии, ужесточить «Закон о запрещенной технике», запретить ларам принимать земные дворянские титулы и королевские короны (сие, извольте ли видеть, унижает достоинство благородных ларов, стоящих неизмеримо выше любого обитателя земли, включая тамошних королей), обязать ларов, отправляющихся на землю развлечься, проводить там не более трех дней в месяц... и так далее, и тому подобное.

Едва ли не все подобные предложения включали в себя и отеческую заботу о будущем Сварога. Надо отдать им должное, никто не требовал ни его крови, ни хотя бы предоставления возможностей наблюдать небо в клеточку — прекрасно понимали, стервецы, что Яна на такое никогда не пойдет. Однако практически все предлагали уволить его со всех постов, исключая придворные, девятый стол распустить вообще как ненужного дублера восьмого департамента, а всех абсолютно его сотрудников выключить из списков гвардии. Очень часто звучали предложения отправить в отставку и Канцлера (за потворство недалёковидным реформам, способным вызвать Вьюгу), и еще нескольких человек — наперечет сторонников Канцлера со Сварогом,

Программа, без сомнения, была четко проработана. При ее претворении в жизнь и в самом деле не требовалось Сварога сажать и на пятнадцать суток — при столь сердечном расположении к нему Яны, остался бы не более чем фаворитом и придворным, лишенным всякого влияния на систему управления, запертым за облаками, не способным влиять на земную жизнь... все рычаги оказались бы в руках противников его реформ...

Так, началась контрпропаганда... к Трибуне шла Мерилетта, графиня Дегро, наполовину дриада по крови, мать Каниллы, убежденная сторонница Сварога. И, что важно, женщина умная, острая на язык, пользовавшаяся немалым уважением в Империи. Что она будет говорить, Сварог не знал, но не сомневался — оппозиции врежет качественно, а там и остальные подключатся...

Графиня успела только взойти на трибуну, а вот сказать не успела ни слова. Яна вдруг воскликнула:

— К ходу заседания!

Это означало, что она просит слова — на что имела полное право. Графиня выжидательно молчала, над головой Главы вспыхнул зеленый шар: Глава выражал

согласие... куда бы он делся с подводной лодки? Традиции есть традиции, монарх имеет право выступить в любой момент — при условии, что он до окончания дискуссии не будет поддерживать или, наоборот, де-завуировать кого-то из ораторов. Сварог напрягся — понимал, что сейчас и начнут, никаких сомнений, осуществлять ее собственные планы...

Яна повернула голову:

— Господин Главный Герольдмейстер, не соблаговолите ли огласить параграф четвертый Уложения об Агоре?

Старичок с юношеской резвостью вскочил:

— Разумеется, ваше величество, — и продолжал казенным тоном. — Параграф четвертый Уложения об Агоре. В случае обнаружения среди участников таковой лиц, причастных к черной магии тем или иным способом, от владения до знания и недонесения означенные лица подлежат немедленному аресту, а сама Агора приостановке деятельности до сих пор, пока на место изъятых не будут избраны добропорядочные люди...

В зале стояло гробовое молчание

— Следую законам Империи Четырех Миров! — воскликнула Яна и вскочила.

Ее золотистые волосы, струившиеся из-под митры на плечи и спину, вдруг взметнулись словно бы под порывом задевшего только ее одну ветра. Мало кто это понял, но уж Сварог-то прекрасно знал: она пустила в ход Древний Ветер во всей его мощи...

Со своего места Яну он видел прекрасно. Она подняла ладони перед лицом, и от них очень быстро распространилось светло-зеленое сияние, накрывшее триста кресел. Оно продержалось недолго и вскоре растаяло, но на смену ему пришло кое-что другое... Десятка два людей теперь сидели, укутанные высоким ореолом, казавшимся вполне материальным, вырезанным из

тонкого листа металла. Сварог машинально считал про себя: у семи человек ореол просто черный — а у трех еще и дополнен какими-то лучами, расходящимися веером...

Прекрасное личико Яны дышало не просто яростью: лютой злобой, какой Сварог у нее никогда не видел. Выбросив вперед руку, подняв ладонь, она крикнула:

— Наконец-то я вас нашла, сволочей! Гвардия!

С грохотом распахнулись все семь дверей, и в зал повалили лейб-гвардейцы в ало-сиреневых с золотом мундирах. Их было много, они проворно заняли все пространство меж тремя сотнями кресел и стояли, нацелив оружие, недобро оскалясь. Металлический голос раздался неведомо откуда:

— Всем сидеть смирно! Любую попытку сопротивления встретим огнем!

Все сидели смирно. Только во втором ряду вскочил незнакомый Сварогу человек средних лет и попытался достать что-то из-под тоги (он был без ореола, кстати). В следующий миг на нем скрестились сразу три пронзительно-синих луча, один из бластера Гаржака и два, ударивших, такое впечатление, прямо из стен, под толчком — и персонаж рухнул в кресло, где и застыл в нелепой позе, уронив руки, свесив голову, с застывшим лицом и остекленелым взглядом. Соседи с двух сторон (тоже без ореолов) шарахнулись от него, насколько позволяли кресла, а вот вскочить не решились, хотя по лицам видно, что им чертовски бы хотелось оказаться подальше.

Шла деловитая суeta — лейб-гвардейцы, пробегая по широким проходам меж рядами кресел, скрутили в первую очередь тех, чьи ореолы были отмечены алыми лучами, а потом остальных.

Вскочившая Фиалка заслонила Яну, широко расставив передние лапы, наклонив голову, встопорщив длинную шерсть на загривке, оскалясь — конечно же,

не выполняя приказ, а действуя по собственному разумению. Решив, что каши маслом не испортишь, что теперь все можно, Сварог выхватил бластер и встал слева от трона. Но это, очень похоже, было ни к чему: тот же металлический голос громыхнул:

— Среди присутствующих есть люди, в нарушение третьего параграфа Уложения об Агоре принесшие с собой оружие! Всем по одному выходить в двери, где будет проведена проверка!

Ни протестов, ни сопротивления — народные избранные послушно потянулись к дверям — за которыми, Сварог видел со своего места, стояли люди в форме Когорты Стражи с какими-то не особенно большими приборами.

Яна, пятясь назад, буквально рухнула на сиденье трона. Сварог тревожно склонился к ней:

— Что, Вита?!

С другой стороны подскочил Канцлер.

Ее лицо было белым, как стена, губы страшно побледнели.

— Успокойтесь, господа мои, — произнесла она слабым голосом, полузакрыв глаза. — Ничего страшного, это скоро пройдет... Очень уж много сил теряешь, когда приходится с таким размахом действовать. Скоро пройдет, честное слово...

Сварог посмотрел в зал. Последним лейб-гвардейцы вытащили из кресла бесчувственного типа. Именно бесчувственного — Гаржаку Сварог выдал не бластер, а парализатор — и такими же били снайперы. Ухлопать человека нетрудно — а вот целехонький «язык» гораздо предпочтительное.

Яна, словно бы чуточку ставшая о ж и в а т ь, бледно улыбнулась:

— Господа мои, вы усердно занимались политическими интригами и вооруженной силой, мерами безопасности и всяким таким... И вам обоим отчего-то

в голову не пришло изучить Уложение об Агоре... — посмотрела на Сварога, и ее лукавая улыбка была почти прежней. — Лорд Сварог, не вы один умеете пользоваться крайне иногда полезными услугами Геральдической Коллегии...

Сварог сконфуженно молчал, как и Канцлер. Ближайшее будущее предвидеть было нетрудно: когда-то еще состоятся довыборы в Агору — если только состоятся. Тем временем следователи трех спецслужб будут трудиться ударно — и нельзя исключать, что кое-кто из оказавшихся на свободе членов Агоры потеряют таковую...

Это, пожалуй, была полная и окончательная победа. Одержанная исключительно благодаря Яне.

А она на глазах приходила в себя, сидела уже в обычной позе, лицо все больше приобретало нормальный здоровый цвет, появлялся румянец на щеках, губы наливались алым.

— Вот т е п е р ь, господа мои, вы можете претворять в жизнь свои планы, — сказала Яна с ноткой легонького ехидства. — Если только в этом есть необходимость...

Сварог и Канцлер сконфуженно молчали.

Глава X

МОРЕ, МОРЕ...

Ах, как звенела медь в монастыре далече!

Точнее выражаясь — ах, как гремела их лихая плясовая! На сей раз играми пренебрегли, хрустальным звоном звенели бокалы, каблуки и каблучки молотили по старинному паркету. Сегодня, даже до полудня в «Медвежьей берлоге» собрались только п р и ч а с т н ы е — Бравая Компания в полном составе, Сварог с Яной, маркиз Оклер и Гаржак. Из «непричастных» присутствовала одна Вердиана — неприлично как-то устраивать торжество, не пригласив на него хозяйку дома.

— Как непрочны двери
у стены доверья
для того, кто верит только в замки.
Значит, неизбежно
гасит нашу нежность,
нашу нежность — тяжесть чьей-то руки...
Что нас больше мучит: время или случай —
вряд ли важно, если даже поймешь.
Но когда нас давит сон страшнее яви,
Выйди ночью под мерцающий дождь...

Не самые веселые стихи — но их положили на плясовую музыку, тот каталаунский танец, что здорово напоминал Сварогу «Казачок» — никаких пар, все разделились на две шеренги, то наступают друг на друга, то отступают, выкаблучивая при этом порой строго фигуры танца, порой — кто во что горазд.

Они все были веселы и крайне довольны жизнью — как все победители во все времена.

*— И пока над нами
голубое пламя
неизвестной, нас хранящей звезды —
будет, как и прежде,
сердце греть надежда,
унося нас далеко от беды...*

Это победа, думал Сварог, когда все, разгоряченные, уселись за стол и в бокалы полилось золотисто-зеленое вино. До конца еще далеко, следствие не закончено и не все подлежащие аресту повязаны, и иные еще не вскрыты — но это, безусловно, победа. Канцлер сказал, что с «Черной радутой» и «Черной благодатью» в Империи покончено напрочь. Аресты на основе показаний уже допрошенных (развязавших языки, когда им напомнили о не так уж и давно возвращенной в Карный кодекс смертной казни), прошлись по манорам и имперским учреждениям, словно коса в руках умелого жнеца по колосьям созревшей пшеницы. Сам Сварог в арестах и допросах не участвовал — в функции девятого стола это не входило, а восьмой департамент был пока что из игры выведен — там сгребли еще не всех, кто этого заслуживал, и зачистка продолжалась. Кстати, из-за этого его высочество Диамер-Сонирил оказался в щекотливом положении. Как принц короны, он лишь приветствовал победу, а вот как чиновник, которому подчинен восьмой департамент, на сей раз лишился возможности объявить все случившееся победой именно

его подчиненных, восьмого департамента, в лице Сварога. Зато принц Элвар, пусть и не сумевший ни в чем поучаствовать, радовался от души — по данным службы наблюдения, в его каталаунском замке Роменталь трети сутки шумела развеселая гулянка: с фейерверками, плясками с девицами и молодками из окрестных сел, пальбой в воздух и салютом холостыми из двух старинных пушек, стоявших по обе стороны парадной лестницы...

Яна наклонилась к нему и шепнула на ухо:

— Сейчас поставим что-нибудь медленное, потанцуй с Верди. Она старательно делает вид, что веселится наравне со всеми, но с е г о д н я себя чувствует чуточку чужой. Она хорошая девочка, не хочу, чтобы ей было грустно. Что тебе стоит?

— Сделаем, — сказал Сварог.

Вердиана держалась превосходно — в отличие от иных знакомых Сварогу женщин ничуть не пыталась обстреливать его тоскливо-многозначительными взглядами, ничем не дала понять, что меж ними что-то было, последний раз совсем недавно. Так что Сварог ее охотно пригласил, когда вскоре Канилла запустила медленный танец, и четыре пары могли потанцевать.

*— От обилья подступивших невзгод
тяжко мне, как в шторм кораблю.*

*Я упорно шагаю вперед —
я упрям и зол, я стерплю.*

*Только жизнь моя — на острие копья,
только часто темнота — ни зги,
и все чаще погибают друзья,
и все чаще подступают враги...*

— Значит, вы победили? — тихонько спросила Вердиана.

— Можно сказать и так, — ответил Сварог тоже шепотом. — Удачно завершился эксперимент...

— Значит, мне по-прежнему не полагается знать... Я понимаю. Но с такими лицами, как у вас всех сейчас, празднуют именно что победу, а не успех какого-то там научного опыта...

— Умница ты все же, — сказал Сварог.

— Жаль, что вы не можете сказать: «Умница ты у меня». Ну что же, я заранее знала, что будет именно так...

— Извини, — сказал Сварог, глянув через ее плечо. — Я тебя на минутку покину, меня снова в покое не оставляют...

В дверной проем деликатно заглядывал один из слуг — точности ради, постоянный связной Интагара. А Интагар в подобных ситуациях его никогда не беспокоил по пустякам... Проводив Вердиану до ее кресла, Сварог подошел к сыщику и, выслушав его короткий рапорт, обернулся к своим, благо танец как раз закончился:

— Я вас ненадолго покину, — сказал он с безмятежным видом. — Как обычно — рутинные, но срочные королевские дела...

Перепрыгивая через две ступеньки, спустился по широкой лестнице и вышел на парадное крыльцо. Там неторопливо прохаживался Интагар, а у нижней ступеньки сидели в седлах трое ратагайцев, и один держал в поводу Сварогова Рыжика. Здесь Интагар старательно блюл субординацию, никогда без зова в «Медвежью Берлогу» не заходил.

— Ну, что там опять на мою голову? — спросил Сварог.

— Ничего пока что не могу сказать, государь. Только что во дворец приехал маркиз Фаронт. Заявил, что знает Королевский Секрет. Я поступил, как полагается — немедленно вас уведомил. Взял на себя смелость распорядиться насчет вашего коня и охраны. Вы прекрасно знаете, как бывает с Королевскими Секретами — иногда приходят с такими пустяками, а иногда с чем-то крайне полезным...

— Ну, раз Королевский Секрет, ничего не попишешь, надо ехать... — сказал Сварог. — Маркиз Фаронт, маркиз Фаронт... Где-то я в последний раз слышал это имечко совсем недавно... Ах да! Полуостров Тайри, рыболовная флотилия открытого моря... Его еще прозвали Рыбий Маркиз...

— Совершенно верно, государь. Он самый. Я, правда, ума не приложу, откуда в таком захолустье взялся Королевский Секрет, но всякое в жизни бывало...

До дворца, как обычно, доскакали быстро, опередив карету Интагара, но его присутствия пока что и не требовалось — Королевский Секрет полагается выслушивать с глазу на глаз.

По первым впечатлениям, Сварогу маркиз понравился. Провинциальные дворяне обычно четко делятся на две категории: одни, впервые попав пред королевские очи, теряются и держатся излишне подобоострастно, другие блюдут некое достоинство. Маркиз явно относился ко вторым. И к тому же ничем не напоминал иных благородных паразитов из захолустья — свое дело на пустом месте завел, успешно им рулит...

Сварог немного поговорил о пустяках, чтобы дать маркизу время освоиться.

— Значит, у вас самая настоящая флотилия открытого моря... — сказал он задумчиво.

— Я надеюсь, вы мне не ставите это в вину, ваше величество? — осторожно спросил маркиз.

— Никоим образом, — сказал Сварог. — Люблю, когда люди занимаются делом.

— Рад слышать, ваше величество...

— А что там насчет дворянского этикета? — с любопытством спросил Сварог. — Я как-то подробно не вникал...

Маркиз позволил себе легонькую усмешку:

— По правде говоря, ваше величество, я воспользовался имевшей место быть п р о р е х о й в оном. Нигде

не говорится о запрете дворянам держать рыбацкие флотилии. Нигде не говорится также, что это разрешено, — но коли нет запрета... Я и раньше об этом подумывал, но денег не было, а вот когда получил наследство от тетушки, взялся за дело всерьез. Ну да, я знаю, что некоторые надо мной втихомолку посмеиваются, даже Рыбьим Маркизом прозвали, но мне на них, простите, плевать. У меня свое, доходное предприятие, живется лучше, чем насмешникам. Может быть, они это из зависти — сами хотели бы что-то подобное завести, да не умеют. Тупо пыжятся у себя в замках, выжимают из крестьян последнее — а на наших скудных землях из крестьян много не выжмешь, из-за непомерных поборов уже была парочка мятежей, по столичным меркам мизерных, но без крови не обошлось. А они так ничего и не поняли, если будут так продолжать, нового мятежа дождутся, покрупнее. А кому от этого польза? Сначала мужики под горячую руку прикончат кого попало, потом придут войска на усмирение, тоже дров наломают...

— Резонно, — кивнул Сварог. — У вас там, как я понимаю, крестьяне крепостные?

— Да, большей частью. Я своих давно перевел во фригольдерство, что только на пользу и им, и мне...

«Нужно будет послать туда толкового человека, чтобы навел порядок, — подумал Сварог. — Крепостных во фригольдеры перевести, паразитов поприжать, насколько возможно. Дать ему в спутники людей Интагара и кого-нибудь из гвардейских офицеров — и они там быстро всех научат, с какого конца рыбу чистить...»

— Значит, использовали прорехи в писанных и неписанных законах... — усмехнулся Сварог. — Признаться, я и сам так порой поступаю, когда представляется возможность. Иногда бывает нешуточная польза... Ну что же, давайте о делах. Что у вас за Королевский Секрет?

— Собственно говоря, все обстоит несколько иначе. Можно сказать, я сейчас — посланец к вам по

серьезному и тайному делу. Но если подумать, это впрямь Королевский Секрет...

— Говорите прямо, — прямо-таки приказал Сва-рог. — Не люблю, когда ходят вокруг да около...

— Понимаю, выше величество. Так вот... Я человек холостой, и у меня давно уже есть подруга... из Морских Дев. Там все серьезно, я бы на ней давно женился, если бы она согласилась, но она не хочет. Морские Девы не хотят жить на суше... Неделю назад она приплыла в крайне расстроенных чувствах и сказала: мне нужно немедленно отправиться к вам и все рассказать. Вам это просто необходимо знать — потому что вы, как они там у себя полагают, отчего-то не знаете. Однажды с вами уже встречалась одна Морская Дева, они это помнят и крайне к вам расположены, к тому же помочь можете только вы — из-за того положения, что занимаете в Империи. Короче говоря, в море недели три назад в большом количестве объявилась новая, не известная доселе, напасть. Вроде бы обычные морские змеи, но такие, каких раньше не было. И ведут они себя совершенно иначе. Обычных, прежних морских змеев давно приучили держаться подальше, а эти стали нападать на подводные города. Никак нельзя сказать, что они представляют столь уж смертельную угрозу, но они нападают все чаще, все большими стаями, есть разрушения и жертвы. К тому же их — я имею в виду не змеев, а морских жителей — з н а ю щ и е люди ничего не могут пока что объяснить толком, но в один голос твердят: что-то с этими змеями не то, не простые это змеи. Вот они и просят у вас помощи. Они вам не подданные, но на вас вся надежда. Вот тут у меня... Мне принесла Элайя... — Он полез в боковой карман камзола, чем-то явственно оттопыренный. — Это они с одного убитого змея шкуру содрали, целиком посылать не стали — они здоровенные, змей не менее десяти уардов в длину — а в самое последнее время встречаются и побольше. Они полагали, вам этого хватит, чтобы составить представление...

Он извлек объемистый сверток, положил перед Сварогом и развернул полотно. Сварог без малейшей брезгливости взял в руки кусок уже высохшей змеиной кожи, толщиной в палец. Повертел в руках так и этак, разглядывая черно-зеленый узор, что-то ему определенно напоминавший...

Ну, конечно же!

Он резко встал, отодвинув кресло (маркиз торопливо вскочил на ноги). Спросил:

— У вас есть что-то еще?

— Нет, ваше величество, только подробности... Элайя мне подробно рассказала, чтобы я передал вам...

— Ну что же, — сказал Сварог. — Я сейчас распоряжусь, вам отведут комнату во дворце...

— Ваше величество, если на то ваша воля, я бы быстрее отправился назад. Дорога занимает неделю — сначала сухопутьем, потом пароходом по Ителу, назад, получается, наоборот. Элайя ждет, беспокоится, как все они...

— Ничего, — сказал Сварог. — Я вас туда доставлю гораздо быстрее. Про самолеты слышали?

— Конечно. Но в жизни не видел.

— Теперь увидите, — сказал Сварог. — И полетите. Уже к вечеру будете дома... а пока что придется подождать. К вам придет человек, который подробно расспросит как раз о подробностях... простите, каламбур получился, ну да что уж...

В «Медвежью берлогу» он возвращался галопом, благо улочки были тихие, и движение по ним не особенно оживленным. Один раз им кинулся наперерез конный полицейский протектора, но, видимо, часто здесь дежурил и видел Сварога не раз — узнав, что есть мочи осадил коня, отдал честь рукой с висевшей на запястье плеткой. Сварог пронесся мимо — королей останавливать за превышение скорости как-то не полагалось...

Когда он вернулся в зал, там уже не танцевали, а сидели за столом. Гаржак настраивал виолон, остальные звенели бокалами и беззаботно болтали, включая чуточку повеселевшую Вердиану. Сначала его увидели сидевшие лицом к двери, а потом к нему повернулись все, глядя вопросительно.

— Оклер, на минуточку... — сказал Сварог.

Когда Оклер вышел, Сварог отвел его в сторонку от арки, вынул переданный маркизом сверток, встряхнул им, разворачивая, сунул собеседнику под нос кусок змеиной кожи:

— А д м и р а л, почему я ничего об этих змеях не знаю? Вы не могли их не засечь в море, их там много, а аппаратура у вас позволяет узреть даже креветку. Но я ничего не знаю...

— Как же так, командир? — с искренним недоумением воскликнул Оклер. — Я вам по всем правилам отправил подробный рапорт еще две недели назад. Вы ответили, что все обдумаете и сообщите мне инструкции... но до сих пор этого не сделали.

— К у д а рапорт отправили?

— В восьмой департамент, обычным порядком...

Сварог вздохнул. Каждый знает ровно столько, сколько положено знать. Оклер осведомлен, что аресты и чистки затронули и восьмой департамент, но подробностей ему не сообщали...

— Понятно, — сказал Сварог. — Отправляли лорду Гримдену, графу Бенору?

— Да, согласно инструкции...

— Означенный граф уже два дня как кукует в тюрьме Лорс, — сказал Сварог бесстрастно. — Значит, он ответил от моего имени, а ваш рапорт то ли отправил в архив, либо вообще уничтожил...

— Командир, я и предполагать не мог, — с убитым видом сказал Оклер. — В некоторых случаях мне ин-

струкция предписывает дублировать рапорты и для девятого стола, но не в этом деле. Я и подумать не мог...

— Я тоже, — оказал Сварог. — Он мне всегда казался надежным человеком, кто же мог подумать, что и он... Ладно, Оклер, вы ни в чем не виноваты. Действительно, вы и предполагать не могли... Ничего страшного, этот случай из тех, когда времени достаточно... Вам эта шкурка ничего не напоминает? Такая расцветка нам встречалась лишь однажды... точнее, дважды, но оба случая слиты в один...

Старательно присмотрясь, Оклер наморщил лоб и вскоре выдохнул:

— В лысого морского черта! Ермундгад и Митгард!

— Вот именно, — сказал Сварог. — Объяснение одно: они успели где-то отложить яйца, причем побольше, чем обычно мечут морские змеи. Детишки, чтоб им сдохнуть еще маленькими, подросли и начали пакостить. Это пока что именно м а л ь к и... не знаю, как они называются у змей. Но помню, что змеи растут очень быстро. А тем более, когда речь идет об этих тварях. Тут можно ожидать всего... У вас сохранилась копия рапорта?

— Конечно.

— Бросьте мне в девятый стол. Срочно пошлите кого-нибудь из ваших офицеров в Латеранский замок, пусть там найдет человека по имени маркиз Фаронт, он расскажет подробности. Бросьте все силы, какими можете располагать, на патрулирование подводных городов — змееныши стали нападать на морских жителей...

— Да, мне докладывали... Но я, как дурной водяной, ждал вашего распоряжения... Планировать... а то и начать истребление всех поголовно? Их не так уж много, мы засекли чуть побольше двухсот... хотя, конечно, кто-то из них может прятаться в подводных пещерах, как теперь ясно, их папенька с маменькой так и делали, мы даже нашли в одной из таких пещер сброшенную кожу...

— Отстреливайте только тех, кто нападает на города, — сказал Сварог. — Да, нападения на корабли были?

— Пока нет.

— Ну что же... За остальными пока что просто наблюдайте, выясните точное количество... и планируйте истребление всех. В качестве питомцев зверинца они меня нисколько не интересуют... хотя, конечно, пару-тройку следует непременно взять живьем для вдумчивого изучения. Когда раздадите приказы, возвращайтесь туда, — он мотнул головой в сторону зала. — Время у нас есть, не стоит раньше времени грузить людей новыми хлопотами. Пусть повеселятся как следует, коли уж выпал случай...

...Он стоял на чисто вымытой палубе жангады, ввиду некоторых обстоятельств огороженной проводочной сеткой в рост человека. Рядом, время от времени вздыхая, торчал староста, неофициальный зятек чертов, чтоб ему в неглубокой луже утонуть. Все оставалось по-прежнему: боевые корабли надежно блокировали выход из бухты, на жангаде стоял строгий порядок, чистенько, прибрано, ни следа бытового разложения...

Заложив руки за спину, Сварог смотрел на косолапившего у сетки малыша — говорить он еще не умел, но ходил более-менее уверенно. В который раз пытаясь развить в себе отцовские чувства, но получалось плохо: что-то такое он испытывал, но по недостатку опыта представления не имел, отцовские ли это чувства или что-то другое. Латойя, все в том же платице из рыбьей кожи, с ожерельем из золотых монет на шее, стояла поблизости, бросая на Сварога робкие взгляды. Красивая все-таки девка — но из-за обстоятельств их знакомства Сварог ничего к ней не испытывал, даже обычного мужского желания.

— Ну, как живется? — с усмешкой спросил Сварог.

— Плохо, — сказал староста. — Уныло жить на одном месте, пусть и на воде. Злой ты все-таки человек...

— Это я-то? — искренне изумился Сварог. — Нет, конечно, я никак не добрячок, с какой стороны ни подойди... Но вот ты от меня не видел ничего плохого. Учитывая, что ты меня однажды связанного топил, в уверенности, что именно утопил. Другой на моем месте с тебя бы шкуру содрал в самом прямом смысле, или за ноги повесил — а от меня ты даже по морде не получил. И не изображай мне олицетворение печали. Живешь тут, как мышь в головке сыра — ни штормов, ни морских хищников, кормят от пуза и даже вино дают... Получше той бражки, что вы у себя гоните, если не разживетесь винишком на берегу. Вон, рожа покруглела явственно, и даже второй подбородок наметился, чего раньше не было. — И вспомнил бессмертную кинокомедию. — Чего ж тебе еще надо, собака?

— Уныло без моря...

— Переживешь, — безжалостно оказал Сварог. — Ладно, могу тебя, прохвоста, порадовать. Будет тебе скоро свобода. Только его, — он кивнул на малыша, — я непременно заберу к себе. И не перекашивай мне тут рожу. Есть правила, которые даже мне нарушать нельзя.

Он нисколько не врал — не далее как вчера ему об этом напомнил сам Канцлер. Всякий ребенок лара от земной женщины должен воспитываться в Империи, и как можно раньше. Вот и этого карапуза лучше забрать немедленно: он сейчас в том возрасте, когда просто-напросто не осознает толком р е з к и е перемены в жизни. А когда чуть подрастет, уверял Сварога психолог, жангаду попросту забудет. И вырастет полноценным ларом. Вот только в отличие от его многочисленных предшественников надзор за ним будет о с о б ы й, нельзя пренебрегать предсказаниями — в чем Сварог

не раз убеждался... Конечно, вовсе не обязательно, что речь идет об этом именно малыше, — но предусмотреть нужно все, чтобы не пожалеть потом...

— Это что же получается... — угрюмо сказал староста. — Ребенка от родной матери отнимать? Она его любит по-настоящему, между прочим — нормальная баба, не коряга бесчувственная...

— Да ладно тебе, водоплавающий, — поморщился Сварог. — Никто и не отнимает. Заберем и ее. Вот только воспитывать она его будет не как у вас принято, а как там велят...

— Помрет она у вас от тоски... — печально сказал староста.

— Авось не помрет, — безапелляционно ответил Сварог.

«Не помрет, — повторил он про себя. — В крайнем случае воспользуюсь правом каждого лара на п р и ч у д у, изготовят летающий замок в виде озера, посреди которого на островке будет стоять манор, маленькую копию жангады ей сделают, чтоб плавала, сколько влезет. На худой конец, будут ей регулярные прогулки по морю устраивать. Никаких затрат и особых хлопот не потребуется — а ребенка должен кто-то воспитывать, он уже успел к маме привязаться, жестоко будет оставить ее на земле, то есть на море — и психологи именно за такой вариант...»

— В общем, скоро я их заберу, — сказал он твердо. — Переживешь как-нибудь. И она переживет. Думаешь, я не слышал о случаях, когда ваши девки выходили за жителей суши? Не так уж часто, но бывало. И что-то ни разу не случалось, чтобы кто-то из них умер от тоски. Жить они предпочитали в приморских деревнях и городках, что правда, то правда, за рыбаков чаще всего выходили. Но никто от тоски не умер, мне справку знающие люди готовили...

— Уныло... — снова завел свою пластинку староста.

— Уныло, когда тебя на бабе ее муж поймает, в особенности если он ростом под потолок, и кулаки у него что гири. Вот тогда да, уныло. А сейчас... Все переживут, а дитенок вообще скоро забудет и жангаду, и твою продувную рожу. Как только я их заберу, можешь проваливать в море на все восемь сторон света, ты мне совершенно без надобности. Даже в виде чучела для музея не годишься, нет у нас в музеях таких чучел, мы люди цивилизованные, если ты понимаешь, что это значит. Ты ведь понимаешь, правда? Хоть ты и строишь из себя вахлака, мои ребята, когда обыскивали жангаду, у тебя в хижине нашли два десятка книг, и не романчиков каких-нибудь, а достаточно серьезных. Они у тебя и сейчас лежат, сам знаешь. Так что прекрасно ты знаешь слово «цивилизованные».

— Ну, знаю. И что толку?

— То есть как это — что толку? — хмыкнул Сварог. — Все для тебя складывается прекрасно. Катись в море на все восемь сторон. Правда, я тебе снова повторю, о чем когда-то предупреждал... Куда бы ты не поплыл, над жангадой круглые сутки будет висеть в небе не особенно и хитрый механизм, чтобы за тобой приглядывать. И если снова попытаетесь человеческую жертву принести, тот же механизм вас приволокет к ближайшей суше, а там повесят всех — и тех, кто пытался, и тех, кто распоряжался, — тебя первого — и тех, кто смотрел. Накрепко запомнил? Что ты рожу кривишь? Не по вкусу тебе такое будущее? — Сварог с любопытством к нему присмотрелся: — Конечно, не по вкусу, но ты еще что-то скрываешь. И не спорь, умею я просекать такие вещи, если помнишь наш прошлый разговор. Ну, что там еще? Будешь врать, моментально определю. Ну? Или тебя на сушу, в тюрьму загнать, где ты моря и в окошечко не увидишь? Что мне стоит... Ну?

Отворачивая лицо, староста пробубнил:

— Что-то меня сейчас в море и не особенно тянет...

— А с чего это вдруг? — прищурился Сварог. Откуда столь резкая перемена жизненных ценностей и вековых традиций? То он без моря подохнуть от тоски грозитя, то ему в море не хочется...

— П л о х о сейчас в море, — буркнул староста. — А скоро будет еще хуже. Лучше уж тут пересидеть...

— А точнее? — с любопытством спросил Сварог.

— Да не знаю я, что там «точнее». Чую только, что в море плохо, а скоро будет еще хуже...

Он не врал, что интересно.

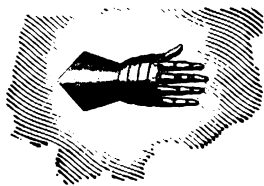
— Вот оно как... — сказал Сварог. — А ведь никакой совершенно магией ты не владеешь, точно выяснили. Ни черной, ни белой, ни стагарским морским волшебством. Колись...

— Да никакое это не морское волшебство и уж тем более не магия, — пробурчал староста после долгой паузы. — Просто мы, с незапамятных времен по морям плавая, научились чують то и это... Сижу здесь и чую, что в море творится, как там оно обстоит...

И на сей раз он нисколько не врал.

— Понятно... — сказал Сварог.

И подумал: непременно надо отдать паршивца на время экспертам Морской Бригады. Пусть разберутся с этим «чутьем», о котором прежде не упоминалось в чисто поверхностных докладах о морских бродягах. Вдруг да на что-то и пригодится...

Глава XI

ОТ ОБИЛЬЯ ПОДСТУПИВШИХ НЕВЗГОД...

Виртуозно матерясь, сплетая сложные кружева площадной — точнее уж, лесной — ругани, принц Элвар размашистыми шагами мерил малый кабинет Сварога от стены до стены, немилосердно грохоча пыльными грязными сапогами. Сварог сказал негромко:

— Ваше высочество, вы бы вылечили себя... Минутное дело, что вам стоит...

Правый рукав зеленого кафтана принца — и рукав рубашки заодно — был, судя по всему, откромсан кинжалом, повыше локтя белела повязка из чистого полотна, в нескольких местах темневшая кровавыми пятнышками. И правый рукав был обрезан, разве что по локоть, повыше запястья красовалась такая же повязка, правда, не кровавившая. Волосы растрепаны, на щеке подсохшая длинная царапина, одежда в грязи, прилипшей сосновой хвое и темных пятнах, о происхождении которых догадаться нетрудно. Меч с измазанными такими же пятнами золоченым эфесом тяжело колыхался на бедре, а вот фляга на поясе

подпрыгивала так, что было видно — пустая. Всяким Сварог видывал принца, но никогда таким вот — рас-трепанным, грязным, окровавленным. Ну, ничего удивительно, учитывая случившее...

Принц отмахнулся:

— Успеется, ничего страшного... Ага!

С носорожьей грацией прыгнув к столу, он увидел непочатую бутылку келимаса, привычно выдернул уже освобожденную от сургуча пробку и закинул голову, приложив горлышко к губам. Какое-то время слышалось только громкое бульканье. Когда принц поставил бутылку, она оказалась осушенной до доннышка — хотя и была из темного стекла, сразу видно, что пуста. «Силен, бродяга, — подумал Сварог с невольным уважением и даже восхищением, — мне такое в жизни не повторить...»

— Они сожгли Роменталь! — рявкнул принц, перемежая это виртуозной руганью. — Навалились неожиданно, числом нас превосходили почти что втрое. Мои молодцы охулки на руку не положили — каталаунец, будь он пьян вдрызг, мечом виртуозит, как хорошая портниха иглой. Но их было слишком много, я приказал отступать, иначе всех перебили бы к лешевой матери... Виманы я всегда держал под защитным полем — как ни уютно мне жило в Каталауне, а имперская техника есть имперская техника, я мозги не пропил, понимаю. Со мной сюда прилетело человек пятьдесят, половина поранена, нужно их как-то перевязать и разместить...

— Я уже распорядился, — сказал Сварог. — Все необходимое делается — разместили, перевязывают раненых, поят и кормят... Не беспокойтесь о них.

Да, это был нешуточный сюрприз и нешуточное всеобщее удивление, когда в парке Латеранского замка неожиданно приземлились две виманы, не обремененные невидимостью...

— Сто сорок лет стоял замок! — гроыхнул принц Элвар. — Несколько поколений на земле сменилось — и хоть бы однажды стекло разбили, дверную ручку свинтили... Но не в том дело. Отстроить замок при необходимости — левая задача, суток достаточно. Не в том дело — совсем не в том! Сто сорок лет обитаю в Каталауне, несколько поколений сменилось... ах, да, я уже это говорил... Так вот, не буду хвастать, но в Каталауне меня всегда уважали и даже, пожалуй что, любили. На стольких свадьбах был посаженным отцом, у скольких младенцев был приемником — ну, если их родители исповедовали веру в Единого. Даже Кернуннос, когда я с ним как-то ночью столкнулся на лесной тропинке, вежливо поклонился и дал дорогу. И вот, извольте ли видеть! Это необъяснимо. Там не было чужаков — я про нападавших. Исключительно местные, очень многих я узнал в лицо, — хватало тех, у кого я был посаженным отцом или приемником, просто старых знакомых. В жизни бы не подумал, что они, вообще каталаунцы, могут на меня однажды напасть. В Каталауне всегда был как дома... И нате вам... Когда мы сели в виманы, видели, как загорелся замок. Они все на себя не походили, словно вдруг взбесились...

— Полагаю, в определенном смысле так и обстояло, — сказал Сварог.

— А?... — Принц уперся в него бешеным взглядом. — У вас что-то есть?

— Да, сообщение от Мистериора, — сказал Сварог. — Я еще не знал, что вы прилетите, не знал о нападении на Роменталь... За несколько часов до того в тех местах зарегистрировали проявление черной магии непонятной природы. Так они выражаются: «единичные всплески» — и в Мистериоре есть своя бюрократия, казенные термины. Только идиот не усмотрит связи меж двумя событиями...

— Да уж, несомненно, есть связь... — сказал принц убежденно. — Они бы так поступили, будучи исключительно черным колдовством обмороченные. Уф! Даже чуточку легче на душе! Значит, они так поступили не по собственной воле, а мороку подвергшись. Даже от сердца отлегло — ну в самом деле, куда обычному человеку против черной магии... А что там насчет подробностей?

— Еще не знаю, — сказал Сварог. — И в Мистериоре не знают. Я же говорю, они не смогли определить природу «всплесков». Нечто прежде не встречавшееся.

И мысленно продолжил: «В точности как в прошлый "всплеск". Косяком пошла непонятная черная магия, и если бы только в Каталауне — о чем принц пока что не знает...»

— От души отлегло, — продолжал принц. — Они не по своему хотению, это легче перенести... Лорд Сварог, у вас не найдется еще бутылочки лечебного?

Сварог, мысленно вздохнув, достал вторую бутылку келимаса, поставил перед принцем. Элвар щелкнул пальцами — и с горлышка облачком коричневой пыли взвился сургуч, освободив пробку, которую принц выдернул с той же сноровкой. Снова долгое бульканье, пустая бутылка встала рядом с сестрой.

В правом верхнем углу экрана замигал синий огонек, и мигом позже на экран вывалилось довольно обширное сообщение. Сидевшему с обратной стороны экрана принцу он был невидим, как любому, — никакой магии, просто технические особенности здешних компьютеров...

«Час от часу не легче, — подумал Сварог, пробежав глазами текст. — Словно нечто с цепи сорвалось...»

— У вас все?

— А что, этого мало? — яростно фыркнул принц. — Все, в общем, остаются мои чувства, а их к делу не подосьешь...

— В таком случае... — сказал Сварог мягко, но решительно. — Я вам искренне сочувствую, ваше высочество, понимаю, что вам пришлось пережить. Однако... У меня сейчас выше макушки других серьезных забот. Словно внезапный обвал в горах... В Горроте происходит что-то непонятное, хорошо еще, что никакой магии не засекли. Зато в Харлане и маркизате Вантерн полным-полно «точечных всплесков», покрыли карту, как сыпью... Мне нужно работать...

— Да, понимаю, — сговорчиво сказал принц, подняв перед грудью обе ладони. — Говорю же, мозги не пропил. Вы уж работайте на совесть... — Он встал.

— Я распорядился, — сказал Сварог. — Там, в приемной, камер-лакей, он вас проводит в ваши обычные апартаменты. Туда уже доставили вдоволь... целебно-го. Переоденьтесь, раны залечите...

Когда принц ушел, бормоча ругательства, Сварог перечитал сообщение. Оно ничего не проясняло, лишь усугубляло уже свалившиеся на голову загадки. Докладывали летчики, те самые, с замаскированных под самолет виман, которые Сварог вместе с другими настоящими самолетами держал в Акобаре. Из их сообщения следовало, что на летном поле, конфискованном у владельца (правда, с подлежащей компенсацией) ипподроме, вдруг объявился барон Скалитау с двумя людьми, залез в виману и стал кричать, что ему необходимо вылететь в Латерану. Летчики без приказа не согласились было — но тут на ипподром влетел конный отряд и помчался прямо к самолетам, стреляя издали. Поневоле пришлось идти на взлет и взять курс на Латерану. Судьба двух оставшихся самолетов неизвестна — в них-то летчики не дежурили, сидели в отведенном под диспетчерскую домике на ипподроме — и, по мнению пилотов, вряд ли успели добежать до своих машин — вимана взлетела, по пятам преследуемая ожесточенно палившими всадниками, будь это обычный самолет, ему давно продырявили бы бензобаки...

Положение усугублялось тем, что в Акобаре никто не отвечал на вызовы Сварога, никто из шести связников — ни «абертанские школярки», приставленные охранять Литту, ни люди из восьмого департамента и девятого стола. Ничего доброго это повальное молчание не сулило, особенно угнетало то, что молчали «школярки». Конечно же, он задействовал и Золотого Обезьяна, обосновавшегося в «Медвежьей берлоге», и наблюдателей из двух своих спецслужб, располагавшихся там же, — но подробных отчетов пока что не поступило...

Их еще не было, когда минут через двадцать появился барон Скалитау, чем-то напоминавший сейчас принца Эвалара — разве что на одежде нет пятен грязи и крови, но вид довольно растерзанный. Голова перевязана таким же полотном с проступившим кровавым пятном.

Прямо-таки рухнув в кресло, барон облегченно вздохнул:

— Добрался наконец-то...

— Что у вас с головой? — спросил Сварог. — Врач нужен?

— Да нет пока. Кожу рассекло, и только, перетерплю. Вот чарочку бы...

— Это просто, — сказал Сварог, достал еще бутылку, наполнил вместительную чарку.

Барон ее осушил, как воду, откинулся на спинку кресла, чуть посидел с закрытыми глазами, потом выпрямился, глянул на Сварога словно бы т о с к у ю щ е:

— Это свалилось как кирпич на голову...

— Давайте без эмоций, — сказал Сварог приказным тоном. — Вы не пансионерка из благородных девиц, а начальник тайной полиции, много лет на этом посту сидите...

— Да, конечно... Это началось примерно десять часов назад. Мои люди подняли тревогу, я выскочил... Замок был битком набит ч у ж и м и — какие-то типы

с закрытыми лицами, в черных колпаках с прорезями. Повсюду шла форменная резня, ваше величество! Ваших людей убивали всех подряд — а других в замке и не было, если не считать полудюжины моих, которых вы мне разрешили там держать. Мне доложили, что убита и королева, и ее пажессы, судьба принца-подменыша неизвестна... Поймите, я ничего не мог сделать! Охрану замка вы полностью возложили на своих людей, моих четверых из шести тоже, скорее всего, прикончили, они так и не объявились. Что было делать? Мы кинулись в потайной ход — как все королевские дворцы, наш пронизан потайными ходами, словно оставленная на произвол мышей головка сыра. Не каждый король знает их все, а вот начальник тайной полиции обязан... Тот ход, в который мы нырнули, заканчивается далеко от дворца, выходит в ничем не примечательную бакалейную лавку. На улицах не было ни суеты, ни переполоха — это, судя по всему, затронуло только дворец. Мы втроем бегом добрались до ипподрома, ваши летчики сначала не соглашались лететь, ссылались на то, что должны сначала получить приказ от вас. Но когда на ипподром ворвалась эта конная орава, палящая из всех стволов, они поняли, что дело скверное, взлетели... И вот что еще... Во-первых, нападавшие никак не могли прорваться извне — вы поставили хорошую охрану, она бы их задержала, подняла тревогу. Но ничего подобного не было. Они нагрянули словно бы ниоткуда, изнутри. В одном месте я сам видел, как в стене зияла дыра, окаймленная светящейся линией, и оттуда валили эти... с закрытыми лицами. Ничего не могу утверждать определенно, но... Настоящие Стахор и Эгле, мне точно известно, владели умением проникать в некие соседние миры, то ли на Соседние Страницы, то ли в Заводи. Мне так в свое время и не удалось установить точно, но, скорее всего, все же в Заводи...

— Почему вы об этом молчали раньше? — сухо спросил Сварог.

— Но я вовсе не молчал, ваше величество! — с нескрываемой обидой воскликнул барон. — В самом начале, когда вы меня попросили написать обстоятельный доклад, я об этом упоминал, видимо, вы просто не обратили особого внимания...

Сварогу понадобилось не более пары минут возни с клавиатурой, чтобы убедиться: барон был прав. Упоминал, точно — но тогда Сварогу это показалось трюестепенным, и он как-то запаматовал. Были более важные дела, нежели изучать способности горротской королевской четы — которой к тому же уже не было в живых...

— Мои извинения, барон, — сказал Сварог. — В самом деле, вы писали, а я запаматовал... что там «вторых»?

— Не у всех были закрыты лица, — сказал барон. — И я своими глазами видел среди них принца Эгмонта... н а с т о я щ е г о, никаких сомнений. Двойники, подменыши были, конечно, похожи, как две капли воды, но все равно, не удалось добиться идеального подобия в осанке, походке, жестах... Тот, кто долго общался с настоящими, это легко распознает. Потому-то и изгнали из дворца всех давно и тесно общавшихся с королевской четой, когда устроил переворот и привел подменшей этот клятый граф Брашери, или как он там у вас зовется.

— У нас он звался точно не так, — сказал Сварог. — Но это сейчас абсолютно неважно...

На столе зажглась одна из лампочек, устроенных так, что были видны только сидящему в кресле Сварогу. Ага, в приемной объявился Интагар, но в кабинет не рвался — значит, подождет...

— Вы уверены, что это был настоящий принц? — спросил Сварог.

— Совершенно уверен, ваше величество. Повзрослевший, конечно, за все эти годы безвестного отсутствия, — но это он, никаких сомнений. Тоже был с мечом наголо, распоряжался...

«Волчонок пришел мстить за родителей, — подумал Сварог. — Вот только откуда и с кем? И где он все это время отсиживался?»

— У вас есть что-то еще?

— Ну, что еще... — задумчиво протянул барон. — Я видел, как в одном из коридоров эти, в черных колпаках, рубились с вашими людьми. Я в военном деле разбираюсь плохо, но мне показалось, что они очень опытные бойцы, очень хваткие. Ваших они буквально снес и...

А ведь не самых плохих бойцов отправил Сварог охранять дворец, антланцы, хорошо обученные бою на мечах, гланские гвардейцы...

— Ну что же, — сказал Сварог. — Ступайте, там ждет лакей, он вам покажет комнату. Отдохните, вас перевяжут как следует. Интагару скажите, пусть дожидается, я его сам вызову...

Мигающих синих огоньков на экране компьютера горело уже целых пять. Ага, первые донесения поступают...

В Горроте по-прежнему ни следа черной магии — и особой суматохи за пределами дворца нет. Разве что он окружен плотным кольцом тамошних Синих Егерей — настоящих или просто ряженных, не поймешь. А вот внутри... Золотой Обезьян уже успел обстоятельно «пройтись» по дворцу. Все кончено. Действительно, настоящая резня, коридоры, лестницы, комнаты — везде трупы. Сварог увидел и мертвую Литту, с безмерным удивлением на лице смотревшую остановившимся взглядом в потолок — ее убили тремя пистолетными выстрелами в упор. Тут же две мертвых «школярки», буквально изрубленных в куски, — то еще зрели-

ще. Кое-что они все же успели сделать — в спальне с полдюжины трупов в черных колпаках. Повсюду суэта — трупы кладут в длинные мешки, заворачивают в большие куски грубого холста, сносят на первый этаж в огромный вестибюль, укладывают буквально штабелями... А вот и принц Эгмонт, меч уже в ножнах, он распоряжается, и его почтительно слушают — очень похоже, что он здесь не только для декорации, хотя есть еще парочка людей, отдающих приказы...

И в Харлане — сквернее некуда. Такое впечатление, там форменным образом ополоумели, в точности как говорил принц о напавших на его замок каталаунцах. И гвардейцы с армейцами (в том числе хранившие до того верность Сварогу полки), и вооруженные чем попало горожане и крестьяне по всему великому княжеству напали на гарнизоны приведенных из владений Сварога частей, в военных портах начались самые настоящие морские сражения — харланские корабли атаковали военных моряков Сварога, много кораблей, не успевших сняться с якоря (мало кто успел), расстреливают в гаванях, некоторые уже горят. Какое-то всеобщее помутнение умов — есть уже подозрения, что и в Каталауне, и в Харлане столь бурные события вызваны той самой неизвестной магией, «всплесками» — в совпадение что-то плохо верится. Из маркизата Вантерн сообщений пока что не поступало — ну, это понятно, Сварог сам распорядился — им заниматься в последнюю очередь: сколько там того маркизата, есть заботы поважнее...

Так, рапорты агентов, коих он в Горрот вообще и особенно в Акобар послал немало. Вот их как раз дворцовые события никак не коснулись, никто на них не напал — и они, получив команду, вышли на улицы осмотреться. Из дворца разъезжаются герольды, кое-где на площадях они уже приступили к делу, читают воззвание принца Эгмонта. Некие подлые заговорщики

неожиданно ворвались во дворец, им даже удалось убить королеву — но принц уцелел и взял бразды в свои руки. Подданных он призывает сохранять полное спокойствие — мятеж подавлен, заговорщики обезврежены, нет основания для паники...

Сварог выругался в бессильной ярости. Его собственный план касательно Литты и подменыша-принца обернулся против него самого. Кто теперь докажет, что принц — ненастоящий? Точнее, как раз настоящий, но д р у г о й? Даже те, кого смело можно считать искренними сторонниками Сварога, — то есть Литты, — ничегошеньки не заподозрят и будут повиноваться приказам н ы н е ш н е г о принца. У которого, вероятнее всего, найдутся не только умелые бойцы (неизвестно откуда взявшиеся, отметим), но и какие-то приближенные, сподвижники, сокомпанейцы... Остается только наблюдать — а что тут предпримешь? Скоропалительные выводы делать рано, но невозможно отделаться от мысли, что Горрот он п о т е р я л.

Как и Харлан. В одночасье. Из Харлана от него настойчиво требовали указаний, и агенты во дворце великих герцогов (тоже подвергшемся нападению, причем нападавшие убивали всех подряд, кто там находился), и моряки, и сухопутчики...

Он не колебался и не медлил. Слишком много времени потребовалось бы, чтобы перебросить из-за снольдерской границы в Харлан достаточное количество полков. Получится не быстрое подавление мятежа, а самая настоящая затяжная война, которую нет смысла сейчас развязывать. Положа руку на сердце, Харлан так и оставался все это время самым слабым звеном в цепи: и черной магии там до сих пор не в пример больше, чем в других королевствах, тамошний трон Сварог занял, не будучи з в а н — скорее уж как-то автоматически, после отсечения Хартога. И особенной любовью там никогда не пользовался, многие

его просто т е р п е л и, не отваживаясь на заговоры или бунты. Не столь уж большое сокровище, если подумать, — представлял ценность главным образом как морская база против Лорана, но теперь и это под большим сомнением...

А потому он, не колеблясь, отдал приказы: коннице и пехоте отступить в Снольдер, Ронеро и Ямурлак, кому куда ближе — при возможности смыкаясь в крупные соединения. Военным кораблям — прорываться из харланских портов, насколько это в их силах. Морякам с получивших значительные повреждения кораблей, ставших негодными к бою, — отступать сушей в тех же направлениях. То же предписывалось и капитанам кораблей, убедившихся было, что прорваться невозможно. Тем, кому это удалось, — бой не продолжать, на всех парусах или на полной мощности паровых машин уходить в порты трех вышеназванных государств.

И все равно он понимал — потери будут большие, особенно среди моряков, оказавшихся в гораздо более худших условиях, чем конница и пехота. Подумал еще: здесь определенно должен быть какой-то центр, управляющий событиями. События в замке Роненталь, в Горроте и Харлане развернулись практически одновременно, так что и тут о совпадении думать как-то глупо. К тому еще неизвестно, чем «порадует» Вантерн — там ведь тоже во множестве наблюдались «всплески» — которых в Горроте, правда не зафиксировано, но это еще ни о чем не говорит... Пора звать Интагар...

Интагар прямо-таки влетел в кабинет, плюхнулся на указанное Сварогом кресло, выдохнул:

— Государь, в Горроте...

— Стоп! — поднял ладонь Сварог. — Мне уже кое-что доложили... В Горроте герольды уже оглашают воззвание принца... Можете к этому что-то добавить?

— Нет, ваше величество. Но и люди во дворце молчат. Так ничего и не сообщили, хотя там явно что-то произошло...

— В Харлане повсеместно нападают на наши войска и корабли, — продолжал Сварог. — Во дворце — резня. Можете что-то добавить?

— Нет...

— Ну вот, я все уже знаю и сам... Может, есть что-то по Вантерну? Вот о нем мне ровным счетом ничего пока не докладывали, я его отложил на потом, не до него сейчас...

— Как сказать, государь... Сообщения идут не из Вантерна, а из Ронеро. Туда форменным образом хлынула через границу немаленькая орава: практически вся армия маркизата, изрядное число вооруженных чем попало подданных. Не менее трех тысяч человек. Что мне совершенно непонятно — к ним примкнули стоявшие недалеко от границы, казалось бы, вполне надежные два ронерских полка — «безымянный» пехотный и «Пятый драгунский». Как можно судить, примкнули без малейшего раскола в рядах, разброда... Они продвигаются довольно быстро. — Интагар досадливо поморщился. — Это опять-таки выглядит странным и необъяснимым, но к ним массами присоединяются горожане и крестьяне из оказавшихся на пути городков и деревень. Вооружаются чем попало и примыкают... Вот пушек у них мало — дюжина вантернских, далеко не самых последних образцов, «полковушки» ронерской пехоты и драгун. По ним попытался было ударить Второй драгунский, но боя не было, снова произошло нечто странное — полк натуральным образом разбежался, рассыпался, словно Пан свистнул. Но все уверяют, что Пана давно уже больше нет, весь Каталаун убежден...

«С полным на то основанием», — мысленно добавил Сварог. Он еще в первый год своего пребывания здесь с нешуточным удивлением обнаружил в здеш-

нем пантеоне Пана — не бога, второразрядного лесного божка, известного исключительно в Каталауне. Совершенно такого же, как на Земле: свистом наводил панику на диких и домашних животных, путался с наядами и дриадами... Вот только он давненько уже перестал существовать, пропал в нетях, умер — называли это по-разному. Такая уж особенность присуща здешним божкам и богам — когда количество почитателей падает ниже определенного уровня, они словно бы дематериализуются — как обстоит с ядерной реакцией, только совсем наоборот. Слишком многие, от магов Мистериора до боевых монахов, от Грельфи до каталаунских колдунов заверяли Сварога, что Пана больше нет. Удивляться его былому существованию не стоило: Сварог давно убедился, что меж Землей и Талларом кое в чем есть определенное сходство: Церковь Единого во многом напоминает христианскую, Глан в некоторых отношениях крайне похож на Шотландию, от мужских юбок до уклада жизни, иные географические названия и имена совпадают... Ничего удивительного — все же две Соседних Страницы...

— И что дальше? — спросил он.

— Пока это все сведения, какими я располагаю. Известно одно: они продвигаются вперед «полетом ворона», по прямой. Себя они называют «белые колпаки» — на них на всех белые капюшоны с прорезями, и такие же напяливают на всех примкнувших. У них есть обоз с немаленьким запасом, как будто они заранее рассчитывали именно на такой оборот дел — что к ним примнет немало народу...

«Ничего нового, в общем, — подумал Сварог, прилежно изучивший в свое время историю мятежей за два последних столетия, — королю такие вещи необходимо знать. Были уже "красные повязки", "зеленые кафтаны", "синие плащи" и еще с дюжину отличительных знаков. А теперь вот объявились "белые колпа-

ки"... только в прошлые времена не случилось, чтобы к мятежникам без малейшего разброда в рядах примыкали армейские полки, с таким размахом уходили в мятеж крестьяне и горожане, в паническом страхе разбегались оказавшие сопротивление воинские части... Учитывая все эти странности, нужно наладить за ними постоянное наблюдение. Исключительно имперской техникой — обычные агенты тайной полиции здесь бесполезны, их мало, они разбросаны где попало...»

— Рано делать поспешные выводы, — сказал Интагар. — Но если приложить к карте линейку... Если их путь останется прежним, они упрутся прямехонько в Латерану...

— Ну, мы еще посмотрим, как там у них получится идти прежним путем... — зло усмехнулся Сварог. — Я сейчас же отправляю самолеты за Арталеттой и маршалом Гарайлой, к ратагайцам, соберу военных... Времени, я так полагаю, у нас достаточно, они еще далеко, ваши «белые колпаки»... Им до Латераны путь неблизкий... Ну, чисто военные дела я беру на себя, тут уж ваш опыт ничем не поможет... Разве что задействуйте вашу агентуру в тех местах, что лежат у них на пути. Найдется такая?

Интагар что-то прикинул, наморщив лоб:

— Среди селян — почти нет, так, парочка. Гораздо больше моих людей в Тамизене: немаленький город, провинциарий, лежит у них на пути... если мысленно продолжать прямую линию, если они с нее не свернут. Там и войска и моих людей хватает — отнюдь не захоlustье. Поработаем. Заодно прикину, как в в е с т и к ним моих информаторов, это всегда делается при мятежах при малейшей к тому возможности...

— Займитесь немедленно, — кивнул Сварог. — Значит, определились: на мне — военные дела и наблюдение, все остальное — на вас. Ну, а помимо этого ничего не стряслось чисто в н у т р е н н е г о?

— Куда ж без этого, ваше величество, — сказал Интагар. — Всегда обрисуетя на горизонте что-то скверное... хотя на сей раз, как у нас бывало, не особенно и опасное. Заговор в Равене, собираются то ли низложить, то ли еще и убить правительницу Арталетту и отложиться от вас. Настроены серьезно, но их пока что очень мало, человек с полдюжины, правда, все занимают немаленькие посты или ходят в немалых воинских чинах. Р а с ш и р я т ь ряды заговорщиков и склонять на свою сторону полки пока что не планируют, они еще не развернулись как следует — но, повторяю, учитывая уже участвующих, нужно отнестись со всей серьезностью. Остается действовать наработанными методами: наблюдать, а когда число заговорщиков начнет бурно расширяться, внедрить туда своих людей. Наблюдаем старательно, только есть одна загвоздка... Гвардейский генерал и баронесса, из придворных, несомненные главари, судя по известиям об их общении с остальными, безусловно — в заговоре. Но с ними труднее всего. Тут и имперские средства наблюдения бессильны.

— Почему? — спокойно спросил Сварог.

— Отрубите мне голову, но все указывает на то, что они пользуются «тарабарскими пальцами».

— Это еще что такое? — спросил Сварог. — Про «тарабарскую музыку», она же «тарабарская грамота», давно знаю, а вот насчет каких-то тарабарских пальчиков впервые слышу.

— Не впервые, государь, — спокойно ответил Интагар. — Я вам когда-то рассказывал, довольно давно, вы, должно быть, запомнили, не увидев в этом ничего для себя полезного.

— Напомните быстренько, — нетерпеливо сказал Сварог. — Не хочется копаться в памяти.

— Это нечто вроде языка жестов, «алфавита пальцев», — сказал Интагар. — Только чуточку другое. Язык прикосновений, что ли, можно и так ска-

зять. Вот, посмотрите. — Он поднял к лицу ладонь тыльной стороной вверх, коснулся ее указательным пальцем правой. — Состоит из трех знаков: просто касание, пальцем проводят вдоль ладони, или поперек. Комбинация этих трех касаний создает своеобразный алфавит, позволяющий вести довольно сложные беседы. Есть несколько разновидностей. Если «язык жестов» используют не только «тарабарцы», но и масса народу, не имеющего к ним никакого отношения, — главным образом влюбленные, но и многие другие тоже, есть три разновидности — то «тарабарские пальчики» пользуют исключительно «тарабарцы». Я впервые сталкиваюсь со случаем, когда этим владеют люди, не имеющие к преступному миру никакого отношения. Но, повторяю, у нас есть куча косвенных данных, позволяющих заключить, что г л а в н ы е беседы эта парочка как раз и ведет посредством «тарабарских пальчиков» — ночью, под одеялом, они любовники, что не особенно и скрывают. Когда они на следующий день встречаются с другими заговорщиками, разговор ведут так, словно ночью уже многое обговорили. А могли они это сделать исключительно посредством «тарабарских пальчиков». Никто еще не слышал о людях, способных обмениваться мыслями, и в Империи, вы сами как-то говорили, тоже. Я, правда, не пойму, почему это пришло в голову кому-то только сейчас: «тарабарские пальчики» — идеальное средство обсуждать детали любого заговора и оставаться при этом недоступными даже для имперских средств наблюдения, о которых вы мне так любезно рассказали...

— Действительно... — сказал Сварог. Тут бессильна любая техника, и имперская, и хельстадская. Ночью, под покрывалом, касаясь пальцами друг друга можно до рассвета дела обсуждать, и никто этого никогда не заметит... Черт побери!

— Что, ваше величество? — осторожно спросил Интагар.

— Мне пришла на ум другая парочка, — медленно сказал Сварог. — Дали и Орк. Неизвестно откуда взявшаяся, словно из воздуха возникшая девица, которая мастерски умеет совершать перевороты и располагает неведомо откуда взявшимися приличными деньгами. И один из самых известных на Таларе авантюристов, отчего-то вопреки своим всегдашним привычкам задержавшийся в ее постели аж на два месяца. Ему прежде категорически несвойственно было два месяца провести с одной женщиной, практически не расставаясь с ней — и без авантур и всяких дурных приключений он никогда так долго не обходился.

— Думаете...

— Начинаю подозревать, — сказал Сварог. — Если они что-то все же плетут, лучшего средства, чем «тарабарские пальчики», не придумать — ночью, под одеялом... Да за два месяца столько можно обсудить... Я, конечно, ничего не утверждаю. Но подозрения появились. Орк последние две недели оттирается как раз в Вантерне. Правда, он и сейчас там, но это еще ничего не доказывает и не опровергает.

— Если они и связаны с мятежом «белых колпаков», установить это будет крайне трудно, — сказал Интагар. — И мне и вам. Конечно, такое предприятие невозможно без связных — но если они пользуются ташками, перехватить разговоры невозможно... Попросту нет средств, возможностей. Знаем только, что оба — на прежнем месте: Дали в Шалуате, а Орк в Вантерне...

— Вот именно, — утрюмо поддакнул Сварог. — Только это и в состоянии установить точно — что одна в Шалуате, а другой — в Вантерне ... — что-то всплыло из подсознания, он вскинул голову, сказал со злым азартом: — Интагар, кое-какие возможности все же есть! Я вам пока что ничего не скажу, боюсь попасть

впросак... но о результатах, если только они будут, вы узнаете первым... Идите. Займитесь, со своей стороны, тем, что мы уже обсудили. А я тут кое-что попробую установить.

Когда Интагар вышел — неторопливо и неохотно, явно сгорая от любопытства, но дисциплинированно не задав ни единого вопроса — Сварог подошел к «секретному» шкафчику, открыл дверцу, прилепив большой палец повыше резного завитка справа. Достал небольшую плоскую шкатулку — самую обыкновенную, сделанную на земле, покрытую не особенно и затейливой резьбой, — открыл.

Внутри шкатулка была обита синим бархатом — и в гнездах лежал десяток самых обыкновенных на вид шмелей — но это были Золотые Шмели, разве что в другом исполнении, безобидном, не способном никого удивить или насторожить. Два месяца пролежали без дела, прихваченные на всякий случай — и вот дождались своего часа. Ох, не зря в свое время Сварог распорядился их изготовить, именно таких...

— Придется поработать, ребята... — сказал он тихонько, со злой усмешкой.

ПОЛЕТ ВОРОНА

Сварог сидел в своем кабинете, откинув голову, прижав затылок к спинке кресла, прикрыв глаза. Шмели пока еще были на подлете — те, что отправлены в Вантерн, остальным до Шалуата еще лететь — они все же незначительно уступают в скорости реактивным истребителям, да и виманам тоже...

Он смог ими заняться только через сутки. Раньше никак не удавалось выкроить времени, лавиной нахлынули гораздо более важные дела. Все эти сутки (с трехчасовым перерывом на сон) к нему буквально вереницей шли военные, моряки, другие нужные сейчас люди, Интагар. И все это было не зря — и кое-какие меры успели не только разработать, но и начать претворять в жизнь, и наладили каналы информации.

Вот только легче от этого не стало нисколько — он лишь стягивал силы, еще не вступившие в бой. А информация поступала насквозь удручающая...

В Харлане он, теперь уже никаких сомнений, потерпел нешуточное поражение. Утоплены восемнадцать из тридцати стоявших в тамошних портах

кораблей — а среди тех, что все же прорвались, нет ни одного, не получившего серьезных повреждений. Все до одного придется ставить на долгий ремонт. Из тех моряков, что сумели высадиться на берег после потопления их кораблей (или если капитаны убеждались, что шансов прорваться ни малейших), погибло приблизительно две трети — они оказались разобщены, лишены единого командования, их было мало, да и плохо они (исключая морскую пехоту, понесшую гораздо меньшие потери) были не обучены сухопутному бою, разве что абордажному, а это существенная разница...

Гораздо успешнее действовали конница и пехота — у них потери процентов примерно сорок, хотя точных цифр еще нет. Ощетинившись оружием, они отступали с боями и редкими контратаками (чему как раз были обучены хорошо), при малейшей возможности сбиваясь в крупные соединения, как и было предписано. Последние еще уходили через границы (за которые харланцы не совались), но их не так уж много.

В Горроте царил п о к о й — что сейчас для Сварога было еще хуже харланской заварушки. Судя по донесениям тамошней агентуры и ушедших в подполье людей барона Скалитау, большинство там приняли официальную версию событий (о которой продолжали вопить на перекрестках больших дорог и городских площадях разосланные по всей стране герольды) — попытка переворота, убийство королев, везение принца, коему удалось уцелеть благодаря верным людям...

Главным козырем был как раз принц. Люди Сварога во дворце, знавшие истинное положение дел, погибли все до одного — а те из агентов, кто тоже был в курсе, не имели ни малейших средств воздействия на массы. Кто бы их слушал, притворявшихся самыми

обычными обывателями, часто даже и не дворянами, не занимавшими мало-мальски авторитетных должностей и постов?

Очень быстро (что свидетельствовало: переворот тщательно спланирован) на главной площади Акобара отрубили головы девяти как раз занимавшим весьма высокие посты людям, военным и гражданским, в том числе военному министру и командующему военно-морским флотом. Еще не менее полусотни человек отправились за решетку. Все они считались преданными сторонниками королевы (и стоявший за ней Сварог мог на них вполне полагаться, играя их втемную). Как объявили герольды, именно эти супостаты и устроили заговор, за что и понесли заслуженную кару.

Ни малейших выпадов или каких-то силовых акций против обитавших в столице вполне легально подданных Сварога. Три его военных корабля, стоявших в Акобарском порту (куда, понятно, прибыли исключительно с дружественным визитом), уведомив портовые власти, что намерены отплыть домой, немедленно получили должное разрешение и уплыли из Горрота беспрепятственно. Сварога уже посетил горротский посол, подробно изложил ту самую официальную версию и заверил, что случившееся никоим образом не повлияет на добрососедские отношения между Акобаром и Латераной, каковые принц Эгмонт (к которому в скором времени предстояло короноваться) намерен сохранить и крепить. Что интересно, искусно плетя словесные кружева, он недвусмысленно зондировал почву: предоставит ли ему король Сварог убежище, если посол его попросит, как уже случалось в Глане несколько лет назад? Сварог столь же прозрачно намекнул, что предоставит — посол числился сторонником королевы (и справедливо опасался огрести теперь за это по полной), знал он много и мог оказаться полезным.

Бедная Литта, за свою, можно сказать, коронную роль поплатившаяся жизнью... Ей ближайшее время предстояли роскошнейшие королевские похороны, упокоиться предстояло в семейной усыпальнице горротских королей — интересно, что она сама об этом думала бы, знай она заранее?

Принц-подменыш словно в воздухе растворился. Ну, не совсем так — всех остальных, погибших во дворце, тоже собирались хоронить с приличествующими согласно рангу почестями как верных слуг короны, геройски павших в бою с заговорщиками. Только один-единственный труп, тщательно завернутый в большое полотнище, украдкой вывезли из дворца и сожгли в печи одного из пригородных медеплавильных заводов — и это был как раз подменыш. Сварогу было его самую чуточку жаль — злобный, циничный, недалекий подросток, невероятно развращенный для своих лет, но все же смерти он никак не заслуживал...

Сколько Золотые Обезьяны ни наблюдали за происходившим во дворце, ничего полезного не открыли. Принц Эгмонт вел себя в точности так, как любой другой на его месте: советовался с новыми министрами и свеженазначенными генералами, как обустроить жизнь, и только. Ни разу не прозвучало каких бы то ни было выпадов против Сварога — и ни разу ничего п о с т о р о н н е г о. Обычные дела юного, но неглупого и энергичного принца, будущего короля, на чьи плечи легло тяжелое бремя власти. Единственная новинка — официальное создание нового отряда телохранителей, именовавшегося Королевские Безликие — в красивой форме и глухих черных капюшонах, где прорези для глаз, рта, носа и ушей были обшиты золотой тесьмой. Никто в Горроте не увидел в этом ничего необычного — случилось, личную королевскую стражу не только в Горроте именовали даже причуд-

ливее, и не раз они выступали с укрытыми лицами для пущего психологического воздействия на приближенных ко дворцу и широкие массы при торжественных выездах королей и королев.

Здесь пока что зацепиться не за что. Сварог лишь приказал Обезьянам наблюдать со всем рвением за «безликими» — возможно, от этого и будет какой-то толк. Как и следовало ожидать, придворных и высокопоставленных дворцовых служителей, во время резни имевших счастье оказаться за пределами дворца, заменили едва ли не поголовно — но кое-кто из рядовых лакеев и прочей служащей публики остался на своем месте — а среди них давно затесалась парочка агентов Интагара. Так что наблюдение будет с самих разных сторон...

А вот мятежники... С ними до сих пор многое не ясно. Установлено уже, что постоянное и хорошо налаженное руководство существует — они двигались в строгом порядке, изрядно этим отличаясь от иных мятежных отрядов других времен и мест. Насчитывалось примерно с полдюжины в о ж а к о в, часто собиравшихся на совет. Их разговоры Обезьяны всякий раз старательно слушали — но ничего необычного не случилось. Обычный совет главарей мятежников, обсуждавших маршрут, добычу продовольствия, налаживание разведки и прочие немаловажные детали похода...

Они, как и ожидалось, вышли к городу-провинциарию Тамизену, вошли почти без сопротивления. Перед этим Мистериор зарегистрировал в Тамизене новые «всплески», аналогичные тем, что случились в Роментале, Харлане и Вантерне, а также во время оставшихся необъясненными тех двух бунтов. Правда, на сей раз измелись некоторые отличия: в отличие от прошлых случаев сейчас «всплесков» было значительно меньше, словно на сей раз невидимый «сеятель» (а он, похоже,

существовал) рассыпал некие ядовитые семена не полной горстью, а крайне скупно. Больше всего «всплесков» наблюдалось в расположении стоявшего в пригороде драгунского полка — каковой опять-таки полностью передался мятежникам. С горожанами и городской стражей, которым досталось меньше отравы, обстояло как раз иначе — там был явный разброд — часть примкнула к мятежникам, а часть пыталась оказать сопротивление, быстро подавленное ввиду численного превосходства. Ни грабежей, ни пьяного разгула победителей в Тамизене не было, хотя при мятежах сплошь и рядом бывает как раз иначе. Главари, по наблюдениям, дисциплину поддерживали строжайшую. В городе воинство это было недолго, запасшись продовольствием и разными необходимыми в походе вещами, от лошадиных подков до аптекарских снадобий, двинулось дальше, предварительно напялив на примкнувших к ним те самые белые колпаки — в обозе, судя по всему, их был большой запас, рассчитанный на немалое число «новобранцев» — то ли такие уж оптимисты, бабушку их через забор, то ли по каким-то причинам уверены в себе и рассчитывают на пополнение и в будущем...

Очень быстро им предстояло столкнуться с организованным отпором — Арталетта, получавшая от Сварога все новые сведения, не сидела сложа руки: к Тамизену форсированным маршем двигались пять оказавшихся не так уж и далеко (и на маршруте движения мятежников, идущих, если верить расчетам, тем же «полетом ворона» на Латерану) — полков, два пехотных и три кавалерийских, в том числе один гвардейский, стойивший в бою парочки «безымянных». Обычно гвардейцы считали ниже своего достоинства усмирять «бунтующее мужичье», и их по неписаной традиции на подавление не посылали (исключая случаи, когда жертвами мятежников становились гвар-

дейцы — тут уж к а с т а реагировала жестко и мстить отправлялась охотно). Однако по совету Сварога Арталетта пустила в ход надежный козырь: гвардейцам соврали, что это не мятеж, а провозглашенный по всем правилам ваганум — вот в э т о м случае они обязаны были воевать, нравится им это или нет. И полковые пушки имелись, к тому же в том же направлении следовал отряд Вольных Топоров в триста всадников — вот эти считали своим вечным долгом мстить «мужичью» за вурдалачью ночь так, чтобы небу стало жарко...

Нельзя было сбрасывать со счетов возможную опасность — учитывать, что и этот правительственный отряд форменным образом разбежится в приступе необъяснимой паники. Мэтр Тигернах, ввиду чрезвычайной ситуации самолично прилетевший в Латерану, высказал предположение, что и переход войск на сторону мятежников, и приступ паники как раз и вызваны всплесками. Идея была толковая — вот только подтвердить ее на практике пока что нельзя...

Силы, конечно, не равны — пять с лишним тысяч человек у Арталетты и девять с лишним у мятежников. Однако не стоит забывать, что у Арталетты сплошь — профессиональные вояки, особенно гвардейцы и Вольные Топоры — а у мятежников не менее половины — горожане и крестьяне, вооруженные чем попало. Как бы там ни было, уже через пару часов мятежникам должен был преградить дорогу внушительный отряд, а к Латеране стягивались войска, в основном кавалерия маршала Гарайлы, ратагайцы и гланские полки и военные пароходы. Даже если у «белых колпаков» и была дурная идея напасть на Латерану, к которой они двигались тем же «полетом ворона», встретят дорогих гостей так, что уцелевшие помнить будут долго. Если, конечно, не случится поганых сюрпризов вроде необъяснимой с точки зрения прежнего опыта паники. Но уж в этом-то случае, поскольку

речь идет о безусловном — и массированном — применении черной магии, Сварог мог с санкции Канцлера (а Канцлер наверняка таковую даст) пустить в ход имперские силы. Пока что для этого не было повода, и здесь царила своя бюрократия — но если паника среди правительственных войск повторится, Канцлер вынужден будет дать санкцию...

Ага! Сварог встрепнулся, получив краткий рапорт. Шмели наконец добирались до Вантерна и оказались над городишком, где зачем-то торчал Орк, — согласно неустанному потоку донесений от наблюдателей. Герцог изволит прогуливаться на окружной ярмарке, не интересуясь никакими товарами, уделяя время исключительно молодым смазливym особам неблагородного звания — роман там у него с Дали или нет, но что-то не похоже, чтобы он собирался хранить ей верность, какой сроду не страдал...

Передний Шмель круто пошел вниз по безукоризненной прямой, остальные два оставались высоко над ним, прилежно наблюдая происходящее. Ни у кого, в том числе и у Орка, не возникнет ни малейших подозрений: самый обычный шмель с разлету ударил прохожего в грудь — бывает...

Все заслони́л вишневого бархата камзол Орка... Миг темноты, и Шмель, словно пуля, вылетел у Орка, из спины, развернулся, полез выше в небо, присоединяясь к собратьям.

Именно так! Он буквально прошил Орка, словно солдатская пуля — соломенное чучелко на стрельбище. Вошел в грудь, вышел из спины, не встретив ни малейшей преграды, ровным счетом ничего не зафиксировав необычного, словно пролетел сквозь полосу тумана или дыма костра!

А Орк не обратил на вздорное насекомое ни малейшего внимания, так словно вообще его не видел и ничего не почувствовал. Все так же неторопливо шагал

вдоль торгового ряда с молоком, сырами и творогом, покручивая усы и высматривая торговков покрасивее и помоложе. Объяснение было одно: это не Орк, это иллюзия, что-то вроде «синего морока» или «стеклянной тени»... нет, пожалуй, все-таки «морок», «тень» дает осязательные иллюзии, которых не мог бы не почувствовать Шмель. Синим мороком владеет любой лар — и Сварог с Марой его когда-то использовали в Равене, и Бравая Компания, когда вопреки приказам с приближением Багряной Звезды отправилась на поиски Сварога... да кто его не использовал, сколько раз случалось, никаких законов это не нарушает и соответствующими службами не фиксируется.

Вот так. Это иллюзия, а настоящий Орк пребывает неизвестно где. И не стоит винить в промахе ни орбиталы, ни Золотых Обезьянов, ни самого себя — все было нацелено исключительно на визуальные наблюдения, есть аппаратура, позволяющая определить, что перед тобой не живой человек, а «синий морок», но она в ход не пускалась. П о д м е н а была, без сомнения, Орком устроена в какой-то подходящий момент... Но получается, он заранее знал, что за ним будут неустанно следить? Ох, похоже на то...

Сварог просидел, как на иголках, еще не менее трех квадрансов, пока другие Шмели не вышли к Шалуату — не к княжеству, а столице. И прямиком ринулись к княжескому дворцу.

Удачно получилось — Дали не в своих покоях, куда пришлось бы добираться кружным путем, отыскав во дворце открытую оконную створку или неприкрытую дверь, а то и каминную трубу. Она стоит у конюшни, о чем-то оживленно беседуя с двумя доезжачими, почтительно снявшими шляпы с кокардами в виде княжеского герба внутри подковы...

Шмель спикировал, не превышая скорости полета обычного шмеля, пошел по прямой линии...

И повторилось то же самое, что с Орком, — краткий миг темноты, Шмель, пронизав тело девушки словно туман, ушел на бреющем, над самой землей, подальше от конюшни, полез в небо... Правда, на сей раз свидетели имелись, оба доезжачих, невольно шарахнулись, когда меж ними целеустремленно пролетел шмель. А вот «Дали» ничего не почувствовала и не заметила, все так же стояла, наставительно помахивая рукой, отдавая какие-то указания. «Синий морок» — персона в сто раз тупее любого безмозглого робота, глух и слеп ко всему окружающему, выполняющая заложенную в него программу от сих и до сих. Доезжачие недоуменно переглянулись, но промолчали, вновь обратились в зрение и слух, почтительно внимая распоряжениям хозяйки. Возможно, решили, что им просто примерещилось...

Он отправил Шмелям приказ возвращаться — больше в них не было никакой надобности. Итак, ни Дали, ни Орка на месте нет, вместо них — «синий морок». В таком случае, где они? Ничего нельзя заранее сказать насчет Дали, а что касается Орка, можно быть абсолютно уверенным: такие вещи он ради забавы никогда не делал. Дважды за последние годы случалось, что уходил из-под наблюдения именно таким вот образом, оставив призрачного, сотканного из воздуха двойника — перед тем, как в глубокой тайне отправиться на Диори, еще в какой-то аванюре, которой Сварог не интересовался, поскольку это было еще до него и не касалось текущих дел. Что-то связанное с безуспешными поисками Верных Кладов короля Шелориса, кажется.

Где? Наблюдение за мятежниками ведется чисто визуальное — но все равно, с уверенностью можно сказать: среди главарей их нет ни Дали, ни Орка. Все главари — мужчины, так что Дали исключаем заранее, а голос Орка Сварог узнал бы моментально. Следует

допустить, однако, что они могут скрываться среди нескольких тысяч людей в белых колпаках. Очень уж не похоже на совпадение: Орк ушел от наблюдения, скорее всего, в Вантерне, и именно оттуда вывалилась орава, положившая начало мятежу. Не бывает таких совпадений. Где Орк — там и авантюра...

Итак? Против лома нет приема... кроме другого лома. Без труда сыщется и управа на Орка. «Ореол», ясное дело. В научных пояснениях на сей счет Сварог в свое время ничего не понял — но это и ни к чему начальнику спецслужбы — но суть уяснил четко: человеческий мозг испускает некое излучение, столь неповторимое и уникальное, как отпечатки пальцев. Соответственно, и в восьмом департаменте, и в девятом столе есть техника, способная очень быстро отыскать человека на земле по «ореолу» — если только он пребывает на открытом пространстве, не в доме или, скажем, подzemелье. Однако Орк по подземельям никогда не прятался, вообще не шастал, а если он что-то замыслил, под крышей сидеть не будет. В тех двух прошлых случаях не было приказа его искать, он перед законом ни в чем не провинился, просто-напросто хотел свои странствия сохранить в полной тайне. Вот и не искали.

Есть, правда, одно обстоятельство... Получать разрешение на такой поиск следует непременно у императрицы — какой-то из параграфов Эдикта о вольностях, «тайна личности», как выразились классики. Но вряд ли Яна, узнав, в чем дело, будет цепляться за замшелые параграфы. Нужно будет еще узнать в Вентордеране, найдутся ли там способы поиска человека по «ореолу», — ведь средства наблюдения, подслушивания и подглядывания, какими располагают Золотые Обезьяны, превосходят имперские. Может, и теперь... Черт, что там у них творится?

Он подошел к окну, приоткрыл створку. Над городом, над высокими крышами тяжелой волной проплыл густой, пронзительно чистый бронзовый звон. Звучал Толстяк Буч, главный городской колокол, громадина в пять человеческих ростов, покрытая выпуклыми изображениями мифологических животных, дубовых ветвей и звезд, чей язык поначалу, при первых ударах, приводили в движение четверо дюжих звонарей, и лишь потом оставался один. И еще удар, и еще, и еще, от могучего звона тихонечко задребезжали стекла в высоких окнах.

Круглая Башня, где на звоннице в окружении полудюжины колоколов поменьше висел Толстяк Буч, располагалась в неполной лиге от его королевского дворца. Сварог впервые в жизни слышал, чтобы колокол бил набат — а это был именно набат, никаких сомнений. Такое, он знал, случалось в чрезвычайных ситуациях — когда, скажем, к городу неожиданно подступали враги (которым сейчас просто неоткуда взяться), или происходило еще что-то, заставляющее всполошить город.

Он нажал нужный завиток на столе, и в кабинет влетел очередной дежурный адъютант, то самый молодой лейтенант Черных Лучников, что дежурил в прошлом году в день Снегопада. Как и тогда, его лицо было белым как мел, щегольские черные усики казались нарисованными черной тушью. Но держался он браво, вытянулся по-уставному.

— Что? — рявкнул Сварог.

Лейтенант, все так же вытянувшись, ответил совсем не по-военному:

— Беда небывалая, государь...

...Сварог гнал Рыжика галопом, на полкорпуса опережая полусотню ратагайцев, заранее выхвативших сабли. Паники на улицах, по которым он мчался,

не было, но переполох начинался нешуточный: кто-то бестолково метался, люди стояли кучками, что-то оживленно обсуждая, телега с бочками въехала на тротуар, конные полицейские протектора торчат на перекрестках с оцепенелым видом...

Чем ближе к Ителу, тем гуще становился поток бегущих, скачущих навстречу, кучера ожесточенно нахлестывали лошадей, встав на облучках и козлах, с одной из ломовых телег посыпались, подпрыгивая на мостовой, квадратные рогожные тюки, судя по всему, с шерстью или чем-то еще мягким — и Сварог едва успел обогнуть один, преградивший дорогу, вернее, Рыжик сам успел.

Потом он вылетел на высокий откос, полого спускавшийся к реке, натянул поводья. Кто-то за его спиной громко охнул. Река, оба берега, была как на ладони.

Не впервые в жизни, но крайне редко видел Сварог такие ужасы. Река прямо-таки кишела длинными, проворно изгибавшимися, пенящими воду исполинскими змеиными телами в черно-зеленых знакомых узорах. Ублюдки двух великанских змеев вскидывались из воды до половины, падали верхней частью туловища на край одетой гранитом набережной, выползали целиком, так же проворно скользя по гранитным плитам мостовой, уползали в выходящие на набережную улицы, некоторые, выбивая головами оконные стекла, заползали в ближайшие дома. Порт был далеко отсюда, и Сварог не мог видеть, что там творится, — но подозревал, то же самое, учитывая, что Ител кишит змеями, а порт расположен выше по течению, и змеи, несомненно, пришедшие из моря, никак не могли его миновать. В голове промелькнула трезвая, холодная мысль: вполне возможно, они поднялись по Тею, таким путем до моря гораздо ближе...

Палубу стоявшего у противоположного берега большого военного парохода заполнили змеи — и новые, взметываясь из воды, переваливались туда, ломая фальшборт. Сварог и отсюда видел, что там все кончено. Второй пароходик, идущий из верховий, издали открыл огонь двух носовых орудий, взлетели белопенные фонтаны, забились змея, несомненно, пораненная ядром, — но навстречу метнулось скопище других, обрушилось на палубу. Запоздало и бесцельно прогрохотали орудия обоих бортов, над рекой поплыл пороховой дым...

Сварог рысью спустился по откосу. Змеи были совсем недалеко — одна, дергая верхней половиной туловища, трепала, как терьер крысу, коня со всадником в гвардейской форме — конь уже не бился, всадник не кричал. Вторая прынула навстречу Сварогу. Понимая, что конь тут бесполезен, он слетел с седла, развернул Рыжика головой к откосу и силой хлопнул по крупу. Рыжик припустил на откос — кажется, с превеликим облегчением.

Шагнув навстречу, Сварог отщелкнул застежку и выхватил из чехла топор. От змеищи ничем не пахло, она метнулась к нему, сделала молниеносный выпад утюгообразной головой, желтые глаза горели холодным огнем, пасть широко разинута, обнажая густой ряд небольших, но острейших зубов...

Доран-ан-Тег опередил. Отсеченная огромная голова гулко грянулась на мостовую, хлынул фонтан черной крови. Сварог вовремя отскочил — и чтобы его не забрызгало, и чтобы уберечься от бившегося в судорогах обезглавленного туловища, длинной, пожалуй что, побольше десяти уардов — тут все пятнадцать будет...

Поймав топорище, размахнулся и отправил Доран-ан-Тог в полет — над набережной мелькнул косо наклонившийся туманный диск с рубиновой полосой по кромке. Топор смахнул голову ближайшей змее, словно

ребенок снес одуванчик хворостиной, еще одной, метнулся к третьей, гнавшейся за улепетывающим во все лопатки моряком в бирюзовом камзоле торгового флота, с цветастым платком на шее. Смахнул и ей башку, а потом вернулся к Сварогу — больше поблизости змей не было, они выползали на берег уардах в тридцати.

За спиной у него захлопали пистолетные выстрелы — ратагайцы ожесточенно палили по змеям, что, если прикинуть, зря: особенного вреда змеям пистолетные пули причинить не могли. Сварог подумал, что нужно отступить, против такого скопища, затопившего оба берега, бесполезны и пистолеты, и сабли, да и топор не справится, надолго увязнет в огромной стае змей. Нужно отступать — и скомандовать выдвигаться к порту всей артиллерии, какая только найдется в Латеране, — с такими тварями справиться можно только пушками... Сколько же их, Господи! В голове вертелась неотвязная мысль: как же это допустили, где...

Ага! Под водой что-то происходило: сначала одна змея всплыла на поверхность, неподвижно, мертво выпрямилась, потом их стало несколько, а там они нелепой, неподвижной ордой — некоторых уже сносило быстрое течение — замерли от берега до берега. Ну наконец-то, где ж вы раньше были...

Из реки выныривали отливающие синеватой сталью «Ящеры» Морской бригады, их становилось все больше и больше, они били теперь по обоим берегам яркими сиреневыми лучами, целя змеищам в головы — и те моментально цепенели, замирали, вытягивались во всю длину безобидной падалью. «Ящеры» кинулись в выходящие на набережную улицы, прочесывая их ливнем сиреневых лучей. Все по законам и уставам — Морская Бригада обязана истреблять таких вот чудищ и средь бела дня, не озабочиваясь количеством зрителей на земле. Но почему они опоздали? У Оклера достаточно датчиков в море, а уж возле устья рек...

«Ящер» со знакомой эмблемой по борту камнем упал уардах в пяти от него, поднялась левая дверца, и выпрыгнул Оклер, в начищенных до зеркального блеска сапогах, синих форменных брюках с красным кантом и черной кожаной тужурке с золотой косаткой на грид. Стоявшие за спиной Сварога ратагайские конники невольно попятити коней.

Оклер подошел и отдал честь.

— Где вас носило, адмирал? — сквозь зубы спросил Сварог. — Вы их должны были засесть гораздо раньше...

— Не засекли, — тихо и серьезно сказал Оклер, стоявший с озабоченным лицом. — Честное слово, не засекли. Они как-то ухитрились проскользнуть в Тей незамеченными. Не зафиксировали их датчики. Никто еще ничего не понимает, но датчики их не засекали. Только когда они всплыли, орбитал поднял тревогу...

— И чего теперь делать? — сквозь зубы сказал Сварог. — Простите, что вспылел...

— Ничего, я понимаю... Справимся. Пустим в ход детектор массы, еще кое-что... Канцлер только что отдал приказ истребить их полностью. Мы непременно справимся, Лорд Сварог!

...Все равно, погибли около ста человек — разрушения столь мизерны, что они не в счет. Главное, те устройства, что Оклер пустил в ход, работали исправно, и змей истребляли повсюду — а тех, что выползли на берега и дохлыми плавали по реке, лучами другого цвета превращали в пар. Вся полиция и половина гвардейских полков вышла на улицы, но все равно пройдет немало времени, прежде чем успокоится взбудораженная Латерана. Сварог разослал всех имеющих под рукой герольдов огласить короткий, наскоро сочиненный манифест, гласивший: король ручается честным словом, что угрозы больше нет и такое не повторится. Однако все, кто

имел такую возможность, кинулись верхами, экипажами и пешими в свои загородные имения, усадьбы и домики — и упрекать их не следовало... Следовало разве что пресечь всевозможные дурацкие слухи, как всегда в подобных случаях, разлетавшиеся по городу лесным пожаром...

Увидев мигающий огонек, он нажал на завиток, разрешая войти. На сей раз лейтенант Черных лучников не выглядел ни испуганным, ни ошеломленным — но лицо его было горестным.

— Говорите! — рывкнул Сварог. — Офицер вы или кто?

— Плохие новости, мой король, — решил адеютант. — Отряд герцогини Браг, посланный против мятежников, разбит наголову на Гарритальском поле...

— Была паника? — спросил Сварог, борясь с подступающей тревогой.

— Ни малейшей, мой король... но наши потерпели форменный разгром. Командир, генерал, погиб, потери огромные, оставшиеся в живых беспорядочно отступают... то есть, называя вещи своими именами, бегут, рассыпаясь по окрестностям. Мятежники их не преследовали. Вероятнее всего, отнюдь не по недостатку сил, а...

Сварог его прекрасно понял. Разбитого наголову противника не преследуют в двух случаях: когда собственные боевые порядки расстроены и погоню не удастся наладить, а если такого не произошло, то это выражает крайнее презрение к потерпевшим поражение. Поскольку лейтенант уверен, что первого не произошло, — иначе не докладывал так уверенно, он парень толковый — значит, второе. Наглость паразитическая — обычно так себя ведут только военные, а мятежники редко когда удерживаются, чтобы не пуститься в погоню...

Случайное совпадение, или командир отряда умышленно выбрал для боя именно Гарритальское поле? Историческое место, один из символов ронерской воинской славы. Лет восемьдесят назад, во время очередной снольдерско-ронерской не особенно большой войны (их набралось слишком много, так что названия получила одна из пары десятков, из разряда крупных) немаленький снольдерский корпус потерпел там сокрушительное поражение, едва четверть вторгшихся унесла ноги — ронерский генерал, командовавший войсками, их не преследовал именно что из презрения к драпавшему противнику. Даже если место было выбрано с умыслом (вполне вероятно, хотели еще больше воодушевить свои войска), на сей раз все случилось наоборот...

— Что известно? — спросил Сварог.

— Туда летали люди из военной разведки. Разбежавшихся собирают по окрестностям — все же не было в с е о б щ е г о драпа, некоторые подразделения отошли, изрядно потерявши в числе, но в порядке. Принявший командование командир гвардейского полка делает все возможное... Мятежники добились раненых — что законам войны решительно противоречит, но мятежникам они всегда не писаны... Они встали укрепленным лагерем. Своих убитых сжигают на огромных погребальных кострах — старинный военный обычай, давным-давно вышедший из употребления, но они почему-то о нем вспомнили... Никаких поминальных служений на сей раз, правда, не производилось. И вот что еще... К нашим людям буквально кинулся один из Вольных Топоров — у них самые большие потери, хорошо, если уцелел один из двадцати. Он кричал, что должен поговорить с вами, что он вас знает. Подумав, они взяли его в самолет и привезли сюда. Он сейчас в Орлецовом кабинете. Шесть раз ранен, но все раны не особенно опасные. Его хорошо

перевязали, накормили, келимаса дали самую чуточку, исключительно для бодрости — коли уж он хочет с вами говорить, должен быть в соображении. Какие будут распоряжения?

Сварог спокойно сказал:

— Никаких. Я сейчас туда пойду...

Подобно многим другим залам и покоем, получившим название от убранства или отделки, Орлецовый был украшен панелями и медальонами полосатого орлеца, густо-красного с белым и темно-желтого с голубым. Помещение было не особенно и большое, как несколько других, служившее Сварогу для частных разговоров с глазу на глаз. Человек в темно-зеленом камзоле излюбленного Вольными Топорами фасона встал и вытянулся, когда Сварог вошел. На первый взгляд он казался чересчур толстым для Вольного Топора — они всегда жилистые, поджарые, без капли лишнего жира — но Сварог тут же сообразил, в чем дело: камзол сиял многочисленными прорехами от многочисленных ударов клинками и пиками, и в доброй половине из них белели чистые бинты.

— Садитесь, — распорядился Сварог отрывисто, присев к столу и бесцеремонно разглядывая незнакомца. На столе стояли тарелки с недоеденным жарким, солеными огурцами и хлебом, рядом пустая чарка. Лет сорока, с ранней проседью в темных курчавых волосах, стриженных коротко, «под каску», лицо, как у всех Топоров, обветренное, продубленное семью ветрами, глаза темные, умные. Он производил хорошее впечатление — вот только Сварог, порывшись в памяти, мог бы поклясться, что никогда его прежде не видел, никогда не встречались.

Вольный Топор, не чинясь, опустился на стул, тоже отделанный красно-белым орлецом. На правой руке у него, выше локтя, накрепко пришита нашивка из широкой полосы красного бархата, посередине

украшенная эмблемой Вольных Топоров — медная голова каталаунского тигра с двумя скрещенными топорами. В давние-предавние времена голова была львиной, но с тех пор львы на Таларе повывелись. Ага, лейтенант. У Вольных Топоров были свои сержанты с капралами, лейтенанты, капитаны и полковники (генералов не имелось). Звания неофициальные, военные их просто-напросто терпят, когда поневоле приходится воевать бок о бок с Топорами, — словом, нечто вроде казачьих атаманов, есаулов и сотенных той поры, когда казаки еще вошли в состав русской регулярной армии.

— Занятно, — чуть усмехнулся Сварог. — Вы сказали, что меня знаете, но я-то, могу сказать со всей уверенностью, вас никогда прежде не видел... Как так?

— А я им сказал чистую правду, ваше величество, — Топор тоже усмехнулся, и от его ухмылки разошлась глубокая царапина в левом уголке рта, показалась капелька крови, на что Топор не обратил ни малейшего внимания. — Я же не говорил, что вы меня знаете. А вот я вас, точно, знал. Был в отряде Шега Шедариса, когда начался поход на Дике. Это я поджег и сбросил «кляксу», когда королева Сегура заняла главную башню Кортана. Вы к нам потом поднимались... конечно, не запомнили всех, но я-то вас не забыл... Так что смело можно сказать: я, как многие, вас знаю, это вы всех не упомните, да вам и нужды нет...

Он не врал.

— Понятно... — сказал Сварог.

— Ваше величество... А нельзя ли еще чарочку? Ваши лакеи мне плеснули воробыный глоток, а после всего, что на Гарритальском поле случилось, душа просит доброй чарки. Я от такой соображения не потеряю и умом не поплыву, честное слово...

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Сварог. — Не первый год знаком с вашим братом...

Он извлек из воздуха д о б р у ю чарку келимаса, поставил перед лейтенантом. Тот взял ее, не высказав особенного удивления, молодецки осушил до дна, поморщившись, оторвал от ломтя кусочек хлеба, прожевал. Шумно выдохнул:

— Уфф... не поило, не пиркет какой... Благодарю, ваше величество. Огонь по жилочкам, и бодрей себя чувствуешь — крови вытекло немало, как из резаной свиньи. Ну да дело привычное, кто и надеется в нашем ремесле остаться непокарябанным. Благодарю. Не подумайте, что я славословлю, оно и вам не надо, и мне не пристало, но у нас вас крепенько уважают. За все, что сделали. Вот я и решил к вам, не мешкая. Хорошо, ваши послушали, взяли с собой. Первый раз в жизни оказался в этой летучей штуке, ну да нас ничем особенно и не удивишь...

Усмехнувшись, Сварог извлек из воздуха и поставил перед ним бутылку с узенькой сине-красной наклейкой без надписей и рисунков. Сказал:

— Только наливайте себе понемногу, соблюдая меру... Хотите что-то мне рассказать?

— Иначе чего я здесь... Я подумал: когда еще ваши начнут уцелевших опрашивать. Если начнут... А дело серьезное... Я, с вашего позволения... — Он налил себе с четверть чарки и выпил уже степеннее, откусил огурец. — Никак нельзя было медлить или держать при себе. В общем, мы стояли до последнего, потом они нас смяли, убили капитана, к тому же знамя упало, вот мы с чистой совестью и отступили... да наутек пустились, что уж там. Главное, не позорно, все честь по чести...

Сварог понятиливо кивнул. С обычаями Вольных Топоров он был хорошо знаком, главным образом благодаря Шедарису, хотя и другие внесли свою лепту. Топоры стоят насмерть и отходят только по приказу, либо увидев, что упало знамя, а это означает, что главный

командир убит, войском больше никто не управляет, и без малейшего ущерба для чести можно не то что отступить, со всех ног бежать...

— Дрались пешими? — спросил он.

— Ну, конечно, ваше Величество. Мы ж, сами, наверное, знаете, наподобие драгун и даже более того — на коней садимся, только чтобы быстрее до боя добраться. Хотя и знаем конный бой, но не любим его, так уж истари повелось. Нам бы ногами на земле прочнее встать, чтобы получше размахнуться... А ведь будь я конным, мог бы ничего и не заметить... хотя и тогда, наверное, заметил бы, очень уж оно было странно. Понимаете, на нас ударила орава каких-то определенно **н е п р а в и л ь н ы х**. Не такие они были, вот что, на обычных людей не похожие. Конечно, опытных бойцов везде хватает, полно тех, кто мечом или топором виртуозит, как ребенок погремушкой, и все равно, были они какие-то не **т а к и е**. Не может человек быть таким проворным и вертучим. Таким — не может. А они были вертучие, как белка, когда она по дереву носится. Да что там, никакой белке и не снилось... Думаешь, все, достал его, гада — а он ухитряется в последний миг уклониться, сам бьет, да ловко так, словно молния ударяет. Уж не знаю, как я व्यюном вертелся, уцелел и даже парочку все же достал, но было это адски трудно. Они-то наших и выкосили едва не начисто — а уж как валили и обычную пехтуру, и даже гвардейцев, а Синие Мушкетеры не лопухи, меч держать умеют... и даже не эта их вертучесть пугала, как неопытную девку... ох, простите. В общем, и вертучесть пугала, конечно — как и не люди. Но вот другое... У них крови не текло, понимаете? Сам видел, как друг мой Торис — он там остался — одному вогнал в грудь топор чуть ли не до обуха на все острие — а тот просто-напросто назад отпрыгнул и словно бы с топора снялся. Видно, что грудь разрублена, обычный человек тут

же завалился бы, а этот нисколько не кровил, опять в драку кинулся и Ториса на месте положил мечом в глотку... Я махнул как следует, снес ему напрочь руку у самого плеча — а из него опять не кровинки, подхватил меч другой рукой — и на меня. Только когда я исхитрился и башку ему напололам раскроил, повалился... И он там был не один такой, их целая орава навалилась... Было их вполовину меньше нашего, при другом раскладе мы бы их завалили, но вот такие они оказались, невероятно вертучие и ни капли крови не проронившие... А больше и рассказать нечего, зная упало, мы и кинулись кто куда. Один из ребят крикнул еще: «Оборотни!» От чего только быстрее бежалось. Уж не знаю, оборотни они там или кто, не слыхал я что-то про таких оборотней, но вот плохо верится, что это л ю д и. Люди так не умеют... У людей всегда кровь течет, и проворства такого нет...

— Лиц вы, конечно, не видели? — спросил Сварог.

— Конечно, ваше величество, они все в белах колпаках были, только глаза сверкают...

Сварог откинулся на спинку кресла, машинально извлек из воздуха зажженную сигарету, хотя в кармане лежал полный портсигар. Топор понятиливо молчал, видя, что он погрузился в раздумья. Налил себе до половины с видом человека, которому больше нечего сказать.

Сравнение всплыло в памяти моментально.

Н а в ь и. Это их хватки, их способности. У них не течет кровь, они невероятно «вертучие» в бою, их можно обезвредить, лишь снеся напрочь или разрубив голову, но и тогда тело будет долго в о р о х а т ь с я, пытаюсь вслепую, невидяще достать противника оружием, нужно в куски изрубить, чтобы унялся...

И ведь некому больше! Очень уж описание сопадает. Навьи... И Орк, считавший их своей собственностью и исчезнувший с глаз наблюдателей.

Лет пятьдесят о них не было ни слуху ни духу, обнаружили совершенно неожиданно в замке великой герцогини Мораг... Стоп, стоп! Может, потому они и сжигают своих убитых? Чтобы ничего не раскрылось раньше времени? Может, потому они все поголовно напялили белые колпаки, надежно скрывающие лица? У навьев рожи специфические, от обычных людей можно отличить с первого взгляда... Вот это сюрприз... дающий, кстати, неплохие шансы на победу — если удастся доказать, что там и в самом деле навьи, можно пустить в ход и оружие Империи, опять-таки совершенно законно. Конечно, там не одни навьи, полно и примкнувших к мятежникам самых обычных людей, но это не меняет дела, главное, законы дают право пустить в ход людей, посерьезнее самых лучших гвардейцев, вооруженных тем, чего на земле не знают. Но нужно как-то убедиться, как-то доказать... Тогда, при штурме дворца Мораг, люди Гаудина взяли п л е н н о г о, и никаких сомнений не оставалось. Чтобы пускать в ход на земле имперское оружие, нужны веские основания, без этого такое самовольство и Сварогу даром не пройдет, несмотря на его, скажем так, особое положение в Империи...

Дверь чуточку отошла, в щели появилось озабоченное лицо лакея — знакомого, из интагаровских. Подойдя к двери и выслушав торопливый шепоток, Сварог кивнул:

— Все правильно, сейчас иду... — и, вернувшись к столу, сказал. — Благодарю, л е й т е н а н т. Очень помогли.

— А можно узнать, что за твари такие, ваше величество? Ведь не могут это быть люди...

— Разберемся, — веско сказал Сварог.

— Понятно, — кивнул лейтенант. — Раз не положено знать, значит не положено. Благодарю, что не прогнали и выслушали, может, помог чем...

— Помогли, — сказал Сварог нетерпеливо. — И весь-ма. Я распорядился, вам отвели комнату. Если в чем-то нуждаетесь — скажите без стеснения лакеям, они все сделают: конь, деньги, все что понадобится. Еще раз благодарю. Меня срочно вызвали по делу...

...Ожидавший его в небольшой каминной — во дворце их имелось с дюжину, опять-таки для при-ватных разговоров главным образом — киларн Гилем (одетый горожанином среднего достатка, с медной бляхой гильдии градских обывателей — очень у д о б н а я гильдия, за ней много профессий кроется, можно в зависимости от личности собесед-ника много кем притвориться, и тебя не распознают, если сами к таковой отношения не имеют) поднялся с кресла, степенно поклонился, опять-таки без всякого подобострастия. На столе лежала трубка из плотного картона с крышкой и ручкой, в каких носят карты, кар-тины, канцелярские бумаги нестандартного формата.

— Во дворец пропустили без скрипа? — спросил Сварог.

— В общем, да, ваше величество. Поначалу вороти-ли рожи и не пускали, но когда я сказал пароль, по-мягчели и людей из тайной полиции кликнули.

— Я вам нынче же дам бляху, с которой будут пу-скать без ворочения рожи, — сказал Сварог. — Дел было много, руки не доходили... Да и вы никогда не являлись по собственному желанию. Хорошо хоть, па-роль вам дал... Случилось что-нибудь?

— Да нет, ваше величество. Тут другое. Я кое-что об-мыслил, когда вы мне дали карты, поговорил с людь-ми. Для чего пришлось в Каталаун слетать. Первый раз в жизни летал на самолете. Дух замирает, но быстро и удобно... Вот, посмотрите...

Он стал раскладывать на столе карты, каждую при-давливая по четырем углам тяжелыми бронзовыми полушариями размером с половинку небольшого

яблока — они для этого специально и лежали на краю стола в немалом количестве, и стол был просторный — в этой каминной как раз и разглядывали карты, если выпадала такая необходимость.

Насквозь знакомые карты, Сварог сам их киларну дал два дня назад — составлены в Мистериоре, на них старательно нанесены все всплески. Вообще-то это было нарушением правил, запрещавших давать в руки жителям земли какие бы то ни было имперские документы, тем более секретные, на что требовалось особое разрешение. Однако Сварог на эти правила давно втихомолку плевал, что ему всякий раз сходило с рук — документы попадали только к надежным людям, которые умрут, но не проболтаются, что однажды держали в руках...

— Так, — сказал Сварог, присаживаясь к столу. — Надо понимать, у вас появились какие-то соображения, когда изучили все как следует. Или в Каталауне что-то подсказали?

— И то и другое, ваше величество. Сначала у меня после долгих раздумий забрезжила мысль... Чтоб ее подтвердить — или от нее отказаться — полетел в Каталаун. Там поговорил с двумя... старыми знакомыми, показал им карты. Не беспокойтесь, ваше величество, люди надежные, словечка лишнего не обронят, молчать умеют, как рыбы — жизнь научила, в годах уже оба. Они мне кое-что подсказали, а потом я пошел к мэтру Антаху, он перерыл половину своей библиотеки, дал мне три старинных книги. Ододел одну, взялся за вторую и очень быстро наткнулся... Очень уж много похоже...

— На что?

— На одну вещичку из Черных Кладов короля Шелориса. С ними обстоит так: никто их толком не видел и ничего из них в руках не держал — одни пересуды и страшные сказки. Но все равно, написано

о них много. Как учено выражается мэтр Антах, существует обширная литература... так вот, есть там в числе прочих диковинок и такая штука — Черные Горшочки с Черными Семенами. Сеять их никуда не нужно, но если разбросать и применить должные заклинания, добиться можно многого — и взбаламутить людей на мятеж, и обратить противника в паническое бегство и еще несколько вредных умений. Но я их не касаюсь — а вот мятеж ни с того ни с сего и паническое бегство мы как раз и наблюдали... то есть знаем о таковых. Посмотрите, как все подтверждается складывается. — Он взял в руки деревянную палочку на манер указки, приложил к карте. — В тех двух мятежах зерна рассыпали щедро — и в Харлане словно горстью разбрасывали. А вот потом что-то пошло наперекосяк. Может быть, семена стали кончаться раньше, чем они рассчитывали. Увлеклись, не прикинули все то — но такое и с владеющими магией бывает, впросак попадают не так уж редко. Обратите внимание: в Тамизене у них все получилось как бы наполовину: в с е х взбунтовать и заставить к себе примкнуть не сумели. Экономили, надо думать. Вряд ли у них Черные Семена кончились с о в с е м — уже после этого случилось паническое бегство войск. Но, так смотрится, будто они начали именно что экономить. От Тамизена прошли еще лиг шестьдесят, по пути было два города, не чета Тамизену, но и не маленькие. Вот т а м они вообще не старались никого к себе п р и м а н и т ь, прошли мимо. В обоих городах собрали стражу и ополчение, приготовились драться, вот они и не стали ввязываться, прошли мимо. А ведь людей у них не так уж особенно много, причем значительная часть — не солдаты, без опыта. Вы можете выставить не в пример больше... Нужны им люди, особенно солдаты — а одним из тех городков как раз и стоял пехотный легион. Нет, прошли

мимо. То ли накладка какая случилась, и семян у них оказалось меньше, чем они поначалу рассчитывали, то ли еще что. То ли закончились совсем, то ли экономят оставшиеся для крайней необходимости. Это все умозрительные заключения, но ведь, если их применить к происходящему, многое совпадает? И объяснение получает?

— Пожалуй... — сквозь зубы сказал Сварог.

Орк в свое время, точно известно, как раз и искал Черные Клады и в Ямурлаке, и в Иллюзоре. Но не нашел. А если все же что-то да нашел? И придержал до поры до времени, пока не подвернулся удобный случай? Можно предположить и такой вариант: он не умел обращаться с тем, что нашел, а вот Дали как раз умела. Многое можно предположить. Ничего нельзя сказать с уверенностью, но киларн прав: очень уж многое совпадает...

Глава XIII

УЛИЦА МОЯ ТЕСНА...

Кавалерия шла на рысях. Как и подобает королю в походе, пусть даже, так сказать, второсортном, не против внешнего супостата, а на мятежников, Сварог ехал во главе, на пару корпусов опережая знаменосцев, окруженный Медвежьей сотней, приплывшей по Ителу на пароходах, тянувших на буксире баржи с лошадьми. Его боевые усачи, все до одного, плыли на пароходах впервые в жизни, но истинный гланец ничего не пугается и ничему не удивляется. Не зря же он носит юбку цветов клана?

Как водится, вокруг отнюдь не стояло благорастворение ароматов, наоборот. Пехота на марше оставляет после себя тот еще запах, а уж когда идет кавалерия... Не зря в «волчьих сотнях», здешние разведроты, стараются подыскать людей с обостренным обонянием — чтобы издали засекали колонны противника.

Он привычно покачивался в седле. Походный марш — вещь довольно скучная, ровным счетом ничего не происходит, занять себя нечем, с офицерами все заранее обговорено. Думай — не хочу. И потому он

вновь возвращался мыслями к разговору с Канцлером, состоявшемуся двое суток назад, перед тем, как Сварог выступил в поход на «белых колпаков».

Неторопливо прохаживаясь по кабинету, попыхивая трубочкой из силванского черного дерева, Канцлер говорил:

— В этом мятеже, помимо «всплесков», есть, думается мне, еще одна загадочная странность. Может быть, и вы уже о ней думали... Они себя ведут категорически неправильно. Поход на Латерану им попросту не по зубам. Ваша Дали, похоже, очень неглупа, а уж когда речь идет об Орке... Не то что они, любой толковый вожак мятежа — а глупцы обычно в вожаки не попадают — не могут не понимать, что силами вы их неизмеримо превосходите. Мне докладывали, вы стягиваете войска к Латеране...

— Стягиваю, — кивнул Сварог. — Благо ни одному земному королю это не запрещено. Самое большее через неделю там будет целая армия. Учитывая, что это весьма необычный мятеж, лучше пересолить, чем недосолить. Навьи, конечно, противник весьма серьезный. Один в бою стоит трех-четырех обычных солдат. Но не более того. И т о л ь к о. Больше они ничего не могут и не умеют. Распрекрасно можно задавить качество количеством. Тактика «прибоя», давным-давно принятая в военном деле. Несколько волн кавалерийских атак, свежие части сменяют сослуживцев до того, как те окончательно вымываются. А солдат у меня хватает. Против т а к о г о навьи в итоге бесполезны, они у в я з н у т в лавах атакующих конников — в данном случае, им настрого наказано, что в первую очередь рубить нужно по голове. Приказ прошел сверху вниз, от полковников до сержантов с капралами, люди готовы... Потери ожидаются больше обычных — но на то и война. В конце концов их просто перебьют.

— Вот именно, — сказал Канцлер. — Неужели Дали с Орком этого не понимают? И все-таки идут прежним курсом, к Латеране. Вы пытались найти объяснение?

— Конечно, — сказал Сварог невесело. — И отыскал только одно — вполне возможно, у них в запасе еще какой-то неприятный сюрприз.

— Возможно...

— Я на одно надеюсь: что этот сюрприз такого рода, что непременно позволит ввести в действие силы Империи... Правда, в прошлый раз состоялась самая обычная битва, без всяких сюрпризов. Это придает уверенности в себе, но, разумеется, не чрезмерной...

— Будем надеяться... Вот только в походе вам придется учитывать кое-какие весьма существенные обстоятельства... Знаете, в чем явный парадокс? После того, что императрица сделала на Агоре, после того, как мы арестовали еще одиннадцать членов Агоры, можно говорить со всей уверенностью: ч е р н ы х там больше нет. Двое, правда, пустились в бег сразу после печального завершения Агоры, и найти их пока не удастся — поскольку они были вне всяких подозрений, у них не сняли заранее «ореолы»... Но вы наверняка об этом знаете, я ведь разрешил использовать в поисках обе ваших службы

— Конечно, — сказал Сварог. — Мы их тоже пока что не нашли...

— Так вот, победа несомненная... Но парадокс в том, что мы, усилившись, если можно так выразиться, на одном направлении, оказались гораздо слабее на другом. Я о внутривполитических интригах. Теперь в Агоре остались только те, на кого нечем воздействовать. И это наши позиции ослабляет. А позиции Агоры, соответственно, усиливает. Очень многие ваши недоброжелатели и противники реформ остались на прежнем месте в прежнем качестве — и на сей раз с ними ничего нельзя поделать. Распускать Агору — значит вводить тираническое правление. С самыми непредсказуемыми последствиями. Беда еще и в том, что императрица — энергичная, волевая, решительная, способная на жесткие меры... но она, поверьте прожженному

политикану, просто не способна править тиранически. Она к такому не готова, никогда об этом не думала. Тиран — это особое свойство души, которым она не обладает. — Он усмехнулся. — Извините уж, но вот вы бы смогли. Вы в некотором роде тиран...

— Господи, вам незачем извиняться, — ухмыльнулся Сварог. — И в самом деле чутьчку тиранствую. Министры у меня ходят по струнке, в жизни не решатся отстаивать свое мнение, идущее вразрез с моей волей, уитенагемоты остались, но сидят тихонечко, как мыши под метлой, памятуя о печальных прецедентах, в том числе не особенно давних — я о названном отце, Конгере Ужасном... Ну и частенько использую формулу «закон уснул». Что есть, то есть...

— Вот только вы не император. А Яна к тирании ничуть не предрасположена, да и я, признаться, тоже. Очень уж это разные вещи — жесткий стиль правления и тирания. Ввести можно, но очень скоро начнут-ся с б о и...

— Вы это без задних мыслей рассказываете или хотите меня к чему-то п о д в е с т и?

— Хочу, — сказал Канцлер. — У меня были переговоры с Главой Агоры и самыми влиятельными ее членами. Долгие, нелегкие... Некоторая договоренность достигнута. Они пока что не будут проводить выборы, в принципе, согласны Агору распустить. Но необходимы и уступки с нашей стороны, в политике это неизбежно. Одна из уступок касается как раз в а с. Вы должны вести себя на земле... скромнее, что ли. Не использовать имперскую технику так, как вы ее порой открыто и беззастенчиво используете. На какое-то время, пока все не уляжется, никаких замаскированных под самолеты виман и подобного. Вы же прекрасно понимаете — любой из ларов может в рамках Эдикта о вольностях наблюдать за землей, сколько ему заблагорассудится — в первую очередь за вами. Держитесь

строго в рамках законов. Это касается и обычных самолетов и пулеметов... Вы ведь не можете не знать...

— Знаю, — угрюмо бросил Сварог.

Уж такие вещи земной король знать обязан. В свое время, когда были сделаны исключения из «Закона о запрещенной технике», королям было строжайше предписано: самолеты и пулеметы применять исключительно против внешнего врага — но ни в коем случае против мятежных подданных. Гуманизм, изволите ли видеть, вновь себя явил во всей красе. В силу тех самых необъяснимых обычной логикой бюрократических парадоксов при всей их абсурдности пароходы применять против взбунтовавшихся подданных как раз можно. Видимо, потому, что по пальцам можно пересчитать случаи, когда мятежники оказывались настолько близко к рекам, чтобы попасть под артиллерийский и ракетный обстрел с кораблей.

— Словом, используйте только то, что законам не противоречит, — продолжил Канцлер. — И уж тем более — никакой х е л л ь с т а д с к о й техники. В том числе и замаскированной под всяческую живность — ее легко распознать теми средствами, которыми соглядатаи располагают. Если вы все же нарушите правила игры, крупно меня подведете и подставите, меня обвинят в срыве негласных договоренностей, пойдут на конфронтацию... Понимаете? Я не буду брать с вас честное слово, надеюсь, вы и без этого поведете себя правильно...

— А что мне в таких условиях остается? — буркнул Сварог. — Вот только один маленький нюанс... Н а в ь и как раз попадают под действие тех самых писанных законов, позволяющих — да что там, требующих — применять против них имперское оружие.

— Безусловно. Однако нужны доказательства. А их у вас нет. Рожи у всех закрыты колпаками, так что по лицам не определить. Убитых... тьфу ты, черт, скорее уж обезвреженных навьев они сожгли после сражения

на Гарритальском поле. И только их — мои люди, как и ваши, отметили, что своих убитых они жгли не всех подряд, а выборочно, убитых людей преспокойно оставили на поле. Пепел и кости не улика. Кровь из носу, постарайтесь взять т р о ф е й, как в свое время проделал Гаудин, чтобы на законном основании применить в замке Мораг свой спецназ. Трофей! Реальный и осязаемый, не обязательно д е й с т в у ю щ и й, достаточно сохранившихся в целости останков, которые я мог бы предъявить скептикам. Я, как и вы, не сомневаюсь, что в войске мятежников идут навьи. Не сомневаюсь, что и в Акобарском королевском замке — навьи, они же Королевские Безликие. Но записи, которые вы сделали, доказательством служить не смогут... и, кроме того, раскроют перед посторонними те технические возможности, коими вы располагаете в Хелльстаде, потому что ничем иным эти записи объявить невозможно. Они все быстро поймут, и такой скандал разразится... Я с вашей хелльстадской техникой как-то свылся, и угрозы от нее не жду не из доверия — какое может быть «доверие» в таких случаях. Просто я давно уже убедился: вы ничего не сделаете во вред Яне, а значит и Империи. Но вот наши оппоненты начнут вас подозревать черт-те в чем, и так ходят всякие дурацкие разговоры насчет ваших коварных замыслов... В общем, добудьте трофей.

— Приложу все силы, — сказал Сварог. — Если не случится ничего непредвиденного, не дадим мы им возможности сжечь своих, если можно так выразиться, дважды мертвецов... Итак... Я уяснил: от меня требуется не нарушать законов, не использовать самолеты и пулеметы, и уж тем более хелльстадскую технику, в том числе замаскированную. Я все правильно сформулировал?

— Совершенно правильно. Этой формулировки и придерживайтесь строго...

— Буду придерживаться, слово чести, — сказал Сварог.

То ли он не смог сдержать мимолетную ухмылочку, то ли Канцлер, неплохо знавший и его, и его ухватки, что-то такое понял — но его взгляд стал крайне пытливым, нескрываемо любопытным, так, словно Канцлер спрашивал: «Ну-ка, как ты на сей раз извернешься?» Но он, конечно же, промолчал. И вряд ли будет в претензии, если Сварог в очередной раз именно что и з в е р н е т с я. Многие Сварогу ставили в вину, но никогда — использование им п р о р е х в законодательстве Империи. Такие вещи просто невозможно поставить в строку — на то прорехи прорехами. Геральдическая коллегия и Судебная палата в очередной раз разведут руками...

Высоко приподнявшись в стременах, он посмотрел назад. Туда, где во главе обоза как ни в чем не бывало катил десяток фургонов под полотняным верхом, ничем не отличавшихся со стороны от других обозных — а конвой из «волчьей сотни» одного из полков для того и служит, чтобы с в о и ненароком нос не сунули...

Он встрепенулся — к ним галопом приближался скачущий во весь опор навстречу всадник в мундире Черных Мушкетеров с лейтенантским шитьем. Сварог его узнал — именно этот офицер был отправлен командовать выдвинувшимся далеко вперед дозором из «волчьей сотни» своего полка.

На лице молодого офицера — ни следа тревоги или беспокойства, наоборот, оно даже веселое...

Подскакав вплотную, лейтенант браво отдал честь:

— Мой король, господин маршал кавалерии...

Примерно в десяти лигах отсюда наша разведка столкнулась с конным разъездом мятежников. Не ушел ни один. Языка мы взяли и успели в темпе допросить. Их главные силы лигах в пятнадцати отсюда. Двигутся гораздо медленнее нашего, их конница вынуждена равняться по пехоте. Мы их опередим и первыми

выйдем на поле... особенно если ускорим аллюр. «Языка» везут следом за мной. С нашей стороны потерь нет, только двое легко ранены. Судя по конской сбруе, это были драгуны из перешедшего к мятежникам Пятого полка. Их лошадей наши ведут в поводу.

— Благодарю за службу, — сказал Сварог. — Поздравляю всех с медалями «Дубовый лист».

— Король и честь! — браво рявкнул лейтенант уставную формулу.

Лицо парня лучилось неприкрытой радостью. Вполне возможно, это была его первая награда...

Гарайла кивком подозвал старшину трубачей и сделал ему понятный любому кавалеристу знак. Тот вскачь пустился вдоль колонн кавалерии. Вскоре в нескольких местах серебряно запели трубы, подавая сигнал перейти на крупную рысь. Потом будут пять минут короткого галопа и снова рысь — Сварог уже неплохо разбирался в тактике кавалерии, она была гораздо проще, чем иные военные дисциплины, которые ему пришлось изучать на Земле. Если не случится ничего непредвиденного, к месту назначения они придут менее чем через полчаса...

Так и случилось, они оказались на поле первыми — и тут же в ту сторону, откуда ожидался противник, помчались конные разъезды. Полки без малейшей суеты занимали места согласно диспозиции. Сварог с Гарайлой, дюжиной порученцев и Медвежьей Сотней поднялись на вершину большого холма с большими откосами. На соседнем, в паре сотен лиг от них, в хорошем темпе снимались с передков две ракетные батареи.

Да здравствует незатейливость и некое отставание в техническом прогрессе, подумал Сварог. На Земле ни один толковый командир не стал бы оборудовать НП на вершине холма, и ракетные станки не поставил бы на возвышенности — иначе бы всех очень быстро на-

крыли огнем с немалого расстояния. Зато здесь издали никак не достанут.

Как обычно в таких делах, самым тягостным оказалось ожидание. От тебя самого уже ничего не зависит, а халовка еще не началась, остается торчать на холме, не сводя биноклей с горизонта...

По сторонам от них уже развевались надежно вбитые в землю на древках длиной уарда в три надлежащие знамена. Штандарт Сварога, черное полотнище с золотым силуэтом Вентордерана и, как положено, уступавшее в размерах знамя маршала гвардии — тоже черное, с хелльстадским гербом Сварога в центре, покрытое золотой вышивкой: черепа и кости, скачущие кони, скрещенные сабли и мечи, подковы. И снова нечто непредусмотренное уставами: мятежи и бунты подавляют без всяких знамен, нексиллумов и «копий», с одним-единственным прапорцем на высоком древке, означающим, что войска действуют по личному королевскому повелению. Но, опять-таки — это не обычный мятеж...

Чтобы чем-то занять мысли, он вновь обратился к воспоминаниям, уже другим...

Дали отыскивали очень быстро, посредством имперской техники — она в темном мужском костюме и белом колпаке, как все, с мечом на поясе, ехала среди одного из конных отрядов, изображая, что она тут — рядовой участник заварушки. С Орком вышло потруднее, сначала его нигде не могли засечь, но потом Сварог по некому наитию пустил в ход хелльстадские средства наблюдения, нацелив их на Акобарский королевский дворец. И догадался правильно: вскоре обнаружил Орка, на сей раз в раззолоченном мундире горротского камергера. Судя по его разговорам с принцем Эгмонтом и другими сановниками и генералами, Орк, проныра, занимал при дворе довольно высокое положение, хотя еще не установили точно, какое; без сомнения, его

возвышение произошло оттого, что он предоставил принцу навьев — торчавших во дворце там и сям в мундирах Королевских Безликих и в черных капюшонах с золотой тесьмой.

В том, что это были именно навьи, Сварог не сомневался после длившихся более полутора суток наблюдений Золотого Обезьяна. Прежде всего, они не ели. Им была отведена особая зала для еды, которую посещали только они, но им там не подавали и корочки хлеба, и глотка воды — навьям это совершенно ни к чему. Они, такое впечатление, и не спали — в своей кордегардии просто ложились на спину и в таком положении лежали до сигнала побудки. Орк — и, скорее всего, посвященный в тайну принц, стервец этакий — сделали все, чтобы никто не заподозрил в королевских телохранителях н е л ю д е й. Твари поганые. Никто другой не смог бы справиться со «школярками» так быстро и с относительно малыми потерями...

Показались несущиеся галопом разведчики — ровно столько, сколько и уезжало. Они подлетели к одному из офицеров, стоявшему впереди своего полка, и вскоре оттуда галопом помчался на холм вестовой. Противник на расстоянии двух лиг отсюда, движется, выдвинув вперед конницу и две полковушки — а часть кавалерии с трех сторон прикрывает пехоту от возможного удара по флангам и с тыла.

Велик был соблазн ударить по ним на марше — но Гарайла по размышлении от этой идеи отказался, и Сварог одобрил. При таком ударе сразу не поймешь, кто есть кто, дело может пойти непредвиденным образом...

План Гарайлы особым полководческим искусством не блистал — но его сейчас и не требовалось для боя, в котором с обеих сторон участвовало лишь несколько тысяч человек. Главный удар обрушить на навьев, когда они неизбежно проявят себя, уничтожить их при

удаче всех до одного, остальных окружить и загнать в Баруганский лес, темной полосой видневшийся далеко слева. Еще четыре конных полка для того и выделены, чтобы отрезать противнику отход и заранее блокировать лес с противоположной стороны. А потом лес старательно прочесать густыми цепями всадников, которые получают строжайший приказ: рубить с большим разбором, брать живыми всех, кто похож на женщин в мужском наряде...

Лес занимает примерно семьдесят югеров, дикий, конечно, посещаемый лишь охотниками и смолокурами — но все же не чащоба непролазная, подходит для прочесывания в конном строю, ну, а при необходимости всадникам ничего не стоит спешиться, сохраняя густоту цепей. Стопроцентного выполнения военных планов не случается нигде и никогда — но осуществить большую его часть есть все шансы. Если только не случится непредвиденных сюрпризов, если, если... А если все же будут, надежда на одно: они окажутся такими, что дадут возможность пустить в ход имперские силы...

Ага! Сварог с Гарайлой подняли к глазам бинокли, давным-давно сменившие здесь подзорные трубы, еще до появления Сварога — штука нехитрая и не подпадавшая под «Закон о запрещенной технике».

Так-так-так... Далеко впереди, как и следовало ожидать — конные разъезды, вот они замаячили вне предела достигаемости пушек, ракет и мушкетного огня, высмотрев в бинокли все необходимое, умчались к своим — чему не было возможности воспрепятствовать. Противник не остановился, не задержался — показались кавалеристы, размыкавшиеся из походного положения в боевое построение на почтительном расстоянии, примерно таком, которое всегда разделяет два изготовившихся к битве отряда. Значит, твердо намерены дать бой. Ага. Они впервые за все время подняли флаг —

старинное боевое знамя бунтов и мятежей: синее полотнище с вышитыми золотом мечом, снопом пшеничных колосьев и кельмы каменщиков. Символизирует, изволите ли видеть, союз трудового крестьянства и городского пролетариата. Три эмблемы образовали этакий трезубец, где вместо древка — канцелярский стилос. Синий — цвет надежды. Стилос не всегда на бунтарских знаменах появляется, но в данный момент его присутствие означает, что в мятеже участвует и трудящаяся интеллигенция, вообще те, кто работает головой, а не руками — ну, отношение ко всем будет одинаковое, уж не взыщите, то, что люди обморочены черной магией, еще не означает, что их станут кормить пряниками. Нет другого выхода, кроме как воевать с ними. Интересно, есть ли у этих лимит времени? После истечения которого люди о ч н у т с я и уже в здравом рассудке поймут, что натворили? В первых двух крестьянских мятежах отрезвление наступило через три дня — и примерно за такой же срок пришли в разум нападавшие на замок Роменталь. Э т и, правда, пребывают в нынешнем своем состоянии уже более недели...

Сварог посмотрел вправо — там, у подножия холма, вытянулись в ряд те десять фургонов, прикрытые двумя кавалерийскими алами и двумя полковушками. Оскалился в недоброй улыбке — господа мои и очаровательная молодая дама, мы тоже умеем преподносить неприятные сюрпризы, в чем вы быстро убедитесь на собственной шкуре...

С обеих сторон запели боевые трубы. Противник пошел в атаку первым — клином на рысях двигались всадники, прикрывая пехотный отряд, приближавшийся прямо-таки бегом, практически не отставая от лошадей. Что-то они чересчур проворны — не навьи ли? Ничего нельзя сказать точно, но исключать нельзя — обычно пехота идет бегом в атаку на гораздо более близком расстоянии от противника, чтобы не

выдохнуться раньше времени. А эти чешут, как зайчики... Уже можно рассмотреть, что единой формы у них нет, одеты кто крестьянами, кто горожанами — ну конечно, навьев следовало надежно замаскировать под обычных людей, ничем особенным не выделяя. Интересно, где Дали? Пойди высмотри ее среди всадников, последние два дня она щеголяла в форме рядового драгуна, замешавшись среди таковых... Если навскидку, навьев — а все сильнее убеждение, что это именно они, брошенные в качестве ударного отряда, что весьма неглупо — не более двух тысяч. Потерь они понесли гораздо меньше, чем обычные люди, конечно. В Горроте у Орка их человек двести. Где же остальные, хотелось бы знать...

Тоже предсказуемо! Всадники рассыпались в обе стороны, перестраиваясь для возможной атаки — но остались на месте, а вот навьи — навьи, черт побери! — несколькими длинными шеренгами прытким бегом надвигаются на замерших неподвижно Свароговых конников, сейчас начнется...

Запели трубы, ратагайские и гланские гвардейцы крупной рысью помчались на врага. Так, сшиблись... Сварог не отнимал от глаз бинокль. Сеча была ожесточенная, отлетели последние сомнения, только навьи могли двигаться так в е р т у ч е, с недоступным человеку проворством подрубая ноги коням, осыпая всадников ударами гуф и копий с широкими остриями, и все это происходило уардах в трехстах от Сварога, так что до него доносился шум яростной схватки.

Сразу видно, что перевес, как и следовало ожидать, на стороне навьев — слишком мало их падает с расчеченными головами и наполовину снесенными черепами, замирая неподвижно, слишком много бьется раненых лошадей — истощенное ржанье режет душу — слишком много солдат Сварога убиты и ранены... Это

уже напоминает не битву, а хладнокровную резню — понятно, откуда у этих тварей эмоции и чувства...

Вражеская кавалерия рысью двинулась к боевым порядкам Сварога — а за конными пошла пехота, скорым шагом обычных людей. Замысел их понять нетрудно, навьи должны прорвать центр, а с флангов ударят «обычные» мятежники. Тоже не особенно затейливый план — частенько приносивший победу атакующим. Но на сей раз вы, ребята, попытались откусить кусок не по хавалке... Пожалуй, пора...

Сварог отдавал приказы молча, энергичными жестами. С холма прямо-таки горохом посыпались порученцы. В боевых порядках Сварога запели трубы, взлетели красные сигнальные ракеты, и среди них — одна зеленая, возвещавшая тот самый неприятный для соперника сюрприз...

Дравшиеся с навьями кавалеристы отхлынули назад, галопом уносясь в идеальном порядке, а на смену им выдвинулись два свежих полка, сцепились с навьями. Но на флангах Сварога стояло полное затишье, приготовленные для удара полки с места не сдвинулись, как и было приказано...

Стоявшие у фургонов люди проворно распахнули на обе стороны прикрывавшие задки фургонов полотнища. Сварог отдал мысленный приказ.

Десять темных туманных полос рванулись из фургонов и, в два счета рассеяв оказавшийся на пути конный отряд мятежников (они сами кинулись врассыпную, едва сообразив, что происходит), врезались в ряды навьев. Десять черных полос, смутно напоминавшие исполинских собак, ополоумевшими молниями метались среди врагов, разбрасывая их, как кукол, сбивая с ног, лишая голов (конники Сварога во исполнение приказа отступили на рысях).

Прекрасно видно, что игра началась уже другая, — десяток гармов быстро превратили атакующих в обо-

роняющихся, смели их столько, сколько не смогли бы люди. Сварог чувствовал, что его лицо перекосило злой ухмылкой — но не собирался ее убирать.

Все законно, господа оппозиция, все законно! Если что, и Геральдическая Коллегия, и Судебная палата это подтвердят без малейшего на них нажима. Исползовать в бою дрессированных животных земным королям разрешалось испокон веков, что четко прописано в законах. На Таларе с развитием огнестрельного оружия от них отказались, а вот на Сильване, где до сих пор воюют по старинке, холодняком, до сих пор в битвах участвуют и боевые слоны, и огромные собаки в кольчужных панцирях, а кое-где — даже пантеры и камышовые коты, размерами поболее обычных кошечек, с крупного пса.

Все законно! Пусть кто-то попробует доказать, что гармы — не дрессированные животные. А насчет не в п о л н е обычных животных в законах ничего не написано, нет запрета на их участие в боях, а это главное. И никого не колышет то, что эти законы составлялись во времена, когда о гармах толком и не знали — важна буква, никаких дискуссий и эмоций тут быть не может. Закон суров, но это закон. Двойных толкований не допускает, что не запрещено, то разрешено. Что имеем, тем и пользуемся, если это не нарушает закона.

Кавалерия и пехота противника, видя происходящее, сбилась с темпа, чуть расстроив ряды, всадники и пешие оторопело останавливались. Битва, все больше походившая на побоище — только перевес теперь был на другой стороне — продолжалась практически в тишине, воцарившейся над полем боя. Гармы не рычали, а навьи не способны издавать какие бы то ни было звуки.

Ай-ай-ай... На месте одного из мечущихся темных силуэтов появился лежащий на боку громадный пес, конвульсивно дергавший лапами. Достали, твари. Обычные люди ни за что не справились бы, а эти достали...

Очередной мысленный приказ — и девять гармов отхлынули. Синяя ракета — и с соседнего холма протянулись с грохотом длинные струи, батареи ударили ракетами в основном по навьям, так что их почти полностью заволокло разрывами и черным дымом, но и не обделили вниманием полковушки противника, пытавшиеся выдвинуться на подмогу навьям. Их накрыло точными попаданиями. Начался беглый ракетный обстрел — а вот у противника не выпало случая захватить ракетные станки... Действует он по заранее разработанным планам, не успев внести в них коррективы после с ю р п р и з а — кучка всадников так и перетаптывается у поднятого на высоком древке мятежного знамени, судя по их количеству, там не только главари, но и порученцы — но ни один из них пока что не поскакал к войскам. Ну да, отсюда видно, как они о чем-то яростно спорят, не в силах пока что сообразить, что же теперь делать...

С трех сторон заплескались на ветерке длинные разноцветные прапорцы — разворачиваясь, ударили засадные полки Сварога, замыкая надежно полукольцо, отжимая противника к лесу. Куда он и стал откатываться почти без боя. Обтекая двумя потоками оставшихся навьев и гармов, кинулись в атаку ратагайцы с гланцами. Ракетные батареи на какое-то время прекратили огонь, чтобы не накрыть своих, но, едва всадники пронеслись, с холма вновь с ревом повалили дымные полосы с черными продолговатыми оперенными ракетами, величиной в треть уарда.

Навьев к о с и л и. Их еще оставалось штук двести, они сомкнулись и стали отступать к лесу — конечно же, получив какой-то приказ, пока что непонятной Сварогу природы — собственного разума у них ни на грош, умеют только исполнять приказы, хотя мы так и не установили пока, к а к эти приказы отдаются...

Не удалось. Их вновь накрыли высокие фонтаны разрывов, черный дым, а когда ракетный обстрел

прекратился, к уцелевшим снова кинулись гармы, отрезая дорогу к отступлению, оставив за собой изрытое воронками поле, покрытое кое-где слабо шевелящимися кусками ничуть не кровавивших тел. Сварог подумал: вы хотите трофеев? Их будет у меня — достаточно, чтобы кое-что доказать самым твердолобым... Своими глазами убедитесь, корявые, сможете руками потрогать, если духу хватит...

Ну вот и все, пожалуй... У навьев ни одного не осталось на ногах — только на земле слабо шевелящиеся те, кто еще на это способен. Еще два гарма неподвижно вытянулись на земле. Простите, песики, но это война, вы своей смертью спасли немало человеческих жизней...

В том, что происходило чуть подальше, уже не было, если рассудить, ничего интересного: лязг оружия, редкие выстрелы, ржание коней. Оставшись один на один с обычным противником, всадники Сварога нажимали, оттесняя к лесу конных и пеших, струдившихся вокруг кучки верховых и синего знамени, к которому ожесточенно пробивались ратагайцы, гланцы и прочие гвардейцы. Магическим способом можно привести человека в некое безумие и заставить его крушить все вокруг. Но никакая магия — земная, имеется в виду — не прибавит умения владеть оружием наравне с опытными солдатами. В сторону леса — милости просим! — уже бежали пешие и неслись конные, вряд ли они на сей раз выполнять приказ, надо полагать, и магическое воздействие не в силах отбить инстинкт самосохранения, рассказывали же и принц Элвар, и лейтенант Вольных Топоров, что нападавшие перли на рожон не в совершеннейшем безумии, они иногда отступали, когда силы были неравны... Не было пока что о б щ е г о драпа, но в таких случаях он рано или поздно наступает...

Вот оно! Главари во весь опор припустили к лесу, бросив знамя, — пессимисты, ага... Вслед за ними помчался небольшой отряд драгун. Сварог навел на

них бинокль. Показалось, что среди ускакавших с поля битвы маячит и женская фигурка, но он не смог бы утверждать точно — очень уж все мелькало.

Все больше драпающих, все меньше дерущихся. Из полукольца никому из врагов не удалось вырваться, да особенно они и не пытались, дорога для бегства — ну, или кое-где организованного отступления — была гораздо предпочтительнее. Их ждет, конечно, другой сюрприз в лице кавалеристов Сварога, охвативших лес с той стороны, но беглецы об этом пока что не знают...

Отвернувшись от д о г о р а ю щ е й битвы, уже и не похожей на битву, Сварог спросил Гарайлу:

— Ну, как вам мои войска, маршал?

— Бесподобно! — выдохнул Гарайла. — Конечно, это не совсем то, что боевая кавалерия, но надо признать — они гораздо успешнее сражались... Знаете что, мой король? Сдается мне, что эти вот, по которым был главный удар, и не люди вовсе — своими глазами видел, как шевелились отрубленные руки-ноги... То-то вы приказывали бить непременно в голову... Знали что-то заранее, а?

— Знал, — сказал Сварог без улыбки. — Как-нибудь непременно расскажу. Ну что же, и дальше по плану?

— Конечно, раз такая везуха! Остается как следует прочесать лес со всем прилежанием, следя, чтобы ненароком не пришибить девок, про которых вы предупреждали. Мой король, а при чем тут девки? Колдуньи, что ли? Иногда они в мятежах участвовали...

— Что-то вроде, — сказал Сварог. — Приказ отдан, но вы еще раз напомните — рубить и стрелять с разбором, всех, кто похож на женщин в мужском платье, непременно брать живьем...

— Будет исполнено. Вот только, ваше величество, я бы посоветовал проческу начать завтра с утра. Солнце через часок закатится, ночной бой — штука самая в военной науке неприятная, а уж особенно в лесу... Когда крысе нечего терять, она к горлу прыгает и кусает, сам видел однажды...

Солнце, и точно, клонилось к закату, от людей и лошадей, от еще сражавшихся, бегущих, стоявших в резерве, от знамен, фургонов и пушек протянулись длинные тени, от закатной стороны к восходной.

— Резонно, — кивнул Сварог. — Встанем на ночлег на опушке... а лучше будет, если углубимся немного в лес. Чтобы, если рискнут прорываться, врасплох не застали. В лесу можно накопить сколько угодно сил, а с опушки и не заметишь...

— Да, это азбука, — сказал Гарайла. — Все готово, государь. Половина наших рассредоточена вокруг леса. Половина войдет в лес. Я дал приказ: огнестрельным оружием по возможности не пользоваться, брать всех женщин живьем. Приказ прошел сверху вниз, от полковников до сержантов. О наградах и вознаграждениях объявлено. По предварительным данным, их в лесу тысячи три. Думаю, нам удалось перебить всех н е л ю д е й...

«По подсчетам навьев было тысячи две, — подумал Сварог. — У Орка в Горроте — не более двухсот. А где остальные, хотелось бы знать?»

Но главное не в этом. Он прекрасно видел с холма, как на поле, где лежали порубленные навьи, ходят люди, одетые под военных. И там же стоят три виманы — точнее, замаскированные под них самолеты. Даже самые ярые ревнители традиций не подкопаются — потому что это не самолеты Сварога, а замаскированные под них виманы девятого стола и восьмого департамента. Прилетевшие сюда в рамках операции по сбору улики, то бишь навьев, а под местных замаскированы, всякому ясно, в целях конспирации. И когда там, наверху, получают убедительные доказательства, что Дали использовала навьев, дело примет совсем другой оборот — и шептуны заткнутся, и против Дали можно будет использовать кое-что посерьезнее. Неопровержимые доказательства налицо, попробуйте возразить...

...Он провел эту ночь, завернувшись поверх мантии хельстадского короля в теплый плащ, у догоревшего уже костра. Смотрел вверх, где акварельно-серое небо понемногу становилось акварельно-синим, и последние звезды таяли, исчезали. Уснул поздно — гонял над лесом прихваченных с собой Золотых Шмелей. Донесения были утешительными: мятежники вовсе не пытались собраться в компактную массу и идти на прорыв крупными силами. Они рассыпались по лесу мелкими группами и затаились, не разжигая костров, конные и пешие. Никаких признаков единого командования, никакого формирования больших сил для прорыва. Судя по разговорам, подслушанным Шмелями, там царило общее уныние — та фаза, когда вдоволь погулявшие и побуянившие мятежники начинают понимать, что гулянка кончилась, и они оказались, цензурно выражаясь, в глубокой дыре... С рассветом обязательно отыщутся те, кто пойдет сдаваться. Быть может, как и в прошлых случаях, уже рассеивается напущенный на них магический морок — было бы совсем хорошо. Если у Дали закончились Черные Семена или что там у нее есть — еще лучше. Для людей, с к о в а н н ы х магией, они драпали в лес что-то очень уж проворно, практически все, оставшиеся на своих ногах.

Он не мог понять, отчего подхватился ни свет ни заря. Потом только догадался — от т и ш и н ы.

В расположении войск тишины не бывает, на несколько часов укладываются подремать посменно, бодрствующие тихо беседуют, кони позвякивают сбруей, тихонько говорят пароль и отзыв часовые, обязательно слышны шаги караулов. Такой пронзительно-мертвой тишины просто не должно быть...

А она стояла, такая, что падение сосновой шишки показалось бы громом...

Выпроставшись из-под плаща, Сварог встал на ноги. Ближайшие кони, чьи поводья обвязаны вокруг вбитых в землю острых колышков, стоят неподвижно, как

статуи, отсюда видно — то же самое и с остальными конями Медвежьей Сотни. Словно диковинный парк статуй, ни один и ухом не поведет, не шелохнется, не взмахнет хвостом. А поодаль, меж деревьями — неподвижно лежат люди в кирасах и рокантонах, сжимая оружие. Еще один, и еще, и еще... Гланцев словно неодолимый сон скошил.

А чуть поодаль лежали гармы, тоже казавшиеся мирно спящими — бока вздымались, лапы подергивались, как бывает, когда собакам снится, что они куда-то бегут.

Он стоял, положив руку на топор, голова была ясной. Что-то непредвиденное все же произошло, и уж, безусловно, не к добру... Еще один сюрприз противника.

Потом он увидел. Справа из леса на большую поляну тянулись полосы светло-фиолетового тумана, толстая струя разделилась на множество мелких, тянувшихся к лагерю, опутавших и людей, и коней, и гармов, выпустила длинные полосы в сторону часовых, тоже касаясь их голов и тел.

Подбежав к ближайшему часовому, Сварог присел над ним на корточках: жив, никаких сомнений, дышит равномерно. Тряхнул за плечо — бесполезно. Ни с чем похожим он прежде не сталкивался, но откуда это взялось, не сомневался.

Прислушался — нет, ни хруста веток (непривычный к лесу человек непременно парочку бы сломал), ни осторожных шагов. Значит, это не прорыв, никак не прорыв...

Ни с чем подобным он прежде не сталкивался, не смог понять, что перед ним. На черную магию это никак не походит, вот и все, что можно сказать. Выхватив топор, рубанул по ближайшей полосе светло-фиолетового цвета — бесполезно. Она даже не встрепенулась, как бывает со струйкой дыма, если расцечь ее чем-то острым. Он остался совершенно один — он и Доран-ан-Тег...

Огляделся. И увидел место, откуда выползал из леса туман, погрузивший в беспамятство его отряд. Уардах в ста пятидесяти отсюда течет неширокая быстрая речка, и через нее в незапамятные времена перекинут каменный мост, обветшавший, но надежный — поздним вечером по нему и проехала сюда Медвежья Сотня. Гадать, откуда в совершеннейшей глуши взялся капитальный мост, не стоило — он не раз встречал подобное в других местах. Какой-то богатый сеньор, обитавший не так уж и далеко от этих мест, любил здесь охотиться, а чтобы не промочить ножки, переправляясь вброд, велел возвести мост. Что его крестьяне и исполнили старательно, негоже барину мокнуть.

Он побежал в ту сторону, придерживая на бедре чехол топора. Несколько раз пересекал полосы чародейного тумана, но ничего не почувствовал — не действовала на него эта дрянь...

Увидев за рекой, еще довольно далеко отсюда, группу людей, открыто шагавших к мосту, спрятался за дерево. Мост солидный, уардов двенадцати в длину и шириной в четыре — все для удобства охоты. Мост был серый, из тесаных камней, там и сям обросший мхом.

Пять человек, с открытыми лицами, белые колпаки заткнуты за пояс. И среди них — Дали, в драгунском мундире, с непокрытой головой, с мечом на поясе — крестовина золоченая, затейливая — ножны украшены золотыми накладками, оружие не из дешевых, вот только рукоятка зачем-то сплошь обмотана кожаным ремнем.

Когда они приблизились к мосту вплотную, Сварог вышел на другую сторону и, выхватив топор, громко сказал:

— Куда поспешаем, прекрасная дама? И вы, господа? О, какая встреча, милорд...

Он узнал того, что шагал рядом с Дали, наголову ее выше. Часто виделись на придворных торжествах — лорд Стемпер, граф Парлот. Чистокровный лар, в соучастии в заговоре не замечен, в предшествующих Агоре дебатах занимавший позицию скорее умеренную. Человек вне всяких подозрений — а сколько их еще таких, невыловленных, неразоблаченных? Но то, что он здесь и с ней, означает одно...

Они чуть вздрогнули от вполне понятного удивления, но страха не проявили, положили руки на рукояти мечей. И решительно двинулась на мост. Сварог тоже шагнул вперед, так что они с Дали сошлись примерно на середине, их разделяло уарда два. Остальные кучкой держались позади.

— Куда поспешаем? — спросил Сварог. — Что это вы за женскую спину спрятались? Стыдно, господа...

— Дама и сама может справиться, — сказала Дали, улыбаясь ему очаровательно, хищно.

И выхватила меч — узкий, длинный, с клинком, такое впечатление, старинной формы. Убивать ее, конечно, не следовало — обезоружить, оглушить. «Нужно было нацелить на лес орбиталы, — с запоздалым сожалением подумал Сварог. — Тогда наверняка не застали бы врасплох, но кто же знал, что у нее еще в запасе...»

Он выхватил топор, довольно небрежно взмахнул им, чтобы снести ее клинок под корень, но не задеть саму. Дали подняла руку, парируя удар. Кожаная полоса в наверху рукояти чуть размоталась, и оттуда сверкнул кровавым блеском рубин.

Лезвие топора отлетело в сторону, словно отброшенное неведомой силой. «Доран-ан-Мор!» — промелькнуло у него в голове, но человеческая мысль всегда быстрее рук, и он ничего не успел...

— Ну, получил... п а п о ч к а! — раздался азартный вскрик Дали, и в следующий миг клинок вошел ему в грудь, вышел из спины, тут же показался весь,

в дымящейся крови. Боли не было — только леденящий холод и безмерное удивление, ноги подкосились, и он ничком рухнул на мост, пальцы разжались, выпустил топориче. Он чувствовал, что не в силах и пальцем пошевелить, в голове стояло: «...мост... своя кровь...» Голоса доносились как сквозь толщу воды:

— Готов?

— Готов, — не без самодовольства сказала Дали. — Я ведь в сердце била. Хорошо бы топор забрать, но ведь не забереешь...

— Но мантию-то можно забрать? И митру?

— Некогда ждать, пока он отойдет. Нужно спешить. И потом, есть еще королева, неизвестно, что из этого получится...

— Ну тогда пошли, пошли!

Глухие шаги отдалились. Сварог лежал лицом вниз, не чувствуя холода камня.

Они возвращаются?

— Подожди, я тут подумал... Может, скинуть его в реку?

— Вот этого не надо, — чуть насмешливо ответила Дали. — Течение тут быстрое, пока очухаются, унесет далеко, а то еще и за корягу зацепится, будет лежать на дне... Чего доброго, еще двойника выставят, или самозванцы пойдут, а мне это совершенно ни к чему... Ну, пошли!

ЭПИЛОГ

И снова тишина, мертвая, обволакивающая. Сварог вдруг почувствовал, что встает — или его поднимает что-то. На мгновение стусился непроницаемый мрак, а потом оказалось, что он шагает, неторопливо, но не шатаясь, держа равновесие. Слева, где сердце, начало припекать каким-то странным жжением. Вокруг уже не было ни моста, ни леса, он шагал меж высоченных стен клубящегося серого тумана, неизвестно, насколько высоких — голову почему-то задрать он не мог. Не было ни мыслей, ни чувств. Кажется, это была Последняя Дорога Королей, от которой ни один венценосец не избавлен...

И остановился вдруг. Дорогу заступила Мара, с бледным, отчаянным лицом, в своем любимом костюме каталаунского лесовика. Сварог стоял и смотрел в знакомое лицо, вновь не в силах отыскать в себе эмоций, мыслей, чувств, мысль в голове билась одна: как нелепо все произошло...

И нахлынуло невероятная тоска — и еще радость от того, что они все же увиделись еще раз. Неизвестно где, но увиделись.

Мара не разжимала губ, но он явственно услышал ее голос:

— Допрыгался?

— Расслабился... — Он слышал свой собственный голос неизвестно откуда, но уж никак не из собственных уст.

Шагнул было к ней, но натолкнулся на невидимую преграду. Мара повелительно выбросила правую руку, подняла ладонь:

— Стой! Тебе еще рано!

И Сварога вновь окутала черная мгла. Он словно провалился куда-то, все так же без мыслей и чувств, с нарастающим жжением в груди.

Красноярск, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Демократия на марше	5
Глава II. Дела не вполне обычные, но житейские, в общем.	28
Глава III. Нехитрый философский тезис и хитрая загадка	52
Глава IV. Гоп-стоп, мы подошли из-за угла... ..	74
Глава V. Здесь без стука входят гости.....	111
Глава VI. Один, меланхолический	149
Глава VII. Потери и загадки.	198
Глава VIII. Интермедия с ночными танцами и ночными тварями.....	212
Глава IX. Синеглазый блицкриг	227
Глава X. Море, море... ..	247
Глава XI. От обилья подстудивших невзгод.....	262
Глава XII. Полет ворона	281
Глава XIII. Улица моя тесна.....	309
Эпилог.	333

*Авторы стихов, приведенных в романе:
Евгений Бачурин, Андрей Вознесенский,
Ольгерд Довмонт, Евгений Клячкин*

Бушков Александр Александрович

ЧУДОВИЩА В ЯНТАРЕ-2. УЛИЦА МОЯ ТЕСНА

Роман

Ответственный за выпуск В. В. Кузьмин
Оформление обложки Ю. А. Меньшиковой
Компьютерная верстка С. В. Тихомирова
Корректор Н. А. Натарова

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 16 лет
Налоговая льгота — Общероссийский классификатор
продукции ОК 005-93-953000.

Подписано в печать 20.05.2019.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Palatino.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Уч. изд. л. 11,5.
Тираж 8000 экз. Заказ № ВЗК-03124-19.

По вопросам приобретения продукции просим обращаться
по следующим адресам:

Интернет-магазин «АБРИС»
www.fidabris.ru
8 (495) 981-10-39; 8 (926) 611-98-46
zakaz@fidabris.ru
Доставка по России курьерскими
службами, транспортными
компаниями и Почтой России

г. Москва и регионы РФ
ООО «Торговый дом «Абрис»
г. Москва, ул.
Краснопролетарская,
д. 16, стр. 1
По вопросам оптового приобретения
продукции: 8 (495) 229-67-59
(многоканальный)

г. Санкт-Петербург
ООО «Абрис СПб»
По вопросам розничного
приобретения продукции:
Книжная ярмарка
ДК им. Крупской,
пр. Обуховской Обороны, д. 105,
павильон № 43 (ст. м.
«Елизаровская»)
8 (812) 335-01-61
По вопросам оптового
приобретения продукции:
Железнодорожный пр., д. 20
(ст. м. «Ломоносовская»)
8 (812) 612-11-03;
8 (812) 327-04-50 (51)
info@prosv-spb.ru

г. Грозный
ООО «Центр образования
«Абрис»
По вопросам розничного и оптового
приобретения продукции:
ул. Индустриальная, д. 4
8 (929) 246-98-26; 8 (929) 247-05-62
abris95@textbook.ru

г. Калуга
ООО «Школьный МИР»
По вопросам розничного и оптового
приобретения продукции:
ул. Достоевского, д. 29,
помещение 66
Тел./факс: 8 (4842) 57-58-51; 8 (910)
866-51-81
ooomir40@yandex.ru

г. Киров
ООО «Абрис Вятка»
По вопросам розничного и оптового
приобретения продукции:
ул. Комсомольская, д. 63
8 (8332) 699-668; 8 (8332) 705-805
AbriSVTK@textbook.ru

г. Симферополь
ООО «Торговый дом «Абрис»
По вопросам розничного
приобретения
продукции:
Магазин «Школьный мир»,
ул. Ленина, д. 27
8 (978) 092-85-17

По вопросам оптового
приобретения продукции:
ул. Крылова, д. 172
8 (3652) 78-83-65;
8 (978) 091-05-91
znanie@textbook.ru

г. Тула
ООО «Абрис-Тула»
По вопросам розничного и оптового
приобретения продукции:
Ул. Советская, д. 59,
этаж 2, офис 205
8 (920) 777-80-80
AbriS71@textbook.ru

г. Уфа
ООО «Абрис-Уфа»
По вопросам розничного и оптового
приобретения продукции:
Проспект Октября,
д. 97/1, помещение 1
8 (347) 246-46-11;
8 (347) 246-38-01
AbriSufa@textbook.ru

г. Челябинск
ООО «Абрис -Челябинск»
ул. Худякова, д. 18, корпус 2,
оф. 428-430
8 (351) 271-97-07;
8 (982) 287-39-96
AbriS74@textbook.ru

ООО «Торговый дом «Абрис»
127473, г. Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16, стр. 3, эт. 2, пом. I, ком. 8

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография», филиал «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

ЧУДОВИЩА
В РЯНТАРЕ?

УЛИЦА МОЯ ТЕСНА

Со звоном один за другим
летят царские венцы
с головы Короля
Королей — Сварога.
В миг гаснет жизнь
волшебника,
словно задутая свеча.
На полях брани началась
великая косьба.
Сверкает кровавым
блеском рубин
в рукояти меча —
с клинком старинной
работы.

ISBN 978-5-00111-516-8

9 785001 115168